

ÊĬ ÊĀĀ ĬĀ ĀÑĀ ĀÐĀĬ ĀĬĀ

Ā Ðĭññè ĀĭĀ āĭēūā āāāēñēō āĭĭ ĭā, āāĀ ĭā ĭĭēēāō āĭōū ōĭā - ĭā ēāēōā, ðĭññĭ, āĭāēēñĭĭ, āāēā ĭā ēāēōā Ê ñōĭēō ĭāāā Êĭēā Êĭēā ĭĭā-āĭ āā āāāĭ ē ĭēēōĭ ĭā ōðĭāĭēēō. Ĭĭ āāāĭ ōĭā - ēĭēā, āāā āĭōū āĭ, āā āū ēōē-āōū ĭĭñōĭĭĭĭ, ā ĭā ōĭēūēĭ ā ĭāāāĭ ōā Ĭĭ - āāĭ!

Различия между еврейским домом и любым иным должны быть заметны. В еврейском доме своя аура, и когда ты туда вошел, это должно ощущаться с порога. Это связано со многим, что должно быть в еврейском доме. В первую очередь, нужно, чтобы под нашим кровом люди чувствовали себя как дома, уютно. Нуждающийся человек должен знать: двери в наш дом открыты. В каждом еврейском доме следует иметь копилку, и день за днем класть в нее хотя бы пару рублей, приучая к тому же детей. Ведь мы живем в мире, когда нет прямой связи между богатыми и бедными, а копилка дает нам возможность делать бедным подарки...

Очень важно, чтобы в еврейском доме непременно были книги. Если их нет – это плохой знак: жизнь здесь – лишь вокруг кухни да телевизора, и странно ожидать, что там дети обретут верный путь. Помню свои ощущения, когда впервые приехал в СССР и увидел: чуть не в каждом доме обязательно – шкаф, забитый книгами. В некоторых домах книги были истрепаны, со сломанными корешками – очевидно, их часто читали! В других – книги ровненькие, чистые и красивые, но потому-то и ощущалось: им придают мало значения... А наша традиция диктует: книги в доме – не для украшения шкафов! Они должны быть всегда под рукой, ими следует пользоваться ежечасно. Предназначение книги – исключительно в том, чтобы ее читали.

В Торе одна из первейших заповедей определяет связь между родителями и детьми: «И повторяй это, когда встаешь поутру, и говори детям своим, когда находишься дома, и когда ты в дороге...» Так в Торе заповедано: всё в Книге Книг надо неоднократно повторять. Прочешь и произнеси что-либо лишь один раз – не даст должного результата. Единственный путь для обучения и наставления детей – повторение. Мудрецы говорят: кто учит, не повторяя, подобен тому, кто сеет, не вспахивая.

Тора – самая важная, бесценная книга, и нет иной, которую бы перевели на столько языков и столько перепечатывали. Тора – урок на всю жизнь. Неисчислимое множество книг написано, прочитано, но они уже потеряли смысл, ибо изменялась жизнь, изменился мир. Лишь Тора – книга на все времена, ее уроки, заповеди и изречения действительны и по сей день, и так будет впредь – во веки веков. Само слово «Тора» – от «хораа»: «урок, показывающий правильный путь»...

– Что ты учил? – спросил Ребе одного человека.

Тот ответил:

– Трактат из Талмуда, первую книгу, главу...

Тут Ребе перебил его и снова спросил:

– Что ты учил?

И тот опять твердит про то же, дескать – такой-то трактат, глава...

Ребе вновь перебил отвечающего и объяснил свой вопрос. А именно: «Чему тебя научила Тора? Как Тора изменила твой жизненный путь?»

...Прочтя Тору только один раз, мало чему научишься, и вряд ли удастся тебе встать на путь истины. Уроки Торы нужно повторять, и это должно стать частью жизни. Настоящая учеба – когда человек меняет подход к жизни, взгляд на суть вещей: то, что он учит, способно изменить к лучшему его качества, развить интеллект, утвердиться в верных мнениях. Тора – не та книга, что может годами лежать в шкафу. Для нас Тора – книга путеводная, изменяющая нас и нашу жизнь.

Нередко люди выдают изречения из Талмуда и других книг за собственные. Но мы видим: это сказано задолго до них. Тора должна присутствовать в каждом: если по-настоящему правильно учить Тору, то она становится частью изучающего ее, частью его жизни. Он же, в свою очередь, становится восприимчивым Торы, ощущает ее воздействие на собственную личность. Когда человек повторяет слова, написанные в Торе, как свои собственные, – значит, они стали его сущностью. Мы изучаем Тору не для получения дополнительной информации, а чтобы найти правильный путь в жизни.

Кто может утверждать: в Торе я всё учил, знаю ее всю и могу ответить на любой вопрос? Еврейская традиция говорит – нет такого человека! Любому из нас не хватит того, что он учит: он волен «найти свою долю» в Торе. Мы должны каждый день молиться, просить Б-га дать нам возможность добавить в Тору, внести в нее новое! Чтобы мы могли не только объяснить, а что-то привнести в понимание Торы. Несмотря на то что Тора – книга, данная Б-гом, Он также дал нам возможность добавить наш собственный комментарий и

трактование любого места Торы. И если это не отрицает основы еврейской традиции, то все сказанное новое о содержании Торы явится частью ее.

Талмуд изрекает: стесняющийся задавать вопросы никогда не станет ученым. Нужно быть готовым аргументировано ставить под сомнение все, что написано. И если что-то недопонимаешь, возможно, это – твоя вина, и ты должен задать вопросы. Они – часть учебы, неотделимая от познания Торы. Бывают и преподаватели, и даже родители, не позволяющие детям задавать вопросы. Это самая большая ошибка! Дети должны знать, что могут задать любой вопрос на любую тему. Если у отца ответа нет, он должен прямо сказать об этом сыну, и это только прибавит ему уважения: отец учит, старается, но есть вещи, которых он пока не знает. Следовательно – надо больше учиться, познавать Тору. И, может быть, наступит день, когда сын глубже изучит Тору, поймет прежде непонятое и тогда объяснит своему отцу...

Главный раввин России Берл Лазар

реальность, этим «бесконечным бытием» не охваченная, а следовательно, таковое бытие не является бесконечным. Ведь в Торе сказано: «Б-г есть Б-г Всесильный, нет другого, кроме Него» (Дворим, 4:35). Но как же тогда быть с нашим миром, с нашей «реальностью»? Как может тогда что-то «кроме Него» обладать существованием?

Рабби Шнеур-Залман из Ляд в книге «Тания» предлагает фундаментальное разрешение этой проблемы, давая определение тварной реальности как «Б-жественного высказывания». В первой главе книги «Брейшис» творение Б-гом мира описано как последовательность десяти высказываний Творца. Сказал Всесильный: «Да будет свет», и стал свет; Всесильный говорит: «Да произрастит земля зелень», «Да будут светила в пространстве неба», «Да воскишит вода кишением живых существ» – и растения, звезды, рыбы обретают бытие. Приводя изречения из Мидраша и мнения кабалиста рабби Ицхака Луриа и основателя хасидизма рабби Исроэля Баал-Шем-Това, рабби Шнеур-Залман заключает, что эти Б-жественные высказывания – не только причина существования всех сущностей, но и само их существование. Мы принимаем за свет не что иное, как воплощенное артикулированное желание Б-га, чтобы был свет; мы принимаем за дерево не что иное, как воплощенное артикулированное желание Б-га, чтобы было дерево.

И тогда тварная реальность, на самом деле, не есть «что-то кроме Него» – в той же мере, как произносимые нами слова не есть сущности, обладающие вне нас самостоятельным бытием. Речь – творческий акт; но когда мы произносим что-либо, мы не творим что-то, что было бы «иным» по отношению к нам: мы придаем звучащую форму нашим идеям, чувствам и желаниям. Описывая сотворение мира как ряд высказываний Б-га, Тора выражает тем самым представление, что мир не есть что-то отделенное от Творца, но – лишь «произнесенные Им слова». Лишь артикуляция Его представлений и сил, которые являются составной частью Его сущности.

Из такой концепции, представляющей нас самих и наш мир Б-жественной речью, вытекает множество следствий и производных. Одно из них – осознание факта, что различие между вещами вторично на фоне того, что в своей изначальной сущности они подобны. Язык может насчитывать миллионы слов, но все они будут лишь комбинацией немногих согласных и гласных. А спустившись еще на уровень ниже, мы увидим, что эти согласные и гласные – не более чем результат варьирования параметров потока воздуха и преграды, определяемой положением голосовых связок, языка, зубов и губ говорящего.

Дерево кажется бесконечно отличным от луча света, а рыба – от звезды. Но все эти объекты, по сути своей, есть одно и то же: Б-жественное слово, артикуляция Б-жественной воли. Все они восходят к одной и той же сущности, а различие между ними проявляется на более поздней стадии, когда они проходят через Б-жественные «уста», обретая те или иные формы и характеристики.

Так, в Торе (Брейшис, 1:4) говорится, что в первый день творения Б-г «отделил свет от тьмы». Может ли быть более явное отличие, чем различие между светом и тьмой? Зачем же «разделение» столь очевидного? Однако и свет, и тьма сотворены Б-гом; и свет, и тьма – Б-жественные высказывания, формулировки, в которые облекся единый прилив Б-жественной воли. Их непохожесть – порождение Б-жественного акта авдолы, преднамеренного разделения между двумя реальностями, в сущности – синонимичными.

Áááá

В свете сказанного мы лучше поймем уже цитированное из Талмуда, касающееся связи между даас и авдолой. Интересующее нас талмудическое рассуждение посвящено тому, что в вечерней молитве, читаемой после проводов Субботы, текст авдолы «вставлен» в молитву, начинающуюся словами: «Ты даровал человеку даас и научил человека пониманию; ниспошли нам, от Тебя, мудрость, понимание и знание...» (Четвертое благословение Амиды).

Как утверждает Иерусалимский Талмуд, причина такой последовательности молитвенных чтений заключена в понимании факта: «Если бы не было даас, разве могла бы существовать авдола?»

На базовом уровне Талмуд тем самым утверждает, что совершение авдолы требует расщепляющего, дифференцирующего мышления даас. На более глубоком уровне утверждается, что авдола возможна лишь постольку, поскольку «Ты даровал человеку даас» – поскольку Сам Б-г наделил нас способностью разделять разнообразные элементы Его творения.

Ибо если мир – Б-жественное высказывание, если все сотворенное по сути своей – одно, как можем мы проводить различие между сущностями? И если мы проводим различие, имеет ли этот акт разделения сущностей значение? Мы же можем отличить «свет» от «тьмы». Также можем отождествлять одни сущности со «священным», а другие – с «профанным». Мы можем установить, что шесть дней недели отданы достижению наших целей в материальном мире, а седьмой – духовному отдыху. Но если все они, по сути, являются Б-жественными высказываниями, какой властью обладаем мы, чтобы проводить различие между ними?

Но Б-г хотел, чтобы в мире существовала мораль – чтобы это был мир, где людские деяния были бы наделены целью и смыслом. Он наделил Свое творение вариативностью, разнообразием и различными качествами, установив, что эти различия между сущностями важны и обладают ценностью. Акт творения был актом авдолы – различения того, что изначальное едино по сути и подобно. И Он наделил человека разумом, способным воспринять парадокс авдолы – парадокс, связанный с тем, что значимое различие присутствует

«поверх» изначального сродства. Тем самым Б-г уполномочил нас осуществлять в наших помыслах и наших поступках разделение, которое Он установил в сотворенном Им мире.

Àòíðíé íàðàáíéñ

Авдола заключает в себе и другой парадокс: ее функция, в конечном итоге, в том, чтобы объединять все, что подвергается разделению.

Тора велит нам «помнить» и «соблюдать» день Субботний, чтобы отличать его в сознании словом и делом от остальных шести дней недели (Шмойс, 20:8; Дворим, 5:12; см. Рамбам, Законы Субботы, 29:1). При этом Суббота – по сути своей граница, очерчивающая прочие дни недели. Она – кульминация всех усилий и стремлений, которыми насыщены рабочие дни: в Субботу всё, ради чего мы трудились, всё, чего мы добились в течение недели, «восходит к полноте». И достигает полной и совершенной реализации (Ор а-Тора, Брейшис, 42б и далее; 508а и далее). Суббота – день, «от которого все дни обретают благословение» (Зогар, ч. II, 63б; там же, 88а). Суббота – источник той энергии, что питает наши усилия в течение последующей недели.

Нам велено соблюдать нашу несхожесть с другими, чтобы сберечь черту, проведенную «между Израилем и другими народами». И при том народу Израиля заповедано служить «светом для народов» (Ишаю, 42:6), неся этос и идеалы Торы всем живущим на земле. Нам велено «различать священное и мирское» – избирать то, что свято и Б-жественно в нашей жизни, проявляя осторожную осмотрительность и сдержанность в том, что касается материальных аспектов жизни «Освящай себя [воздерживаясь также] и в том, что разрешено» (Талмуд, Иевомойс, 20а, в объяснение Дворим, 19:2; см. Рамбан на Дворим, 19:2); «Следует есть и пить лишь то, что необходимо для здоровья тела... не все, к чему влечет желание» (Рамбам, Законы о характерных особенностях, 3,2); «Что запрещено, не должно того человеку; что разрешено, не нужно того человеку» (Рабби Шнеур-Залман из Ляд). В то же время сказано: «Цель творения человека и творения всех миров, духовных и материальных» – «создать Б-гу обитель в нижних» (Мидраш Танхума, Носой, 16; Тания, гл. 36). Поэтому наши ежедневные занятия материальным должны быть направлены на познание Б-га и служение Ему, чтобы через них создавался для Него «дом» на самых нижних, профанных уровнях мира.

Лишь нашим неустанным внимательным попечением, когда мы заботимся о границах, проведенных внутри творения, и об укреплении этих границ, может быть достигнута эта цель. Ибо только когда Суббота соблюдается во всей ее четкой определенности, когда мы заботимся об ее трансцендентном характере, она может возвысить и наполнить остальные шесть дней недели. Только в своей выделенности в качестве избранного народа может народ Израиля предложить что-то истинно ценное всем другим, живущим на земле. Только когда наша духовная жизнь не тронута разлагающим влиянием материального, она может, в свою очередь, освятить материальное, включив его в орбиту служения духовным целям.

Îò ääéíáíéÿ é ñèí òííèè

Авдола – субстанция нашей ежедневной жизни, когда каждый час, каждое мгновение ставят нас перед необходимостью отделять и разделять. И мы проводим разделение между истинным и ложным, священным и профанным. Однако проводимые таким образом границы – лишь средство, служащее иному и высшему. А именно – когда процесс направлен на выделение некой сущности из начального единства во имя будущего синтеза всего и вся. И по сути, и по происхождению своему все сущее есть одно. Но когда изначальное единство подвергается разделению, достигается единение на более глубоком уровне. Тогда и выделенные компоненты обретают назначенную именно им роль в симфонии творения, выражающей благодать и совершенство Создателя.

Òàððèà

ÇÀ×ÈÍÀË ÍÎÁÏ ÆÈÇÍÛ

«...(если бы), что то большое сказал тебе (сделать) пророк, то разве ты не сделал бы?

А тем более, когда он сказал тебе (только): “Омойся, и будешь чист”».

Афтора главы Тазриа, Млохим II, 5:13

Одна из аналогий, призванных выразить характер связи между Б-гом и народом Израиля, заключается в том, что эту связь сравнивают с узами любви между женщиной и мужчиной.

Комментарий на Шир а-Ширим

Любовь между женщиной и мужчиной многомерна, и подразумевает глубочайшую близость.

Сходным образом любовь между еврейским народом и Б-гом существует не как раз и навсегда установленная данность. Нет, это – динамичный и драматический союз. «Святой, благословен

будь Он, и Израиль – одно» (Зогар, III, 73а). Они соединены узами, которые есть узы любви и ревности, и пророк сравнивает их с узами супружества, говоря: «Ибо супруг твой – Создатель твой...» (Ишайау, 54:5).

Следует уяснить, что даже на человеческом уровне физическая близость – большее, чем просто соединение мужчины и женщины, и она несет в себе начало новой жизни. В комментарии Ор а-Хаим сказано: любые брачные отношения рожают новую душу. Если пара достойна, то сотворение души связано с представлением о новой жизни, явленной в материальном мире.

Точно так же узы между Б-гом и еврейским народом – больше, чем сущность, замкнутая в себе: через них распространяется энергия жизни.

Ñàæàÿ ñàì áí à

Сам стих, открывающий раздел «Газриа», связан именно с этим кругом представлений: «Если женщина зачнет и родит сына», говорится в его начале. Слово «женщина» отсылает к еврейскому народу, который привносит в мир новую жизнь.

Слово «газриа», употребленное в интересующем нас стихе в значении «зачать», означает «давать всход семени». Этот термин имеет метафорическое значение. Ибо если семя посажено в землю, его оболочка обречена на разрушение. Только тогда через него реализуется безграничный потенциал сил роста, заложенных в земле. Это приложимо и к еврейскому народу в целом, и к каждому из нас. Наши жизни наполнены земным: они вращаются вокруг материальных забот.

Это проявляется даже в нашем служении Б-гу: часто само соблюдение мицвоис кажется главным – и мы забываем о том круге мыслей и чувств, которые должны пробуждать в нас эти действия. То есть – мы забываем самое важное. Да, сказано: «Б-гу желанны сердца» (Ср. Сангедрин, 106б и комментарий Раши). Обратим внимание, что с этим стихом связано само наше учение, как его сформулировал Баал-Шем-Тов. Мы должны следовать ему всем сердцем. Но если человек все утро будет размышлять с любовью и трепетом над молитвой Шма, но не произнесет сами слова молитвы, или если он всем сердцем воспылает сочувствием к беднякам, но не сделает ничего для благотворительности – его служение Б-гу будет не тем, чем оно должно быть. Ибо сказано «деяние, оно истинно значимо» (Ср. Пиркей Овойс, 1:17).

Сказано: «Сейте себе в правду, и пожнете милость» (Хошеа, 10:12). Тем самым мицвоис соотносимы с «семенами». И здесь, обратившись к высказываниям мудрецов, мы вновь обнаруживаем аналогию с рождением, как у Раши в комментарии на главу Ноах: «Родословная праведников и благих деяний». Ибо каждая мицва есть проникновение Б-жественных энергий в наш мир – мир, который расцветает и приносит плоды, когда за ним ухаживают. В конечном итоге, плоды посеянных семян – Искупление, эра, когда Б-жественность, привнесенная в мир тысячелетиями служения еврейского народа Б-гу, расцветет откровением. Тогда природа нашего существования будет преобразена, и мы сможем чувственно воспринимать, что в основе всего сущего лежит Б-жественное. Когда сам мир обретет сознание своей Б-жественной природы, тогда за искуплением уже вовеки не последует изгнание: эта Б-жественность уже никогда не будет утаена или сокрыта.

× óáì çà-àò èÿ

Мудрецы поясняли, что выражение «Если женщина зачнет» подразумевает, что в любовной связи именно она делает шаг к ее углублению (Нида, 31а).

По аналогии человек не отвечает Б-гу напрямую и непосредственно. Для этого он сначала проникает в глубины собственного существа и там черпает внутреннюю энергию, чтобы за счет этого установить связь с Б-гом на более высоком уровне. И помня об этом, мы можем понять, почему анализируемый стих так важен для уяснения всей интересующей нас концепции в целом. При том, что в мир с рождением является новая жизнь, плод существует и до рождения. Задумавшись над этим, мы увидим: перед нами – один из самых точных примеров «из нашей жизни», поясняющий, что такое творение из ничего.

Хасидизм поясняет, что потенциальная возможность творить что-то из ничего заключена в сущности Б-га и Его одного. Он не понуждаем ничем извне, в Самом Себе Он содержит возможность творить что-то – материальные сущности – абсолютно из ничего. И это что-то не имеет никакой предшествовавшей ему причины. Б-г отчасти вложил свою сущность в человека, и эта сущность является сердцевиной души, это – «часть Б-га» (Тания, гл. 2).

Тем самым человек тоже наделен способностью к творению, однако эта способность противоположна по своему характеру. Человек живет в материальном мире и творит «нечто из ничто», раскрывая тем Б-жественный потенциал, присутствующий в Б-ге и среде, окружающей человека. Это та способность к «зачатию», что дана женщине, – и таким образом проявляется «женственная» сущность человечества как такового. Проявляя эту нашу способность, мы становимся «сорботниками Б-га в творении» (Шабос, 119б), преобразуя мир так, чтобы тот стал «обителью Б-га».

Æèçí ù è ñì áðò ù

«Газриа» – в самом этом слове подчеркивается идея зачатия, и эта тема будет звучать не только в начале раздела, но и на всем его протяжении.

Для понимания этого факта требуется усилие, так как если в стихах, открывающих этот раздел, и впрямь говорится о рождении, то далее речь идет о цараас, кожном заболевании, ассоциируемом с проказой.

Когда человек согрешил против клятвы свидетеля или, забывшись, дал ложную клятву, или если входил в Храм, или ел священную еду, будучи нечист, то существует несколько уровней грехоочистительной жертвы. Человек зажиточный приносит в жертву самку мелкого скота, овцу или козу. Если же не хватает у него денег на овцу, пусть его жертвой будут два голубя. Когда же человек совсем беден, он в жертву приносит толику тонкой пшеничной муки. (Ваикро, 5:1-13).

Эти приношения, установленные Торой, имеют характер личных обязательств, возлагаемых на отдельного человека. Однако возможна ситуация, когда один человек выразит готовность выполнить обязательства другого. В этом случае закон устанавливает, что «размер» жертвы будет равен размеру жертвы, возлагаемой на того, чей достаток больше.

Маймонид пишет (Законы очистительных жертв, 5:11): «Если говорит богатый: “Я принимаю обязательство принести жертву за этого человека, пораженного проказой”, а пораженный беден, то жертву приносит богатый, ибо богатый брал обет. Если скажет бедный: “Я принимаю обязательство принести жертву за этого человека, пораженного проказой”, а пораженный проказой живет в достатке, то приносит жертву богатый, ибо принявший обет обещал принести жертву богатого человека».

Было бы логично, если жертва за другого приносилась бы сообразно статусу принявшего обет и была бы пропорциональна его возможностям. Логика, хоть и другого рода, была бы и в том, что характер жертвы определяется статусом того, за кого приносится жертва. Но мы видим, что обычная логика здесь не работает. И фактически применяется двойной стандарт, то есть в одном случае, когда жертву за другого приносит богатый, ее характер определяется статусом жертвователя, а в другом – статусом того, за кого приносится, – и опять же жертва оказывается максимальной.

Ī īāīōāī ēā īō àòōñ

В этом правиле заключен глубокий урок для всех нас. Следует осознать, в чем состоит наша взаимная ответственность и как нам нужно относиться к ближнему. Каждый человек изначально «богат», и разница между нами лишь в том, до какой степени каждому удалось реализовать свой потенциал.

Поэтому, когда человек принимает на себя ответственность за ближнего и намеревается помочь ему, оба участника такой ситуации возвышаются до статуса того, кто богаче. И если «даритель» реализовал свой потенциал в большей степени, то к тому же он поощряет и «одариваемого». Если же «бедняк» берется помочь «богатому», то он вовсе не принимает на себя обязательство, превышающее его возможности. И правда: ведь он обладает таким же потенциалом, как и «богач». А само сочувствие к тому, кто «превосходит» иных по уровню жизни, активизирует этот потенциал. И все это возвышает сочувствующего до той ступени, когда он действительно может принести что-то существенное в жизнь своего «зажиточного» ближнего.

Ī āēññō

ÑĀĪĀĪĀĀ

И сказал Б-г, обращаясь к Моше: «...Иди к фараону... и скажи ему: Бг, Всесильный Б-г евреев, послал меня к тебе сказать: отпусти народ Мой, чтобы Мне он служил в пустыне».

Шмойс, 7:14-16

Мудрецы называют Пейсах «Временем свободы нашей». Исход из Египта был не просто одним из многих избавлений в истории еврейского народа – то было первое и окончательное дарование человеку свободы. До Исхода свободы в истинном смысле этого слова не было. Получив же опыт Исхода, евреи свободны навеки. Это – неотменимо, и никакая сила на земле не может поработить их.

В основе понятия «свобода» – представление о том, что убрано всё, препятствующее развитию и самовыражению человека. Иными словами, мы полагаем свободу естественным состоянием человека. Ведь если мы освободим человека от всех внешних сил, ограничивающих и подавляющих его, то он станет поистине свободным.

Но если понятие свободы таково, то Пейсах никак не подпадает под определение «Время нашей свободы». Притом, что Исход освободил нас от Фараона и его надсмотрщиков, он отдал нас во власть иному Владыке – и власть эта суровой и жестче. «Когда выведешь этот народ из Египта, – говорит Б-г Моше, явившись ему в пламени куста, “что пылает огнем, но не сгорает” у подножия горы Синай, – вы будете служить Всесильному на этой самой горе!» (Шмойс, 3:12). Эти слова сказаны сразу вслед за тем, как Б-г открылся Моше и возложил на него миссию стать избавителем Израиля от египетского плена. Стоя перед фараоном, Моше не просто требует от имени Б-га: «Отпусти народ Мой», но говорит: «Отпусти народ Мой, чтобы Мне он служил в пустыне» (Шмойс, 7:16). Внутренний смысл Исхода заключался в том, чтобы привести нас к горе Синай, где на нас были возложены узы завета с Б-гом, дабы стали мы «царством священнослужителей и народом святым» (Шмойс, 19:6 – завет, очерченный 613 заповедями Торы).

Заметим: праздник Швуэс, когда мы отмечаем получение Торы на Синае, – единственный праздник, не имеющий фиксированной календарной даты. Ибо в Торе он связан не с определенным днем некоего месяца, а сказано: Тора дарована на 50-й день после Пейсаха. Тем самым подчеркнута, что

Швуэс – продолжение и «расширение» Пейсаха, ибо цель Исхода реализовалась лишь в тот день, когда мы стояли на Синае.

Почему же тогда понятие свободы столь однозначно соотносится с праздником Пейсах и даже является определением такового? Как бы то ни было, но порабощенность Б-гу неизмеримо предпочтительнее рабства у фараона. С другой стороны, всякий, для кого мораль – не пустой звук, согласится, что порабощенность Б-гу предпочтительнее гедонистической «свободы» в нижнем мире. Однако рабство и свобода, по определению, – диаметрально противоположности. Тогда почему суть праздника Пейсах определяется как «Время нашей свободы»? Ведь резоннее было бы назвать этот праздник «Время нашего рабства»!

Ááñéíá-íáÿ æèçíü

Чтобы понять, что такое свобода, обретенная Израилем с Исходом, мы должны рассмотреть саму природу египетского плена Израиля.

Мудрецы замечают: «Все голусы (изгнания и гонения) названы именем “Египет”». Само слово Мицраим, используемое в иврите для обозначения Египта, означает «узы» и «принуждение», «подавление».

Всякий раз, когда нам ставятся насильственные ограничения завоевателями ли, враждебным или просто чуждым нам окружением, физическими возможностями нашего тела или субъективностью нашего мышления, теми или иными чертами нашего характера, – мы пребываем в Мицраиме. И если под свободой понимать отсутствие принуждения, тогда Мицраим будет связан с принуждением и подавлением человека на всех уровнях – физическом, эмоциональном, интеллектуальном, моральном или духовном.

Однако голус – больше, чем принуждение и ограничение. Если обратиться к египетскому плену – прототипу всякого голуса, то этот плен был не просто темницей для тела и угнетением для духа. В Египте наши предки были рабами, чью жизнь сделали горькой «тяжким трудом над глиной и кирпичами, всяким трудом в поле, и вообще всякой работою, к какой жестоко принуждали их» (Шмойс, 1:14).

В этом отрывке для понятия «тяжелая работа» в оригинале употреблено выражение: авойдас перех. И именно оно повторено в Торе в другом месте – в рассказе о египетском голусе в тексте пасхальной Агоды – и отражено в символике пасхального сейдера. Карпас – овощи, которые макают в соленую воду в начале сейдера, призваны напоминать о «шестистах тысячах, порабощенных тяжким трудом». Но что же понимается под «тяжелой работой»? Маймонид (Законы рабства, 1:6) говорит, что это «работа, не имеющая предела и цели». Работа – даже самая тяжелая, если она конечна и есть «заданный урок», который надо выполнить, – не так деморализует, как работа бесконечная и бесполезная. Египтяне, стремясь поработить евреев, прежде всего хотели сломить их дух. А потому и нагружали их работой, которая была бесконечно рутинной, лишённой конца, смысла, логики. Египтяне заставляли евреев работать в неурочное время, давали каждому задания, наименее для этого человека подходящие, и разрушали построенное – только затем, чтобы приказывать отстраивать разрушенное заново (Шмойс Раба, 1:14,15).

Фараон располагал целой армией надсмотрщиков, которые заставляли работать, угрожая кнутом и колодками. Ныне мы можем говорить о «прогнесе»: миллионы людей совершенно добровольно предаются работе, «не имеющей предела и цели». Работе, которая не ограничивается рамками пятидневной сорокачасовой рабочей недели, но поглощает всю неделю, все мысли работника. И выбор ее определяется не способностями, возможностями и склонностями исполнителя, а исключительно статусом, доходом и «престижностью». Словом, – работе, не порождающей никакого конечного продукта, но существующей только ради себя самой. Она является и конечной целью производства, и своим собственным продуктом.

Силы для такой работы могут черпаться лишь из одного-единственного источника, и этот источник – «искра Бжественности», которая составляет суть души человека (Тания, гл. 2 и далее). Физическое «я», конечно, движимо прагматизмом: оно не способно выполнять работу, «не имеющую предела и цели». Где источник той силы, что толкала людей всходить на неприступные горные вершины без всякой «практической» цели или веками искать способ превратить свинец в золото? Источник – лишь бесконечный родник Бжественности, составляющий сердцевину каждого из нас. Откуда ненасытная алчность в достижении вечно ускользающего материального «успеха»? Только душа может быть ее истоком, ибо только душа знает, что такое бесконечная энергия и стойкость. Ибо лишь душа, связанная с Творцом сущего, может притязать на достижение невидимых целей и обладание тем, чего нельзя исчислить.

Следовательно, душа человека подвержена угнетению в квадрате, это – голус в состоянии голуса. И душе не только положены насильственные преграды в выражении ее истинной сущности, но она подвергается давлению, вынуждающему ее проявляться и реализовываться вопреки ее истинным желаниям. Ограничением оказываются не только материальное «я» человека и мир, – душа страдает еще и от того, что присущие ей силы узурпированы материальным «я», и они растрачиваются на служение материальному. Душа ведь способна к постижению бесконечного, и при этом она не нуждается в объективированной цели. Однако эта ее способность не только подавляется – она, воистину, извращается и разбазаривается, будучи направлена на бесконечную погоню за материальным преуспеванием.

Áîñò àí îáéáí èá ááñéíí á-ííã

Дорога из Египта пролегает через Синай... Тора регулирует наши отношения с материальным миром, нашу в него погруженность. Торой заповедано: мы можем и должны творить, производить и заниматься делами шесть дней в неделю. Но на седьмой день каждому из нас не только следует прекратить всякую работу – необходимо еще принять состояние сознания, когда «вся работа твоя завершена» (Раши, Шмойс, 20:9).

В рутине же повседневности мы должны оставлять нетронутыми островки времени, посвященного изучению Торы и молитве. При этом многочисленные законы Торы определяют дозволенное и недозволенное в наших делах и поступках во всякое время.

Тора велит: «Ты будешь есть от трудов рук твоих». И мы должны добывать свое пропитание, используя лишь наименее важные из тех способностей, которыми одарены. Ибо лучшие из наших талантов, наш внутренний мир должны стремиться к достижению духовных, а не материальных целей (Теилим, 128:2). Тора настаивает на том, что все наши материальные стремления должны быть не самоцелью, а лишь сосудом для благословения Б-га, средством для того, чтобы приготовить Б-гу обитель в нашем мире.

Ограничивая нашу физическую жизнь, Тора освобождает души. Устанавливая предел нашим материальным интересам, Тора расширяет пространство духовного, открывая возможность для бесконечного исхода из состояния изгнания в материальность. И таким образом освобождая нас, чтобы мы могли двигаться естественно присущим нам от начала путем: служить Б-гу, не ведая в этом служении «предела и цели». А тем самым – преодолевать ограничения нашего «я», нашу самососредоточенность и сами наши представления о «достижении цели».

Áõãäëé

ÁÐÀÌ ÀÒÈ×ÁÑÈÈÈ ÝÌ ÈÇÌÁ

В течение семи дней готовили

Шатер Откровения, чтобы служить в нем. И срок этот миновал, но вопреки ожиданиям евреев Б-жественное Присутствие так и не было им явлено.

И на восьмой день были принесены жертвы, но и тогда не сбылось чаемое.

Раши, Ваикро, 9:23

Видя, сколь близки люди к отчаянию и разочарованию, Моше и Аарон вошли в Шатер Откровения и молились. И тогда «явилась слава Б-га всему народу. И вышел огонь от Б-га, и сжег на жертвеннике всесожжение...» (Ваикро, 9:23,24).

Исполненный трепета, «увидел это народ, возликовал он и пал ниц» (там же).

Двое же из присутствующих возжелали связи с Б-гом, которая глубже, чем эта.

«И взяли сыновья Аарона, Надав и Авигу, каждый свой совок, и положили в них огня, и возложили на него смесь благовоний, и воскурили пред Б-гом огонь чуждый, какого Он не велел им. И вышел огонь от Б-га, и пожрал их, и умерли они пред Б-гом» (Ваикро, 10:1,2).

Моше же воздал им, обретшим такую смерть, сказав Аарону: «Вот о чем говорил Б-г: в приближающихся ко Мне буду Я свят и перед всем народом прославлюсь» (Ваикро, 10:3).

Раши поясняет, что тем самым Моше сказал Аарону следующее:

«Я знал, что Шатер Собрания будет освящен теми, кто познал Б-га. Я полагал, что это окажемся я или ты, кто-то из нас. Теперь же я вижу, что они - больше, чем мы с тобой».

Ì áí àññò í íá ò ì èáí èá

Приведенный отрывок весьма парадоксален. С одной стороны, поведение сыновей Аарона представлено здесь как неподобающее – что очевидно в силу постигающего юношей наказания. И это отражено в дискуссии мудрецов о том, в чем же именно состоял «грех сыновей Аароновых» (см. Тойрас Коаним, комментарии на Ваикро, 10:1; Ваикро Рабба, 12:1, 20, 6,9 и т.д.).

С другой стороны, создается впечатление, что в их деянии заключался и некий позитивный аспект. Ибо Надав и Авигу были предназначены, чтобы особым образом послужить Б-гу. Да и сам Моше это объявил. А ведь Моше олицетворяет воплощенный атрибут истины (Мидраш Танхума, Шмойс, 28). И тогда сказанные им слова надо рассматривать не как выражение сочувствия, но как честное признание духовного уровня сыновей Аарона. А именно: они – больше, чем он сам и Аарон, и через это жертвоприношение и будет освящен Шатер Откровения.

Это противоречие разрешится, если мы обратимся к комментарию Ор а-Хаим (Ваикро, 16:1), объясняющему смерть Надава и Авигу следующим образом.

Они приблизились к свету свыше со святою любовью и умерли от этого. Это – мистическая тайна поцелуя [Бга], от которого умирают праведники. Смерть их была эквивалентом смерти праведников, [при том, что] было одно различие: праведных настигает поцелуй, тогда как в этом случае юноши сами приблизились к пределу...

Хотя они осознавали, что умрут, они не устояли перед тем, чтобы приблизиться еще более к тому, чтобы сочетаться [с Б-гом] сладостными [узами] любви... – к пределу, за которым их души покинули тело.

Хасидские мыслители сделали следующий шаг и развили эту концепцию. Согласно их трактовке наша любовь к Б-гу должна заключать в себе две фазы: властное томление, толкающее человека к обретению связи с Б-гом, и готовность к возвращению и к тому, чтобы выразить волю Б-га, превратив этот мир в Его обитель.

Сыновья Аарона достигли уровня всеобъемлющего стремления слиться с Б-гом.

За этим должна была бы следовать фаза поисков выражения уз, связующих человека с Б-гом, в повседневной жизни. Основываясь на этом, мы поймем слова мудрых: «Против своей воли ты жив» (Пиркей Овойс, 4:22). Естественное желание души еврея – отринуть этот мир материального существования и соединиться с Б-гом. Жизнь в нашем мире – «против воли». Это – жизнь, длящаяся вопреки названному желанию. Душа остается в теле потому лишь, что стремится исполнить волю Б-га.

Слово, используемое в иврите для понятия «грех» – «хет», может также быть соотнесено с понятием «недостачи, отсутствия» (Шмуэл, 1:21).

Грех сыновей Аарона состоял не в том, что они возжелали быть слишком близки к Бгу, но в том, что сама установленная связь направлялась эгоистичным порывом своеволия. Именно это и стало причиной смерти, тогда как обретенная связь должна бы была перевести эту связь в сферу ординарного опыта.

Эта концепция соотносится со стихом, открывающим данное чтение из Торы: «И говорил Б-г, обращаясь к Моше после смерти двух сыновей Аарона, когда они предстали пред Б-гом и умерли». Почему же сказано в стихе – «и умерли»? Чтобы акцентировать негативные аспекты их служения. Близость, которой достигли они, была желательна. Но «они умерли», и эта близость не послужила тому, чтобы цель творения – сделать мир обителью Бга – была достигнута.

Б-г желает, чтобы самые глубинные уровни любви к Нему преобразовывались в опеку Б-жественного, присущего каждому элементу творения. И чтобы воплощались в исполненные предельной искренности усилия, направленные на то, чтобы эта Б-жественность проявилась.

Позитивный аспект стремлений Надава и Авигу отчасти отражен во фразе о том, что они воскурили перед Б-гом «огонь чуждый, какого Он не велел им».

Их служение Б-гу было «чуждым». Ибо оно соотносилось с уровнем, выходящим за пределы опыта обычного смертного, на столь высоком всплеске, что Б-г не мог велеть евреям стремиться взойти на эту ступень.

Близость к Б-гу, проявившаяся в этом особом служении сыновей Аарона, «осветила Шатер Собрания». В этом контексте смерть сыновей Аарона можно сравнить с жертвоприношением, ибо они отдали свои жизни за то, чтобы приблизиться к Б-гу. В конечном итоге их смерть вдохновляла других, чтобы достичь той же высоты. Поэтому чтение из Торы начинается с упоминания о «смерти двух сыновей Аарона, когда приблизились они к Б-гу».

Áàà òðéà, áàà èì áíé

Служение сыновей Аарона Б-гу ретроспективно дает нам два урока.

Урок позитивный, указывающий на потенциальную способность еврея стремиться к близости к Б-гу. И другой урок – негативный: их служение было лишено опоры на шув, то есть на жизнь в условиях нашего мира.

В соответствии с обычаем некоторые называют это чтение из Торы Ахарей, другие – Ахарей Мойс. Можно сказать, что разница между этими двумя названиями зависит от того, на каком из аспектов служения делается акцент.

Ахарей – значит «после».

Высочайший уровень связи с Бгом, которого достигли сыновья Аарона, породил потенциальную возможность достижения еврейским народом такой же близости к Б-гу «впоследствии».

Название Ахарей Мойс – «После смерти» – напротив, привносит негативный акцент, проистекающий из неспособности дополнить близость к Бгу обязательством способствовать развитию связи материального мира с Б-гом.

Óçú áàèí ãòòèÿ

Согласно любовичскому обычаю, это чтение из Торы именуется Ахарей. Тем самым на первый план выносятся представление о близости каждого еврея к Б-гу.

Во внутренних аспектах души каждый еврей един с Б-гом, будучи соединен с Ним неразрывными узами.

Эти узы превосходят ту связь, что установлена благодаря соблюдению мицвоис. Ведь хотя мицвоис и создают связь между тем, кто исполняет повеление, и Тем, Кто отдает его, Тот и другой остаются отдельными друг от друга сущностями.

На деле же евреи и Б-г едины. И это тот уровень сознания, который становится явным в Йом Кипур. На этом уровне повиновение еврея Б-гу не предмет выбора, за который его ожидает награда или наказание. Но это повиновение – естественный отклик, выражение внутренней природы существа еврея.

Эта сокровенная связь между евреем и Б-гом может пронизывать каждый аспект нашей жизни. Таким образом, жизнь в материальном мире вовсе не будет вступать в противоречие со служением Б-гу. На этом уровне жизнь человека – настолько простой тип связи, что она не допускает возможности отделения.

Человечеству в целом этот уровень связи станет доступен в Эру Искупления, когда будет явлена Б-жественность, пронизающая мир. «Ибо полна будет земля знанием Господа, как полно море водами», – возвестил пророк Ишайя (11:9).

При проявлении манифестированной Б-жественности естественным, спонтанным человеческим желанием будет повиноваться Б-жественной воле.

Í ÓÐÈÌ È Í ÈÑÀÍ - Í ÐÈÐÌÁÀ È × ÓÁÍ

Áíá-Ááð Óáííéááé:

Í áñýö Íéñáí - ýòí ì áñýö Èñòíáá ááðéíéíáí Íáðíáá èç ááéíáðíéíáí ðááíðáá. Í ì áñýöá Èñòíáá Ñúííá Èçðáééááíó èç Ááéíóá á Óíðá íéáçáíí: «Í áñýö íáé [áá áóááó] ó ááííá:áéíí áááí ì áñýöáá Í áðáíé [áá áóááó] íí ó ááí ì áééó ì áñýöáí è ááá» (Èñòíá, 12:2). Í áñýö Èñòíáá á Ñáýúáííí Íéñáí èé Íáçúáááðíý «Í áðáíí» ì áñýöáí ááá - ýòí ááéá Ñí çíáí áíáðáéúííáí íááíóéý èñòíáá èç Ááéíóá, íááíðááíí, è Íá:éíááðíý èíóíðéý ááááá éáé íáí ííðíýðáéúííáí Íáðíáá.

Неудивительно поэтому, что от такой в высшей степени знаменательной даты мы и должны вести счет нашего календаря. Месяц этот у нас – начало всех месяцев.

В более поздних книгах, написанных уже после возвращения из вавилонского плена, он называется также «месяц нисан». Древние вавилоняне называли этот месяц «нисану». В древнееврейском языке имя месяца нисан ассоциируется со словом нес – «чудо», «знамение». Великий еврейский философ XV века, принадлежавший к школе Маймонида, рабби Ицхак Арама в своем философском комментарии к Торе «Акедат Ицхак» писал, что в познании Создателя могут быть два пути. Один – это познание через природу, другой – через чудо. Чудо демонстрирует неограниченную власть Создателя над природой. Таково чудо Исхода сынов Израилевых из Египта и рассечения Чермного моря. Оба произошли в месяце нисан. Но не только через чудо можно познать Создателя.

Около тридцати лет назад группа студентов одного из израильских университетов обратилась к Любавичскому Ребе с вопросом: «Существует ли какое-либо веское доказательство, которое могло бы убедить нас, скептиков, в истинности существования Б-га, не оставляя в этом вопросе сомнений или возможности сомнений?»

В своем ответном письме Ребе, подробно разобрав предпосылки и аксиомы, которыми пользуется современная наука в методах доказательств, привел следующий пример. Предположим, мы пришли на полностью автоматизированный завод и не нашли там ни одного человека. Придет ли кому-нибудь из нас в голову, что этот завод работал и работает сам по себе, без – хотя бы незримого – присутствия Главного Конструктора? Наоборот, незримость Конструктора вызывает наше восхищение его удивительным талантом и способностью незримо руководить такими сложными производственными процессами. И если это справедливо по отношению к заводу, где речь идет о сотнях, тысячах или даже о десятках тысяч компонентов, то что можно сказать о природе, живой или неживой? Ведь согласно современной науке каждая вещь состоит из миллиардов атомов, а каждый атом – из еще меньших частиц. Казалось бы, в этом мире должен царить невообразимый хаос. Однако мы наблюдаем удивительную гармонию и слаженность между отдельными частицами микрокосмоса и частями макрокосмоса.

Законы природы, естественный порядок вещей также представляют собой величайшее чудо. Но, облеченные в естественный порядок, они представляются нам как само собой разумеющееся. Говорят иногда, что бытие, материальная сущность управляются «законами природы». Однако ясно же, что эти законы – вовсе не независимая самостоятельная сущность, властвующая над всем бытием. Законы природы лишь описывают положение вещей в природе, позволяя ученому не повторять на каждом шагу пространные объяснения простейших состояний, – пишет Любавичский Ребе, – но они ничего не объясняют.

Эти два элемента Творения – чудо и природа – отобразены в двух началах еврейского календаря. Месяц нисан – начало чудесного: само слово «нисан» от слова «нес» – чудо, знамение. На языке Кабалы – это начало творения духовного. Тишрей – это начало природного цикла, сотворение материального мира. Это начало солнечного года, символизирующего неизменность естественного порядка. Чудо естественного порядка отражено также в чуде Пурима. Чудесное спасение нашего народа в Пурим было завуалировано в естественный порядок вещей. В Мегилас Эстер даже имя Б-га не упоминается открыто. Даже слово «Эстер» (от древнееврейского сетер – «тайна», «мистерия») символизирует утаенность этого «природного» чуда.

Рональд Кларк, написавший биографию Альберта Эйнштейна, в своей книге «Эйнштейн, жизнь и время» приводит письменный ответ выдающегося ученого на вопрос нью-йоркского раввина Гольдштейна, верит ли тот в Б-га. Эйнштейн ответил утвердительно: он верит «...в Б-га Спинозы, который раскрывается в гармонии природы, но не в Б-га, который интересуется судьбами людей». Как физик Эйнштейн видел Б-га в природе. Что касается его заявления, будто бы Б-г «не интересуется судьбами людей», то это – на наш взгляд – не выдерживает простой критики, ибо именно человек является самым удивительным творением в природе! Из всего великого мироздания, с его многочисленными галактиками человек – единственное известное существо, способное созерцать творение, восхищаться творчеством Создателя!

Член-корреспондент АН СССР Д.А. Блохинцев в своей статье «Размышления о проблемах познания и творчества и закономерностях процессов развития», опубликованной в сборнике «Современная физика и проблемы сознания», писал:

«Современный научный работник настолько поглощен своей профессиональной деятельностью, связанной с исследованием того или иного узкого конкретного круга вопросов, что зачастую уже не удивляется самой возможности познания мира, его непостижимой красоте и гармонии...»

Д.А. Блохинцев приводил целый ряд примеров, показывающих, как разум человека способен построить абстрактные математические модели, которые – иногда через тысячи лет – найдут применение в описании законов природы в астрономии, в физике: «Не значит ли это, что наш разум посвящен в тайны мира, но не помнит, когда и где произошло это посвящение?» Показательно, что этот вопрос задавал советский ученый, который должен все объяснять с точки зрения материалистической. «Научного» объяснения этому явлению у ученого Блохинцева нет.

Но разве не об этом говорится в Торе – в рассказе о сотворении человека в Образе и Подобии Б-жьем? Человек – единственное творение, наделенное Б-жественным Образом. Особенность мышления человека в том, что он способен постигать понятия и образы, отвлекаясь от конкретного. Эта способность видения духовных сущностей – прямой результат наличия в человеке Б-жественной души. И именно благодаря ей воображение наше способно созерцать сложнейшие понятия – такие, как вечность, бесконечность и абсолютное.

Благодаря душе человек способен познать Б-га, ибо Образ Б-жий уже есть внутри самого человека. В библейском рассказе о сотворении человека речь идет о том, что Всемогущий привел к человеку всех животных полевых и птиц небесных, чтобы тот нарек им имена. «Давать имена» – значит, определять сущность каждой твари в соответствии с ее назначением. Это значит – классифицировать и описывать каждую особь в соответствии с ее принадлежностью к тому или иному виду животных.

Но каким образом мог человек в первые часы своего существования давать определения окружающей его природе, если у него не было до этого никакой информации? «Человек, – говорит Кабала, – это “микрокосмос”, и внутри него содержится вся Вселенная!» «Все сотворил Он прекрасным в свое время, и Вселенную вложил Он в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Б-г творит, от начала до конца» (Козлес, 3:11).

«[А] ограничена ли наша способность к познанию мира? – задавал вопрос Д.А. Блохинцев. – Классики материалистического мировоззрения в своих спорах с агностиками отвечали на него оптимистически... Тем не менее, на вопрос о неограниченности человеческих способностей познания никогда не будет однозначного ответа. Все это относится к тайнам будущего и именно к фундаментальным наукам, для успешного развития которых необходимо немало условий...»

Человек – венец Творения, высшее разумное существо в природе, созданное в Образе Б-жественном, должен постигать Б-га в природе. А природа – высшее чудо. И это – урок, который мы должны извлечь из наступающего месяца чуда – нисана.

ÀĪ ĐĀĒŪÑĒĒĀ Í ÎĀÎ ÑÒÈŌĀĀĐĀŌËÈÈ ĀĀĐĀĒÑĒÈÈŌ ÎĀÛÈĪ

ĀĀĀÎÑ: ÈĀÎĀĀĐĒĒ ÈĀÇĀÈÌ ÎÛÎĪÈÌ ĀĪĒĒ

К участию в работе Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе в этом году были приглашены 37 религиозных лидеров разных стран. Многоконфессиональную Российскую Федерацию представлял главный раввин России Берл Лазар.

На форуме, где собралась мировая экономическая и политическая элита, присутствие представителей основных религиозных конфессий свидетельствует об их важной роли в современном мире и растущем влиянии в обществе. На это указывают итоги опроса, проведенного по заказу ВЭФ в 15 странах. Опрос показал, что религиозные и духовные лидеры, наряду с руководителями неправительственных организаций и ООН, пользуются высоким доверием у граждан.

По мнению раввина Берла Лазара, религиозные деятели внесли большой вклад в работу Давосского форума, на котором обсуждалась тема «Создание доверия». Представители духовенства, сообщил раввин, участвовали прежде всего в обсуждении таких проблем, как бедность, распространение СПИДа, кризис доверия. «Отрадно сознавать, что люди, слава Б-гу, прислушиваются к тем, чью основу жизни составляет вера», – сказал р. Берл Лазар.

Как и следовало ожидать, в подходах к решению вопроса о ситуации вокруг Ирака среди религиозных деятелей не было единодушия. Что же касается палестино-израильского конфликта, то, подчеркнул р. Берл Лазар, «многие уже понимают: для его урегулирования необходимо сесть за стол переговоров».

Оценивая итоги своих встреч в Давосе с представителями мусульманского духовенства, главный раввин России с удовлетворением отметил: «Я не ожидал от них такой открытости и такого желания найти пути к построению новых отношений и к взаимопониманию».

Раввин Берл Лазар дал высокую оценку работе Межрелигиозного совета России: «У нас сложились очень уважительные отношения, и мы хорошо понимаем друг друга». Да и в целом отношения между традиционными конфессиями в России «лучше, чем во многих странах», – заключил он.

ĐĒĀ “ÎĪĀÎÑĒÈÈ”

ĀĀĀĒŌ - ÎĪĀÛÈĪĀĀĐĀĒÑĒÈÈÈŌĀĪŌĐ

В марте в столице Азербайджана Баку состоялось открытие Еврейского общинного центра и синагоги. В этом закавказском государстве сегодня проживает около 40 тысяч евреев. Из них 20 тысяч – в Баку. Поэтому неудивительно, что отпраздновавший новоселье Еврейский общинный центр стал самым крупным иудаистским учреждением на территории Кавказа.

В торжественной церемонии открытия ЕОЦ приняли участие многие официальные лица, общественные и религиозные деятели. Среди них вице-премьер Азербайджана Аббас Аббасов, главный раввин России Берл Лазар, послы Израиля, США и Германии, главы и представители традиционных конфессий страны, другие почетные гости. В ходе праздника было оглашено приветствие президента Государства Израиль Моше Кацава.

Обращаясь к собравшимся, раввин Берл Лазар, возглавляющий также объединение раввинов СНГ, отметил:

«Открытие синагоги в столь напряженное время, когда все мы наблюдаем противостояние государств, народов и цивилизаций, указывает на отрадный факт. А именно: что евреи Азербайджана уверены и в своем будущем, и в будущем своих потомков, причем это – будущее на многие столетия».

В заключение праздника главный раввин Баку Меир Брук прочитал две молитвы: за процветание Азербайджана и на освящение новой синагоги.

На церемонии присутствовал также влиятельный деятель ислама – глава Духовного управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде.

После торжественной части состоялась беседа шейха Паша-заде с главным раввином России Берлом Лазаром.

ÈĪŌĀĐĀĒĪ

Но наиболее ответственным периодом подготовки еврейских учителей, бесспорно, становится преддипломная практика. Уже несколько лет студенток «Бет-Ханы» можно встретить в десятках общин по всей территории Украины и других стран СНГ.

Вот и в этом году здешние студентки отправились во все стороны света: в Минск и Баку, Екатеринбург и Хабаровск, Нижний Новгород и Ростов-на-Дону, Луганск, Житомир, Измаил, Донецк, Белую Церковь, Херсон, Винницу, Белгород-Днестровский, Николаев, Кировоград, Кривой Рог и Днепропетровск.

Преддипломной практике предшествует большая организационная работа и интенсивные переговоры с общинами. «Бет-Хану» заботят условия труда и быта студенток вдали от дома: насущные проблемы не должны отвлекать дипломниц от главной цели – профессионального роста.

Перед девушками стоит серьезная задача: нужно постараться полностью раскрыть свой потенциал, воплотить все задуманное всего за два месяца. Студентки «Бет-Ханы» обладают блестящими знаниями самых современных педагогических методик и технологий. Кроме того, они изучали курс организации внеклассной работы и неформального общения.

В течение всех месяцев работы вдали от дома девушки будут постоянно ощущать поддержку своей Alma mater. Программа «Бейхад», – инновационный проект училища «Бет-Хана», – может многое. В частности, на преддипломной практике она полностью вооружит методическим обеспечением и проведет консультирование всех студенток. Со всеми теми, кто уехал далеко от училища, будет поддерживаться регулярная связь. Перед отъездом все студентки получили полные комплекты материалов, необходимых для проведения уроков.

Опыт показывает, что для многих студенток «Бет-Ханы» преддипломная практика служит первым шагом к трудоустройству. Девушки демонстрируют столь высокие профессиональные качества, энтузиазм, инициативность, что многие учебные заведения сразу же приглашают их на работу. Решение командировать студенток на преддипломную практику в разные регионы СНГ существенно упрочило репутацию «Бет-Ханы»: много лет подряд предложения рабочих мест, поступающие из всех регионов СНГ, вдвое превышают количество выпускниц училища!

И сегодня «Бет-Хана» с нетерпением ждет откликов на первые самостоятельные шаги нынешних студенток-выпускниц на преподавательской стезе.

Étá Náméíáí

ÍÁ ÍÐÁÁÁÁÒÛ ÇÁÁÁÍÈÐ...

В январе 1945 года Красная Армия успешно наступала в направлении Кенигсберга. И, опасаясь неминуемого возмездия, немецко-фашистские власти решили ликвидировать находящиеся в этом районе перевалочные концлагеря. Значительное большинство их узников составляли молодые женщины.

Способ массового уничтожения заключенных местному гестапо подсказал директор Кенигсбергских янтарных заводов Герхард Раш. Он сообщил, что на территории янтарного завода в Пальмникене (пос. Янтарный) расположены глубокие штольни, пригодные для ликвидации большого количества людей при помощи минимальных технических средств.

И вот этот способ убийства нацисты начали воплощать 30 января 1945 года. В сильный мороз по шоссе из Кенигсберга двигалась колонна оборванных людей, их было не менее семи тысяч. То был марш смерти. Конвоиры отделяли от колонны группы по 50 человек и под пулеметным огнем гнали к морю. Большая часть зэков была расстреляна...

Но немцам не удалось замести следы чудовищного преступления. Первые массовые могилы были найдены сразу же после вступления Красной Армии в Восточную Пруссию. На трупах были окровавленные лохмотья и деревянные колодки. На левом рукаве каждого – номер и шестиконечная звезда...

В 1999 году Еврейская община Калининграда впервые организовала выезд к месту трагедии. В январе 2000 года, накануне 55-й годовщины массового убийства мирного населения, в поселке Янтарном на собранные в общине деньги был установлен памятный знак. И вот уже четвертый год сюда приходят сотни людей, чтобы отдать дань памяти тем, чьей кровью пропитан янтарный песок побережья.

В нынешнем году в скорбный день траура здесь собрались около двухсот человек. Кроме членов еврейской общины, на митинг приехали представители областной и местной администрации, журналисты. Дул студеный ветер, но он не загасил пламени свечей, зажженных в память о тысячах евреев, принявших здесь мучительную смерть.

У памятного знака состоялся траурный митинг. Его открыл руководитель департамента образования администрации Калининградской области Лазарь Фуксон. Среди выступавших были главный раввин Калининграда Давид Шведик, попечитель общины Леонид Плитман, ветеран Великой Отечественной войны Тамара Ядова, бывший узник гетто Яков Суховольский, глава администрации поселка Янтарный Игорь Казаков и другие.

Все собравшиеся на митинге были единомышленны: нужно сохранить в памяти и сердцах все, что известно о жертвах трагедии в Пальмникене. Особенно важно это молодежи, ибо нет будущего, если предано забвению прошлое.

Митинг завершился поминальной молитвой.

Àèèçààò à Ì òèíàì

ØÀËÏÌ, Í ÎÁÀΒ ØËÏËÀ

«Шалом!» Это приветствие слышишь здесь чаще, чем русское «Здравствуйте!» В самом центре Перми теперь есть школа, где любой маленький еврей может не только получить качественное образование, но и прикоснуться к истокам культуры своей древней нации.

На минувшей неделе директор школы Марина Снычева и председатель Общинного центра раввин Залман Дайч – один из тех, кому школа обязана своим появлением, – провели пресс-конференцию. Она была посвящена недавнему открытию этого учреждения.

Ощутить национальных дух, витающий как в стенах уютных классов, так и в школьной столовой, журналистам удалось вполне. Во всяком случае, кошерный фуршет, где гостей потчевали рулетами с киви и ананасами собственного изготовления, позволил оценить изысканность кулинарных вкусов евреев.

Впрочем, кошерная пища – лишь часть этнокультурного еврейского компонента, присущего этому образовательному учреждению. К обязательному стандарту образования тут «приплюсованы» три часа иврита в неделю и основы национальной культуры. При этом какой-то обособленности своих учеников педагоги не опасаются. Ведь мудрый еврейский народ традиционно воспитывает в детях уважение и к культуре других наций.

Сегодня подобные школы существуют в 70 городах СНГ: Самаре, Харькове, Баку, Омске, Новосибирске... В школе пермской, работающей с начала нынешнего учебного года, пока всего 25 ребят, учащихся 5–8 классов. Сомнительная репутация ряда частных школ настораживает родителей, переживающих за качество и стабильность образования своих чад. Однако надежность благотворительного фонда «Ор Авнер», на основе которого создано это учебное заведение, похоже, развеяла такие сомнения. И уже к следующей осени здесь рассчитывают на появление десятиклассников и ребяташек начального звена, а возможно, и совсем малышей: ведь задуман-то организаторами комплекс «школа – детский сад».

...Счастливым мальчуган в национальной шапочке несется по коридору с колокольчиком в руке. Этот звон разбивает тишину на множество осколков. Дети выбегают из классов на перемену. Необычная школа живет обычной жизнью.

*Àí í à Ñí è ð è à ï í à à ï
Ï è ù à À è è è í à*

«Í Û Ó Ù À Ò Û Ñ Á Á Β × Æ Æ Ò Û Þ Æ Í È Û Õ Í Á Í Á Ð Ó È Í Í Á Í Í Á Ð Í Á Á»

Í à í à ò è à ï ð ï ï ï ï ò à ï : à à ò à à à ï ù è ð à à à ï È à è è í è í à à à à è È à è è í è í à à à ï è í à è à ï ò è À à è à Ø à à è è

– Каждый приходит к иудаизму своим путем, и раввины – не исключение. Поучительно узнать о вашем личном пути... Что привело вас к иудаизму? Как вы стали раввином?

– Как у каждого, у меня был свой путь к Б-гу. До 27 лет я жил, не зная ни об иудаизме, ни о наших законах. Окончил Ростовский автодорожный техникум, потом Инженерно-строительный институт, служил в армии, работал. Однако о том, что я еврей, мне напоминали всегда: и в школе, и во дворе, и в армии... В жизни у меня всегда все получалось. Стоило мне что-нибудь захотеть и это исполнялось, что задумывал – сбывалось. Было такое впечатление, что кто-то за мной стоит и помогает мне.

Я очень люблю учиться, познавать новое. Увлекался разными религиозными учениями, науками, языками, театром, спортом... Пока не пришел в синагогу.

Примерно в это время в Ростов приехал посланник Любавичского Ребе раввин Хаим-Бер Стамблер. Он начал заниматься с молодежью Торой, традицией. Все это показалось мне настолько близким и интересным, что я готов был заниматься иудаизмом с утра до ночи. Все свободное время стал проводить в синагоге, любую свободную минуту посвящал учебе. Вскоре моя работа стала мешать учению и соблюдению заповедей, пришлось перейти на работу в синагогу.

У меня было, да и сейчас остается впечатление, что я нашел ключик ко всем наукам. В Торе есть все, ведь это наука о Всевышнем, то есть весь мир. Я поступил в Университет им. М.В.Ломоносова в Москве на отделение иудаики, а окончив его, поехал на учебу в Израиль. Получил квалификацию шохета (резника), смиху раввина. Говорят, что еще в утробе матери к еврейскому ребенку приходит ангел и учит его Торе. А когда ребенок рождается, ангел бьет его, и тот все забывает. Но когда начинает учиться, ему не приходится все постигать заново, – достаточно вспомнить то, что он когда-то уже учил. Я испытал это на себе.

– Когда и как вы оказались в Калининграде?

– В 1998 году мне предложили занять место раввина в одном из российских городов, среди которых был и Калининград. Еврейская община этого города имеет очень длинную и интересную историю. В

Кенигсберге до второй мировой войны было 4 синагоги, здесь жили и похоронены известные праведники, и среди них – раввин Исроэл Салантер. В Лондоне и по сей день живет последний из главных раввинов Кенигсберга – рабби Йосеф-Цви Дуннер, которому чудом удалось вырваться из цепких лап гестапо. Вскоре после моего приезда в Калининград город посетила большая группа раввинов со всего мира во главе с рабби Дуннером. Была организована «инаугурация» (актара): старый раввин символически передал мне полномочия главного раввина Калининграда. Это была торжественная церемония, на которой присутствовали евреи города, раввины и представители администрации.

– **Что изменилось в жизни еврейской общины за время вашего руководства ее духовной жизнью?**

– Пришлось начинать практически с нуля. Была зарегистрирована организация – Еврейская община Калининграда. Поскольку все синагоги были разрушены в годы войны, нам пришлось арендовать помещение и сделать там ремонт. Был организован ежедневный миньян, начались вечерние занятия для молодежи, евреи стали праздновать Субботу и еврейские праздники – люди потянулись в общину. Мы открыли детский сад. Были налажены связи с еврейскими бизнесменами и администрацией города и области. Третий год работает общеобразовательная школа «Ор Авнер». Существуют различные религиозные, благотворительные и культурные программы, которые охватывают все возрастные группы.

– **Расскажите, пожалуйста, об интересных проектах, осуществленных по вашей инициативе и с вашим участием.**

– Одним из главных направлений нашей деятельности стало увековечивание памяти жертв Катастрофы. В годы Холокоста в Калининградской области было уничтожено много евреев. Город помнит ужасы «Хрустальной ночи». На территории области были страшные концлагеря. Одна из последних по времени акций массового расстрела евреев нацистами связана с Восточной Пруссией – именно так назывался этот край до окончания второй мировой войны. Напомню: 30 января 1945 в городке Пальменикен (ныне это поселок Янтарный) было расстреляно 7000 еврейских женщин...

Наша община собрала деньги, и на месте трагедии был установлен памятник жертвам Холокоста. Скорбный день в память этого злодеяния гитлеровских нелюдей мы отмечаем ежегодно.

– **Калининградская еврейская община – самая западная в России. Имеются ли у нее какие-то особенности в связи с этим?**

– Конечно, местоположение этого региона накладывает свой отпечаток на жизнь и деятельность нашей общины. К нам приезжают гости из еврейских общин соседних европейских государств, наши дети нередко проводят свои каникулы в еврейских лагерях Литвы или Венгрии. Члены общины выезжают на экскурсии в Польшу – Варшаву, Краков и другие места, связанные с историей евреев. Недавно мы посетили бывший концлагерь Штуттгоф в Польше. Среди расстрелянных в Пальменикене в 1945 году большинство были узниками именно этого лагеря.

Уникальность Калининградского региона заключается в том, что, как и в Америке, ни у кого здесь нет глубоких корней. Почти все нынешнее население появилось здесь уже после Великой Отечественной войны. Поэтому и евреи у нас совершенно разные – прибалтийские, белорусские, украинские, великорусские, сибирские... В последнее время появилась большая группа евреев, живших в республиках бывшего СССР. Есть также и те, кто, будучи гражданами Израиля, Германии, Литвы, имеют в Калининграде свой бизнес. В такой общине интересно работать. Достаточно сказать, что из пяти почетных граждан Калининграда трое – евреи.

– **Со страниц газет и экранов телевизоров не сходит «проблема Калининграда»: как он будет развиваться после того, как окажется в окружении стран Евросоюза... Не скажутся ли новые политические и экономические реалии на еврейской общине: не окажется ли она в отрыве от евреев России?**

– Я не пророк и не политик. Но по-моему, наш анклав тем и интересен, что находится в самом центре Европы и здесь пересекаются интересы многих государств, политиков, бизнесменов и организаций. Влияние Европы ощущается в городе, но живущие в Калининграде люди имеют советский менталитет, в своем большинстве тянутся к Москве и не хотят отрываться от СНГ. А вхождение Польши и Литвы в Евросоюз может сделать нашу область более привлекательной как для инвестиций, так и для развития экономической, политической, религиозной и культурной сферы нашего региона. Во всяком случае, калининградцы верят в это.

Для еврейской общины, в частности, эти изменения обещают положительный результат. В последнее время к нам приезжают много зарубежных религиозных бизнесменов-евреев, которые с удовольствием участвуют в наших мероприятиях. Они вносят особенный колорит в жизнь общины и заинтересованы в ее развитии.

– **В августовском номере нашего журнала мы опубликовали ваше заявление. Вы высказали озабоченность ростом антисемитизма в Калининградской области и, в частности, говорили о том, что в городе действует «антисемитская организация». Услышали ли вас властные структуры?**

– Рост волны антисемитизма и активизация националистических организаций не может не беспокоить любого здравомыслящего человека. Люди, пережившие Холокост, рассказывают, что в довоенной Европе приход нацизма к власти начинался с разбитых окон синагог и витрин еврейских магазинов, надписей на стенах домов, антисемитских листовок в почтовых ящиках – пока не запылали печи Освенцима. Нужно остановить националистический экстремизм.

В Калининграде недавно состоялась международная конференция: «Роль межнационального фактора в развитии Калининградской области». Созвали ее Совет Европейского института мира, Европейский центр по

делам меньшинств и другие организации. Выступая на конференции, представители всех конфессий говорили, как хорошо живется разным национальностям и как о них заботятся чиновники администрации. А в кулуарах жаловались, что ни одна из национальных автономий не имеет своего помещения, рассказывали о проблемах, с которыми им приходится сталкиваться. Представители нашей общины затронули острые вопросы о проявлениях антисемитизма в городе, о разрушении могил на еврейском кладбище, о выделении территории для строительства синагоги на ее историческом месте...

– Произошли ли с тех пор какие-то изменения? Найдены ли вандалы, разрушившие памятник рабби Исроэлу Салантеру?

– Пока акты антисемитизма в нашем городе продолжают. В конце января в молельном зале общины хулиганы разбили окна. Мы написали очередное заявление, но участковый милиционер сразу предупредил, что найти и наказать виновных практически невозможно. Вандалы до сих пор не найдены...

– Известно, что Калининградская еврейская община хорошо взаимодействует с другими национальными общинами области и даже с балтийским казачеством. Не коренится ли в этой дружбе фундамент борьбы против антисемитизма? Как вы намерены развивать эти отношения?

– У еврейской общины сложились хорошие отношения со всеми национальными автономиями нашего региона. Мы приходим к ним на праздники, приглашаем их на наши. На Ханукальные вечера к нам приходят руководители обществ вместе с национальными коллективами, поздравляют нас. Особенно теплые отношения сложились у нас с мусульманской и армянской общинами, а также с балтийским казачеством. Администрация Калининградской области, в свою очередь, устраивает межнациональные фестивали. Я участвую в так называемом «круглом столе», на котором главы религиозных конфессий общими усилиями решают проблемы, касающиеся воспитания, религии, борьбы с сатанизмом и т. д. С руководителями национальных общин мы обсуждаем вопросы противодействия национализму и шовинизму. К примеру, атаман балтийского казачества Г.В. Медведев заверил меня, что 1300 казаков готовы по первому зову встать на защиту евреев против любых провокаций националистов.

Местные региональные власти, приняв во внимание многонациональный характер нашего региона, при администрации Калининградской области создали комитет по делам национальностей, который и призван непосредственно заниматься проблемами нацменьшинств.

– Сегодня нередко суждение, будто пик процесса возвращения евреев к своим корням уже позади: он пришелся, мол, на вторую половину 90-х. Теперь интерес евреев к иудаизму начал снижаться – по «закону маятника». Что вы об этом думаете?

– Не согласен, что интерес евреев к иудаизму подчиняется «закону маятника»! Думаю, что скорее в соответствии с законами диалектики он движется по поднимающейся спирали. Путь возвращения евреев к своим корням бесконечен, потому что наши корни сильные и глубокие.

Сейчас нужно спасать евреев от ассимиляции. ФЕОР делает правильные шаги, создавая новые еврейские детские сады, школы, молодежные клубы, направляя посланников-раввинов в города СНГ. Как можно говорить, что у евреев снижается интерес к еврейским ценностям, если эти ценности уже стали средой нашего обитания!

Ажиотаж, который начался после развала СССР, прошел. Кто хотел уехать – уехал, кто хотел остаться – остался. Началась монотонная, кропотливая, каждодневная работа по возвращению к своим корням, к еврейскому воспитанию и образованию. Идет созидание настоящей общины, которая поможет каждому: еврей, даже живя в диаспоре, должен чувствовать себя неотъемлемой частицей большого дружного народа. Я вижу, что в последнее время наша община увеличивается. Приходят новые люди, которые, будучи евреями по рождению, прежде не идентифицировали себя с иудаизмом.

– Как вы представляете себе будущее еврейской общины России?

– Каждого еврея приводит в синагогу Всевышний. И самое главное – не упустить человека: показать, что он интересен нам, и ему будет интересно с нами. Я верю, что у нашей общины есть будущее.

*יִשְׂרָאֵל עַל אֶרֶץ
יִשְׂרָאֵל עַל אֶרֶץ*

Î ÑÂÎÁÎÆÄÁÎÈÁÂÐÀ×ÁË: «Î òëëëëë òðäÿüìëõÿ»

*Î ÿòüüüÿò ëäò ïàçäâ, 4 äì ðäëÿ 1953 äãä, Î ëíëíòäðíòäí äí òò äáí ïëò ääë ÑÑÑÐ ïí òäëëëíäëí
á «Î ääää» ëäòëíäííáíüáíëäíí «ääëò ääâ-äë». Á íäí ñíáíüäëíííí ïäëëíáííòë ääâ-äë:*

*«Á ðäçëüòòòä ïðíäðëë äíòäííäëáíí: ïäëëíáíëÿ, äíääëíòòüä ïðíòëä ï ääëëíä ïëäçäëëíí
ëíäëíüí è. Áíä ïðëäâä-áííüá íí ÿòíí ó «ääëò ääâ-ë ïíëííòüð äääëëëòëððäáíü».*

Через день, 6 апреля, «Правда» поместила передовую статью «Советская социалистическая законность неприкосновенна». В статье отмечалось, что «дело врачей» было «призвано разжечь чувства национальной вражды». Впрочем, при этом не указывалось, против какой национальности должны быть направлены эти чувства.

Эти публикации, как и сам факт неожиданного освобождения арестованных, положили конец самой крупной антиеврейской кампании сталинского режима, которая могла стать прелюдией к «окончательному решению еврейского вопроса» в Советском Союзе.

Сообщение МВД и статья в «Правде» вызвали поток писем в редакцию главной газеты страны. Авторами писем были отдельные лица и целые коллективы из самых разных слоев тогдашнего советского общества, люди, различных возрастов, профессий, как евреи, так и неевреи. Значительное число писем было не подписано – то были анонимки.

Наиболее характерные из этих писем, как тогда было принято, были объединены редакцией в так называемые «сводки» и с грифом «секретно» поданы на самый «верх», в Секретариат Центрального Комитета, и должны были оказаться у высших руководителей страны. Причем это случилось в тот момент, когда после смерти диктатора между самыми высокопоставленными «слугами народа» началась схватка не на жизнь, а на смерть за сталинское наследство, за власть.

Эти сводки писем служили важнейшим каналом, по которому власть имущие получали информацию о настроениях в обществе. Сводки писем, как сказано в документах, читались «вкруговую». О том, что они были прочитаны, свидетельствуют пометки и подчеркивания, которые, вполне возможно, сделал Н.С.Хрущев. Там же – и подписи тогдашних вождей.

Известны две сводки писем, касающиеся реакции населения на прекращение «дела врачей». Они датируются 9 и 13 апреля 1953 года. Сами письма представлены полностью или в обширных выдержках. Они вряд ли нуждаются в обширных комментариях. Взгляды, настроения, оценки, содержащиеся в письмах, – своеобразный срез общества, едва прикоснувшегося к «оттепели». В них проглядывают новые ощущения кануна либерализации – «оттепели». И первыми признаками ее можно считать публикуемые здесь материалы.

Немало писем написано евреями. В письмах их смешались ощущения радости, еще не исчезнувшего страха, и вместе с тем – зреющего чувства негодования и протеста. Невзирая на утвердившийся государственный антисемитизм и сомкнувшуюся с ним психологию масс, многие из приведенных здесь еврейских писем свидетельствуют о сохранении чувства национального достоинства, о первых признаках борьбы за национальное возрождение.

Письма свидетельствуют также и о том, что не удалась попытка режима создать полное единомыслие и в стране, и в обществе. Не вышло – несмотря на чудовищный размах репрессий, тотальное промывание мозгов и проникший во все поры общества страх. И вместе с тем в письмах этих перед нами предстает больное общество, насыщенное мифологемами советской пропаганды и антисемитскими фобиями, что сродни средневековым охоте на ведьм и поискам нечистой силы.

Впрочем, сами документы полнее и ярче представляют ментальность советских людей так, как она запечатлелась в безыскусных письмах, написанных в радости или злобе, недоумении или ненависти, ровно пятьдесят лет назад.

Представленные документы хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и полностью публикуются впервые.

Сведения в комментариях о том или ином лице обычно даны на момент написания писем, т.е. на начало апреля 1953 года.

*Ñäëðíòíí
Ñäíäëä*

Писем, поступивших в редакцию «Правды» в связи с опубликованием Сообщения Министерства внутренних дел СССР по делу группы врачей и передовой статьи в «Правде» – «Советская социалистическая законность неприкосновенна».

В редакцию «Правды» поступают письма-отклики представителей различных слоев населения на Сообщение Министерства внутренних дел СССР по делу группы врачей и опубликованную в «Правде» передовую статью – «Советская социалистическая законность неприкосновенна».

Ниже приводятся полученные 6, 7 апреля с.г. письма и выдержки из отдельных писем.

Αάαεείτá (Ἰ ἡεάá Áάάάíε εἰ εόεάεῦ ἰά οεάαί ὕ).

«В вашей газете я прочел сообщение об освобождении профессоров-медиков. Я, как и многие советские люди, растроган справедливостью, честностью, гуманностью акта нашего дорогого, любимого Правительства. Исправить ошибку перед всем миром – это ли не сила нашего строя, это ли не превосходство коммунистического мировоззрения над буржуазным!

В руках таких замечательных людей как тт. Маленков¹, Берия², Молотов³ и др. соратников И.В. Сталина государственная власть есть великое средство народного благополучия и спокойствия, залог наших дальнейших успехов. Да здравствует Партия и Правительство!»

Αίίίεἰ ἰά ἰεῖῖῖ ἰ (Ἰ ἡεάá).

«Прочитав сегодня передовую статью в газете, я очень рад, что наконец разрядилась атмосфера в отношении евреев. Ведь до сегодняшнего дня, или, вернее, до опубликования сообщения насчет врачей, евреи пережили не мало. Я говорю честно, от всей души. Ведь дело доходило до того, что на работу было поступить трудно, да и теперь с сомнением относятся.

Я бы хотел, чтобы вы напечатали статью с разъяснением, что на работу можно принимать, а то начальники отделов кадров просто говорят: «Не подходите, ведь вы сами знаете почему». Под этим «почему» подразумевается: «Ты – всеми презираемый еврей». Надо этому положить конец».

Οάεί οόάεί Δ.Ρ. (Ἰ ἡεάá, Ἰ ἰά ἡεάί ἡεέ ἰ ὀτáá, á 38, εá 20).

«Хочу выразить свою глубокую признательность нашему советскому подлинно народному правительству. В сегодняшнем сообщении Министерства внутренних дел я еще раз глубоко почувствовала всю силу и мощь нашего государства, его справедливость и честность.

Остается только пожелать некоторым нашим руководителям народного хозяйства брать пример с правительства и партии и не бояться признать свои ошибки, когда они имеют место».

Εάεί ἰά ἡ.Á. (á ἡάάο ἰά οε. Δάίτ:áγ, á 37, εá 1).

«Сегодня, т.е. 4/IV-53 г., было передано по радио сообщение МВД СССР о реабилитации группы врачей, обвинявшихся бывшим МГБ во вредительской и террористической деятельности. Я от имени целой группы людей обращаюсь к вам с просьбой дать подробное объяснение по поводу вышеприведенного факта. Никак не укладывается в голове: каким это образом могла быть допущена подобная ошибка, тем более что часть этих врачей обвинялась не только во вредительстве, но и в том, что они являются старыми агентами английской разведки. Ведь нельзя же предположить, что эти обвинения абсолютно беспочвенны, то в этом можно увидеть явно выраженное желание некоторых головотяпов из бывшего МГБ посеять антисемитизм и национальную рознь.

Такие ошибки очень неблагоприятно отражаются на общественном мнении, не говоря уже о людях малограмотных и старых. И я бы просил подробно объяснить, почему произошел такой казус».

Ἰ εεἰεάá Ἰ. (Ἰ ἡεάá).

«С большим радостным волнением я прочел передовицу вашей газеты от 6 апреля «Советская социалистическая законность неприкосновенна». После всего этого невольно возникает вопрос: может ли Игнатьев⁴, проявивший политическую слепоту и ротозейство, занимать столь высокий и почетный пост, как секретарь ЦК?»

ὀίίεἰ Á.Ἰ. (εάίε οάί ἡάάο ἡεέ Áδἰ εε, á Ἰάεεἰ, χάδἰ εά ἡεάίε ἰάεάἡοε, á: 94044 «Á»).

«В связи с сообщением Министерства внутренних дел СССР у меня возникли вопросы, которые я считаю необходимым выяснить.

1. Все ли, о чем было напечатано в газетах за 13 января 1953 г., не подтвердилось, или все же некоторые данные остались в силе?

2. В каком свете необходимо рассматривать деятельность сионистской организации «Джойнт»?

3. Врач Тимашук Л. Ф.5 является клеветником, или она просто играла маленькую роль в этом деле и совершила ошибку?»

Εἰεεάεοεάί ἰá ἰεῖῖῖ ἰ (Αάί á ἰ ὀτáεάγ Ἰ Ὀἡ Ἰ ἰάεάαίεἰá δάεἰ ἰá, Áἡἡἡ).

«Коллектив Вендорожской машинно-тракторной станции Могилевского района (БССР) имеет неясность относительно освобождения врачей, связанных с убийством лучших деятелей Коммунистической партии Советского Союза, о чем ранее было опубликовано в газете «Правда».

Коллектив Вендорожской МТС надеется, что редактор газеты «Правда» опубликует подробно о причинах освобождения и причинах, по которым ранее печатались сообщения о врачах убийцах.

По поручению коллектива подписали: пред. колхоза Ворошилова Воронцов; главный бух. МТС Бусняков; уч. механик – Данилович; бригадир тракторной бригады Иванов Н.М.».

Εάáἰ ἰáá Á.ὀ. (Ἰ ἡεάá, Εόάῖ ἰ ἰ ὀτáεάοáδἰεάγ οε., á 1/47, εá 23).

«Я прочла сообщение Министерства внутренних дел СССР в газете «Правда» от 4. IV и мне непонятно: в начале перечисляется 15 арестованных с указанием их фамилий, а там, где говорится об освобождении из-под ареста, указано 13 человек. Не названы Коган М.Бб. и Этингер⁷.

Прошу дать ответ: Коган М.Б. и Этингер освобождены или нет?»

Áάοάί Ἰ. (á Ἰ ἡεάá).

«Если можно, прошу ответить на страницах вашей газеты на следующие вопросы:

1. Что такое антисемитизм, его исторические корни?
2. Какими мерами должна проводиться борьба советских и партийных организаций с проявлением антисемитизма у отдельных лиц и групп населения, особенно в тех районах, где побывали гитлеровцы?
3. Могут ли советские граждане, родители которых разных национальностей, свободно выбирать себе национальную принадлежность, или по этому поводу имеются какие-либо строгие законы?»

Айітєі ітїаієтїі і (ї І ітїаа).

«Глубоко оскорблен русский народ сегодняшней передовой статьей (6 апреля с.г.).

Великое дело начало наше правительство: оно дало ясно понять, что в прошлом существовало пристрастное разбирательство дел, и открыло народу свое желание изменить внутреннюю политику. Но почему же этот акт мирового значения начался с возвеличивания кучки евреев и унижения русских? Сколько истинных жертв репрессий 1932 - 1934 и 1937 - 1938 годов еще находятся в лагерях, но не их в первую очередь реабилитировали, а кучку евреев!

Миллионы русской, украинской и белорусской молодежи отстраняются от научной и общественной деятельности потому, что они находились в оккупации. Почему же не для них нашло правительство первое слово оправдания? Неужели они хуже уголовных преступников? Евреи эвакуировались потому, что боялись смерти, а не потому, что хотели защищать родину. Они ее и не защищали! А теперь оттесняют русских.

Не нужен русскому народу такой международный авторитет, который поддерживается унижением и оскорблением русских ради евреев».

Чугунов А. (Москва, Втузов пер., 7).

«Прошу через газету отметить среди сотен других и мое глубочайшее презрение и невыразимое чувство омерзения к человеческому отребью – Л. Тимашук, называвшей себя советским врачом.

Эта подлая тварь, эта дипломированная Чеберячка с гитлеровской идеологией вершила под видом советского патриота отвратительнейшие антисоветские дела. Я уверен, что те самые подлинные советские патриоты, которые не так давно выражали через «Правду» свою признательность этой, как можно было думать, бдительной патриотке, – эти самые подлинные патриоты, не сомневаюсь, через «Правду» же выражают свое омерзение этой гнусной черносотенке, чуть было не получившей высочайшей награды – ордена Ленина».

І одаііа А.А. (ї Еааі іаі, оє. Еоіаііаа, я 100, еа 1).

«А ааііаа іі оаіі:єі є 3-ї ааііаа Еааі іаііаі єіі аєіаоа еіеііііаіііе і іаііаі і ііаіаііе І еіеііаііаа аіооаііео ааіі NNND аіііеєє аіііііі, є ґ, еае ааооаіі, аіеє іааоооііі і іеі є +ааііаііаоо «І оааа» є І оаіііаоаєр Nіааоа І еіеііаіі NNND оіа І ааіі еіао А.І.

1. Іа еаєіі ііі іаііеє оаіаі ііаіаіііі і ааііа ааа:ає, іааііааєєіі аі ааііеоаєіііаа оіеііааа є оааііі оеііе:аіеєо ааіііаєуо, оіааа еае іааіііааа аіа іа аіііі ааііі:аіі?

2. Еоі ааііааіе і іаііаі а ео еіаєіі іі іааііаіеє?

3. Еаеєа ааііо і оеііуоу і ааіі є ааа:о оеіі аооє Е.О., еі оііау оае аа і іаіііа а ео еіаєіі іі іааііаіеє?

4. І і:аі о і оі оаііі о Аіаіє І. N.8 аіііааєуао а іііео оаіі оао і оі оаііі да Аеєаі іеіаі (ііо аоііе а іаіііеєа «І оіааа а еііоо еіааііаааііі іе іаоііеіае». Еґааі еа Аеаааі еє іаоє NNND, 1952 а ііо о 213)?

5. І оеіі аааєєіі еє оаііаа ааіііааіііаа а і оааііаааіііаа еі іааііаі еуо є оаіі еіііааєєіі еє ііе і іауоєі є іааііаі еуі е?

6. І оеііаоо еє оаіііаіеєє іааіііааіііе +аііе аіаоаіі І еіеііаііаа аіііааііааіііе ааіііаіі іііоє, +оі ііе ааіііааєоаііі і еаеаі ааіеуоє іааіііааєуо?»

Наааєііа А. (І ітїаа).

«Вы считаете, что эти профессора полностью реабилитированы? Но кого можно в этом убедить. Нет, все равно это – низкие и подлые люди. Неужели их мучили так, как мучили девочку Зою10 или Лизу Чайкину11, этих стойких, настоящих патриотов.

Да убейте меня и кого угодно, по-настоящему истинного человека, да никогда с моих уст не сорвалось бы это чудовищное признание. Все равно, они – трусы, лжецы и малодушные люди, и никогда

никакими статьями ни в «Правде», ни в другой газете не вернете вы ни товарищеского отношения к ним, ни доверия. Да как можно им поверить!

Я не могу писать от возмущения всем этим процессом.

Пугливые, мелкие их душонки заставили волноваться и горевать миллионы честных советских граждан, заставили страдать тысячи ни в чем не повинных людей. В этом они уже виноваты, и за это их нужно больше судить, чем кого бы то ни было. Позор им и стыд перед каждым по настоящему честным русским человеком. Я и миллионы людей все равно будут презирать их и еще больше ненавидеть».

Αίτιεί τράι εννύ ι (ά Ι τρέαα).

«Я, молодой советский инженер. После того, как прочитал в Вашей газете сообщение об освобождении врачей-вредителей, у меня было ощущение, что я получил пощечину.

В стране, где правительство уважает себя и свой народ, таких поступков быть не может. Мне стыдно на заводе смотреть рабочим в глаза и отвечать на их вопросы, с которыми они обращаются ко мне по поводу освобождения врачей-вредителей. Уж слишком все “шито белыми нитками”, и заставить верить в “невиновность” нельзя».

Αίτιεί τράι εννύ ι (ά Ι τρέαα).

«Просим вас больше не помещать в газете, органе Центрального Комитета КПСС, подобных сообщений, как сообщение Министерства внутренних дел СССР от 4. IV. 53 г.

Это сообщение вызвало у всех рабочих прежде всего тревогу и страх за те ненормальные отношения и полностью дискредитировало наши органы госбезопасности. Оно написано или еврейской рукой, или под влиянием еврейского вдохновения. Оно может вызвать улыбки только у Эйзенхауэра¹³, в Америке. Даже честные евреи СССР отнеслись к этой статье с большой тревогой.

Неужели эти несчастные профессора, если они оказались не вредителями, стоят того, чтобы взволновать так умы наших рабочих?

Сейчас, особенно после смерти товарища Сталина, нужно дать понять народу, что у нас, и в государственном аппарате, и в КПСС, и в аппарате госбезопасности – везде должна быть налажена работа еще крепче, чем при жизни товарища Сталина. За все время существования советской власти еще никто не порочил так наши органы госбезопасности. От этой статьи пахнет еврейским базаром и междоусобицей между министерствами, и она вовсе недостойна того, чтобы ее в таком виде помещать в центральный печатный орган нашей партии.

А потом с Лидией Тимашук. Мы о ней могли знать, могли и не знать, а вот издеваться над патриотическими чувствами народа никто не имеет права. Это получилось тоже поистине по-еврейски: они могут все, даже патриотические чувства своего народа пустить в ход для своей личной выгоды. Каково же положение тех граждан, которые в силу патриотических чувств писали в газеты и выражали личные симпатии к человеку, который проявил бдительность? Эта статья оплевала эти чувства. Разве такое безобразие допустимо?

Теперь об этих несчастных героях-профессорах. Что же тут героического, – спрашивают рабочие, – если они под влиянием каких-то методов могут сами на себя наговорить всякую неправду? Как же наши простые люди стояли за правду и молчали, когда им выжигали звезды на теле, или отрезали части тела. Они не говорили ничего.

Ότá Δάαεότδ! Ί ότρεϊ Άαηϊάααούα ΌΈ ΕΊ ΝΝ τδ αάδτδτá γοτá ι εννύ á ι ότρεϊάε

1. Ίά δαφθασαού ιά ηδδαίεσαδ όατ όδδευτá ιά ιάδδееίτá ιδδáτá ιηηαυαού ι άεάδδáτá ι ηδδáτá ι άεάτáτáεού. Ά γοτá δαφάεδδáτá ΌΈ ιάδδее άαφ-άηδεγ έ άείτáεγ ιάδτáα

2. Ίά ιτáτáεγού τáγáγού έ ιτρεδδáου ιάδδееτδε-άτееά -άηδάη άδάεάτ. Ίότ áηη έδ “ηγ’όαγ ηγ’όού”, á ιά άάδδееέέ άαφάδ

3. Ίάεγύ όάε ιτ-άη ηεε δάαού εφάητότφ ιτееδε-άτееφ ιάηδδáτáτáηδδú á όι άδ ιάεδδ άδάεάτ.

4. Ίά γοτá ι ότρεϊάηη ι ιάετá άύετá άύ ηεάφάου ά δαφάτ όεσα έ όι ιάά Άηη δάάτá, έάετá άύ εννύτá ιά ιτρεδ-εένη, ι ú γοεϊ “άδδγτá” άτáαδγ’όού ιά άάάτá. Όάε ιάφá-άτ άύετá έ ιάάτáεού “δάτáτá ηη úέ άάτá”».

Αίτιεί τράι εννύ ι (Έάτáετá άδάα).

«Как нехорошо получилось с делом врачей-вредителей. Сначала раздули это дело. Говорили, что Виноградов¹² и др. старые агенты американской разведки, а потом оказалось, что все они честные люди. Говорили, что Лидия Тимашук – истинный патриот нашей Родины, а оказалось, что это просто клеветник, которого привлекают к ответственности.

Да, евреи еще нигде не пропадали, они и здесь сумели вывернуться! Дело не обошлось без кумовства! Не ясно, есть ли на самом деле врачи-вредители, или это была лишь инсценировка? Почему широким массам так мало говорят через вашу газету об этом?»

Αίτιεί τράι εννύ ι (ά Ι τρέαα).

«В сегодняшнем номере вашей газеты мы прочли сообщение Министерства внутренних дел. Это сообщение произвело довольно странное впечатление. В свое время было опубликовано сообщение об аресте врачей-вредителей, которые возмутили своими действиями весь советский народ. Каждый честный человек проникся к ним ненавистью. После этого было опубликовано много статей, которые прямо или косвенно подтвердили это. Награждена Тимашук, которая получила тысячи благодарностей от советских людей.

И вдруг сегодня прочли, что все эти обвинения ложны. Это сообщение вызвало чувство пощечины, полученной незаслуженно и неожиданно.

Почему же они на первоначальном следствии признались во всем? Почему честные советские люди под пытками гитлеровцев ни в чем не признавались.

Не успели утром выйти на кухню, как все сразу заговорили об этом и все возмущаются. Целый день, где бы об этом ни говорили, всюду возмущаются. Как можно сеять такие сомнения и такое недоверие в народе? Кому после этого верить?

Я простой человек, и вот мои мысли высказаны в этом письме. А простых людей очень много, и им нужны доказательства, чтобы знать, кому верить.

Тимашук одна, ее теперь заклю

ют. Надо доказать, почему она не права. Просто сердце разрывается, когда в такое время, напряженное время, да еще такие непонятные вещи делают, которые сеют недоверие и сомнения в МВД».

Αίτιεί τράϊεμού ι.

«Мы читали статью в газете “Правда” за 6 апреля с.г. – “Советская социалистическая законность неприкосновенна”. Мы этой статьей очень возмущены. Вы думаете, что измените наши взгляды на евреев. Нет, не измените. Евреи были в наших глазах паразитами и будут такими. Они вытесняют нас, русских, из всех культурных учреждений, за тяжелую работу не принимаются, землю не пашут. Вы должны их одернуть, а не выгораживать».

Εἰσαίει Α.Ε. (Αἰδοεείταδωάνεαυ τρέαηού Εάάεαίρεέ δαείι, μετ Αίεοάρεά).

«Сегодня 4 марта 1953 года по радио было передано Сообщение Министерства внутренних дел СССР об освобождении ранее арестованных профессоров-врачей. Однако в этом вопросе большая неясность, ибо “Правда” выступила в январе месяце со статьей, разоблачавшей группу врачей, как шпионов и убийц, которые, как было указано, давным-давно связали себя с английской и американской разведками, а также имели связь с еврейской националистической организацией “Джойнт”.

Тов. Тимашук, которая якобы оказала помощь в разоблачении этой группы, была награждена орденом Ленина. В настоящее время Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 года отменяется.

Однако объективная причина освобождения профессоров-врачей мне не ясна. Зная цели этих профессоров-врачей, как-то неприятно становится, когда у них обошлось все гладко.

Нам тяжела каждая утрата наших руководителей партии и правительства. И особенно теперь, когда нет с нами любимого вождя товарища Сталина, хочется сберечь жизнь каждого партийного и государственного деятеля, хочется, чтобы она была бесконечной и вечной. Ибо у нас цель одна – строительство коммунистического общества.

Дорогая редакция, я просил бы в этом вопросе дать соответствующее разъяснение, чтобы не было неясности».

Αίτιεί τράϊεμού ι (α ἰ τρέαα).

«Вы поместили много статей с еврейскими фамилиями (“врагами”, проходимцами и т.п.). Поместите теперь хотя бы одну статью об одном случае антисемитизма, чтобы разоблачить мерзавцев, которые в нашей стране продолжают проявлять жуткий антисемитизм».

Δαοί αί (α ἰ τρέαα).

«Весь советский народ и в особенности еврейский народ с большой радостью встретил сообщение МВД по делу врачей Вовси и др. В передовой статье вашей газеты от 6 апреля сказано, что группа авантюристов из бывшего МГБ ставила перед собой целью разжечь национальную вражду. Следует, однако, заметить, что и редактируемая вами газета сыграла в этом грязном деле неприглядную роль.

1. После опубликования сообщения МГБ в отношении “врачей убийц” на страницах вашей газеты в течение 15 дней, печатались ежедневно фельетоны, действующими лицами которых являлись только евреи. Безусловно, жуликов и проходимцев нужно разоблачать, но такая подтасовка фактов вела к разжиганию антисемитизма среди народа. По вашему пути пошли и остальные газеты.

2. Печатаемая краткую стенограмму речи Клемента Готвальда¹⁴ на пленуме ЦК компартии Чехословакии, Вы умышленно или неумышленно пропустили ту часть речи, где Готвальд сказал, что коммунисты никогда не смешивали банду еврейских буржуазных националистов из группы Сланского¹⁵ с еврейским трудовым народом, с еврейской интеллигенцией, которая честно трудится вместе с чехословацким народом по построению социализма. Это место было в стенограмме, опубликованной в газете “За прочный мир, за народную демократию”¹⁶.

После ареста группы профессоров (Вовси и др.) тысячи специалистов-евреев в Москве, Ленинграде были уволены с работы и теперь влачат жалкое существование, ибо их нигде не принимают на работу. Сделано только начало, нужно дело довести до конца».

Αίτιεί τράϊεμού ι (α ἰ τρέαα).

«”Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей”. Под таким заголовком в “Правде” от 13.1 – 1953 г. была помещена статья. И чего только нет в этой злостной тенденциозной статье!

Не дождавшись конца следствия, автор свободно утверждает: “Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являясь их наемными платными агентами”(?!). Автор спешит оформить и место службы их в “Джойнт”. Приводится показание профессора Вовси, “добытое путем применения недопустимых и строжайше

В редакцию «Правды» продолжают поступать письма-отклики на Сообщение Министерства внутренних дел СССР по делу группы врачей и напечатанную 6 апреля с.г. в «Правде» передовую статью – «Советская социалистическая законность неприкосновенна».

За 8 и 9 апреля редакция получила 52 письма-отклика. Авторы 14-ти писем горячо одобряют мероприятие правительства, приветствуют реабилитацию врачей, незаконно арестованных; значительная часть авторов делится в письмах своими сомнениями и недоумениями и просит дополнительных разъяснений; в некоторых письмах сквозят явно антисемитские настроения.

Абсолютное большинство писем – анонимные.

Ниже приводим часть писем полностью и выдержки из ряда писем.

Айіей ітатені і (І ітсаа).

«Дорогой Климентий Ефремович²⁸! Дорогие товарищи Маленков, Молотов, Берия, Булганин²⁹, Каганович³⁰! Под влиянием величайшей справедливости опубликованных материалов, разоблачающих проходимцев, насаждавших национальную рознь и вражду, я решил написать это письмо. Оно давно зрело в моем сознании, но не было гарантии, что оно не попало бы в руки какого-нибудь Рюмина или его преступного единомышленника.

Я – еврей, мне 37 лет, я коммунист, инженер и майор Советской Армии. Как и большинство евреев, я бесконечно предан партии и Советскому Союзу. Это моя любимая Родина, больше никакой другой земли я не знаю.

С детства я рос и любовно воспитывался партией в духе уважения ко всем трудящимся, меня воспитала Родина честным и трудовым человеком.

Но с некоторых пор все мы, евреи, со жгучей болью в сердце стали чувствовать совершенно недопустимое в Советском Союзе, почти открытое преследование, различные ограничения, унижающие достоинство советских людей.

Евреев, среди которых абсолютное большинство честных советских патриотов, начали изгонять с более или менее ответственных работ, из Министерств, из научных учреждений, из Армии, почти перестали принимать в вузы и т.д. Больше того, по воле какого-нибудь антисемита директора или начальника отдела кадров, евреев перестали принимать даже на любую рядовую работу.

Высшей точкой, которая до предела накалила обстановку, явилось сообщение и редакционная статья в «Правде» об «Убийцах в белых халатах».

Эта статья и последующие за ней во всех газетах, особенно в «Литературной газете», статьи были написаны в открыто антисемитском духе и они сделали свое черное дело: они разожгли чуждые советским людям низменные инстинкты ненависти к еврейскому населению среди отсталой части людей других национальностей.

Газеты стали чуть ли не ежедневно героями своих фельетонов выбирать евреев, хотя даже ребенку ясно, что жуликов, дельцов и проходимцев среди русских, грузин, украинцев и других национальностей также было больше чем достаточно.

Под влиянием всего этого, мы, честные люди, патриоты своей Советской Родины оказались униженными и глубоко оскорбленными. Слово – «жид» снова появилось в обиходе отсталых людей в трамвае, в ресторане, среди женщин на кухне и даже среди детей в школе и на улице. К сожалению, этим заразилось и много малоидейных коммунистов.

К великому счастью и радости партия сумела все же разобраться, и открыто ударить по носителям этих антипартийных тенденций. Я уверен, что прекращению антисемитской травли будут рады не только евреи, но и все честные советские люди, которым противна была обстановка национальной вражды.

Я горжусь своей Коммунистической партией, ее могучим оружием – Ленинско-Сталинской национальной политикой.

Трудящиеся евреи Советского Союза никогда не отставали от других народов нашей станы в труде и в боях за Родину.

Удар по антисемитам окрыляет нас и воодушевляет на самоотверженный труд на благо нашей дорогой и любимой Отчизны.

Спасибо тебе, партия, за твою прозорливость и мужество!

Честный советский человек.

Я не ставлю своей подписи, потому что под этим письмом подпишутся сотни тысяч евреев Советского Союза.

Аадіад І .В. (Дєа, оє. Ытатені, 16-6).

«Разрешите мне через Вашу газету выразить то чувство патриотического удовлетворения, которое вызвало сообщение Министерства внутренних дел от 4 апреля 1953 г.

Я молодая советская мать, от всего сердца и с чувством глубокой признательности выражаю свою благодарность Советскому правительству и всем тем, что так отважно разоблачал гнусных врагов народа, осквернявших честное имя советского врача.

Призываю всех советских матерей быть еще более бдительными и на каждом шагу бороться с преступными элементами нашего государства. Гарбер Марьям Яковлевна, 24 года, студ. заочного института ин. языков».

Калиновская (Москва. Адрес и инициалы не указаны).

«Сегодня по радио услышала о ликвидации такого позорного дела с профессорами. Мое родное правительство, как я рада, что ты поступило справедливо по-человечески, в этом поступке почувствовалось присутствие нашего дорогого В.И. Ленина; он опять с нами, он любил народ.

Я домашняя хозяйка, да и то почувствовала всю ложь обвинения. Я 60-летняя старуха, выдавшая много горя в своей жизни, отданная из-за бедности и многосемейности родителей в люди с 11-летнего возраста, чувствовала при царизме свое бесправное положение. Советская власть открыла мне глаза на жизнь, и я ей так благодарна и так дорожу своим правительством, что попадись на моем пути враг советской власти, будь хоть он самый близкий, я его не пожалею и не задумаюсь его ликвидировать, не жалея своей жизни. Наше правительство так много сделало за короткий срок своей власти. Еще осталось подумать о деревнях: у нас еще домишки в деревнях, как навозные кучи, многие на боку; как дождь – так в избе дождь, соломки нет на крышу, скорей в поле сгниет, скотина колхозная также страдает, так в большинстве сел Тульской области, Мордовский район.

Вот наша “Правда” – хорошо ли, нет ли я поступила, а не могла молчать. Я люблю свою власть и хочу ей только самого хорошего, она у меня мой бог и моя вера».

Βετίετá Α.Γ. (Γίνετέ Ανετί, Ί ίνετά Όγεί. α.ά, Γ'άδελίφάγ τέ 11)

«Я очень прошу выразить мою глубокую благодарность нашему правительству и партии за правду, за справедливость.

Кто бы знал, сколько бессонных ночей провела я из-за позорного пятна, брошенного на белый халат врача. Кто бы знал, что переживало мое материнское сердце за то, что на моих сыновей было наложено “клеймо” только за то, что их отец был еврей. Как обидно и больно было, что мои дети должны были “стыдиться” своего отца, который прожил честную трудовую жизнь, происходя из бедной трудовой семьи, который был предан Родине – Советскому Союзу и погиб за нее на фронте в 1941 г.

Мы оба, и я одна, после гибели мужа, воспитывали своих детей также честными и преданными Родине, воспитали их такими, что я могу только гордиться ими, а мне давали чувствовать, что дети мои какие-то отщепенцы, парии, заклеянные на всю жизнь и что перед ними закрыты почти все двери.

За что? Эта мысль мешала жить и работать.

Мой старший сын отличник учебы с первых классов школы, пробывший 2 года на фронте и 3 года в армии, отличник в университете, по общему признанию профессоров, с особыми способностями к математике: из-за этого “клейма” не принят в этом году в аспирантуру (он кончает МГУ, математический факультет).

Как больно и обидно было, зная, что аспирантуру получили менее способные и достойные чем он. За что?

И вот 4 апреля, услышав по радио постановление правительства, раскрывшего это дело, и сегодня, прочитав передовую статью газеты “Правда”, – у меня точно камень свалился с сердца.

Я и мои сыновья (младший – моряк Балтфлота, даже и там чувствовал порой этот гнет) выражаем свою самую глубокую благодарность и заверяем, что, если надо, жизни свои готовы отдать за наш Советский Союз, за правительство, за родную любимую Коммунистическую партию.

Αδά- Βετίετá Αέείá Γ'έέτ'άάάτ'ά.

Αίίεί ίίάίέήύ ί (Ί ίνετά)

«Родные! Где взять слова, чтобы выразить все то, что рвется из самой глубины сердца?

Только наше социалистическое правительство, для которого Право и Справедливость выше всего, только оно могло твердой рукой выявить всю правду и дать восторжествовать истине.

“Это свидетельствует о великой силе Советского государства, социалистического строя”. “Правда”, 6.IV.53 г.

Да будет же благословенна наша Великая Страна и ее неподкупное правительство.

За такую Родину и свою партию, каждый советский гражданин, какой бы национальности он ни был, отдаст не задумываясь и всю свою кровь капля за каплей». Еврей.

Αίίεί ίίάίέήύ ί (Απόδωάί ύ)

«Товарищи! Возмутительное разбирательство дела группы врачей, превратившееся в конечном итоге в скандал, дает повод полагать, что не все благополучно в органах государственной безопасности. Кому, как не им, принадлежит вонючая пальма первенства в этом исключительном деле? Не так ли?

От имени сотен и сотен тысяч евреев, населяющих великий Советский Союз, выражаем энергичный протест органам, ведшим “дело”. Ведь кому-кому, а нам было очень больно, мы низко опустили голову и готовы были провалиться сквозь землю. Но есть еще на свете наш советский “бог”! Он видит, где правда, а где ложь. Кто он? Это наша советская власть, вскормившая, воспитавшая и защитившая нас. Слава ей! Слава Коммунистической партии Советского Союза!

Вон из наших рядов бездарных сочинителей, давно обанкротившихся дел Бейлиса! На мусорный ящик истории их! Советские евреи, как коммунисты, так и беспартийные, благодарят Советское правительство за беспристрастный подход к делу, за то, что она всегда, даже в таких случаях, остается верной ленинско-сталинским заветам и русской пословице: пусть лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Î Î È Ñ Î Ñ Ñ Æ È Æ Æ Ð Æ Æ Æ

Леонид Коваль

Евреи, по словам А.-Б. Иегошуа, автора книги «Право на нормальность», всегда воспринимали изгнание как бедствие, проклятие, как корень всех зол и, безусловно, как сугубо временную ситуацию... Они считали, что мир будет исправлен лишь после того, как они вернуться на свою землю.

Но вместе с горечью и неизбежной болью от безвозвратных потерь евреи сберегли в сердцах великую благодарность тем, кто в самые трагические периоды их жизни протянул им руку помощи. Иногда я думаю: почему только в Израиле принято решение о присвоении звания «Праведник народов мира» спасителям евреев? И почему нет в каждой стране Пантеона Славы, где бы хранились имена спасителей людей всех национальностей? Быть может, если бы мы были готовы всегда помогать друг другу в минуту опасности, спасение евреев не выглядело бы таким исключительным проявлением мужества, каким оно предстало в годы фашизма.

Î áîáîîæè î á î ðæèññîîæèá

Несколько лет назад наша киногруппа отправилась в Берлин на съемки документального фильма по моему сценарию. Назывался он «Спасители и спасенные». В Берлине мы снимали доктора медицины профессора Бернгарда Пресса. Этот человек покорила нас своим умом, своей интеллигентностью, образованностью. Нас потряс его рассказ о том, что им с отцом пришлось пережить в годы гитлеровской оккупации Риги. Бернгард Пресс вспоминал поразительные детали, удивлял тонкостью наблюдений, радовал мягким юмором. Он был прирожденный рассказчик. Вот только один эпизод.

Это произошло уже после войны. Прессы решили во что бы то ни стало уехать на Запад. Кто-то взялся им помочь, но, получив деньги, выдал их КГБ. И Бернгарду Прессу дали 25 лет лагерей, которые он отбывал в Норильске. Вместе с ним отбывали свой срок рижские коллаборационисты. Пресс лечил их. Однажды его вызвали к больному, перенесшему тяжелый инсульт. Пресс осмотрел его и пообещал поставить на ноги. Потом поинтересовался:

– Кстати, за что вы попали в лагерь?

– А я убивал в Риге этих... носатых... со шнобелями... жидов, – признался больной, не разглядев во враче еврея.

«Как я должен поступить?» – спросил себя доктор Пресс. И поступил так, как требовала клятва Гипократа. Поставил бывшего убийцу на ноги. Его выпустили из лагеря, и он собрался ехать к родным. Перед отъездом зашел к доктору и попросил дать рекомендации для врачей, которые будут его лечить на воле. И тут доктор Пресс улыбнулся своей застенчивой улыбкой.

– Я написал рекомендации и вложил в конверт записку: «Ваш инсульт – Б-жественная кара за ваши злодеяния». Это была моя еврейская месть.

Но я забежал вперед. Главную тему фильма составляло чудесное спасение Прессов. И мы прежде всего услышали рассказ доктора Пресса о семье академика Артура Круминя. Профессор Пресс подарил мне свою книгу «Убийство евреев в Латвии», там все описано.

Только недавно удалось узнать, что профессор Пресс еще в 1983 году обращался в израильский Мемориальный институт Катастрофы и героизма еврейского народа Яд ва-шем с просьбой присвоить звание «Праведников народов мира» семье своих спасителей. Мне довелось встретиться с президентом Академии наук Латвии Янисом Страдынем. Беседуя с ним, я вспомнил историю спасения Прессов и показал ему письмо, которое от имени Международного общества истории гетто и геноцида евреев собирался отправить в Иерусалим. Это было ходатайство о присвоении звания «Праведников народов мира» семье Артура Круминя. Президент Академии наук деликатно спросил:

– Вы не станете возражать, если я добавлю и свою просьбу к вашему письму?

И тут же написал: «Латвийская Академия наук всецело одобряет инициативу писателя Л. Ковалья, президента Международного общества истории гетто и геноцида евреев, об увековечении памяти семьи Круминей, которые в годы войны спасли в Риге семью Прессов – отца и сына. На этот счет имеются документальные свидетельства. Главой семьи являлся профессор архитектуры Артур Круминь (1879 – 1969), один из первых академиков Латвийской Академии наук, первый академик-секретарь Отделения технических наук Академии, выдающийся латвийский архитектор и историк архитектуры, автор либретто первой латышской оперы “Банюга”, очень известный в Латвии человек. Он и его семья проявили редкостное мужество и героизм, и каждый член семьи всецело заслуживает, на наш взгляд, присвоения ему звания “Праведник народов мира”. Семья Круминей жила в самом центре города, поэтому риск был особенно велик. Замечу, что спасенный Бернгард Пресс впоследствии стал видным медиком, профессором, работал в Институте органического синтеза в Риге, затем в Свободном университете города Берлина и недавно умер. Он высоко ценил заслуги семьи Круминей.

*Ñ èñðáíîè ááæáíèáí Ææ Ñí Ñòðááííü
Î ðæèááí ò Æàðæèññîîæè Áèááí èè îáèè.
Òèòèðþ îááò èç Æáðáííèè á:*

«Уважаемый профессор Страдынь!

В ответ на обращение Латвийской Академии наук сообщаем, что академик Артур Круминь, а также его супруга Эрна и дочери Велта и Илга были удостоены почетного звания “Праведники народов мира” 22 мая 1983 года по просьбе и на основе свидетельских показаний спасенного ими проф. Бернгарда Пресса. Вместе с вышеуказанными членами семьи Круминей были признаны “Праведниками” госпожа Лина Пилсрозе, домработница Круминей, и госпожа Эльза Мелейка, знакомая семьи, которая в годы оккупации помогала Круминям продуктами питания.

С уважением и наилучшими пожеланиями Катя Губарева, отдел “Праведники мира”».

Копия – г-ну Л. Ковалю, Международное общество истории гетто и геноцида Turaidas iela, 98-2. Jurmala. LV-2015.

(Решение это никто не обнародовал, в советское время таких вещей боялись, и наше письмо вырвало из небытия важный документ эпохи.)

«Праведник народов мира». В честь каждого из них в иерусалимском Саду Славы посажено вечнозеленое дерево; у его подножья установлена мемориальная доска с именем награжденного. Сегодня в этом уникальном месте 16 500 деревьев.

Кто в Латвии знает, сколько в том Саду Славы имен латышских героев? О ком из них рассказывают в школах? В высших учебных заведениях? На каких домах Риги, других городов и деревень установлены мемориальные доски в честь мужественных сынов и дочерей нашей страны? Их подвиг – великий потенциал нравственного воспитания молодежи. К сожалению, не используемый. Я провел социологический опрос пятисот школьников латышских школ. Только двое смогли невнятно ответить на вопрос, что такое Холокост, и никто не сумел назвать хоть одного латышского «Праведника народов мира». Грустно, господа!

Вот почему я обращаюсь к Рижской думе, к комитету по охране памятников с предложением установить мемориальную доску на доме №11 по улице Марияс, где жили Артур и Эрна Крумини, их дети, их домработница Лина Пилсрозе, куда приходила Эльза Мелейка.

Вместе с Р. Богдановой мы перевели с немецкого отрывок из книги профессора Бернгарда Пресса «Убийство евреев в Латвии», который я предлагаю вниманию читателя.

ĪĪĀĀ

30 ноября 1941 года нас перевели в малое гетто. В подвале деревянного дома мы нашли пустующую комнату и разместились в ней. Нас было человек десять-пятнадцать. Спали на голом полу, завернувшись в пальто. Утром отправлялись на работу. Мой отец и я – в колонне «Кабель», которая работала вблизи фабрики Кузнецова: мы там прокладывали траншею для кабеля. Было холодно, и чтобы согреться, мы копали с усердием. 29 ноября и 8 декабря в гетто были проведены две акции. Десятки тысяч евреев зверски расстреляли в Бикерниеку и Румбуле. Среди них были моя мать и другие родственники. 30 ноября, когда мой отец и я прощались с мамой, она взяла с меня обещание, что ни при каких обстоятельствах я не обращусь к семейству профессора Круминя с просьбой о помощи. Она считала, что в такое время нельзя никому навязываться. Однако теперь, после второй акции, меня охватил страх. Я рассчитал, что между двумя акциями проходит 7-8 дней и что следующая, вероятно, состоится в ближайшее воскресенье или в понедельник. Я написал фрау Крумине письмо, где говорилось, что я хочу вернуть взятую у нее книгу и буду ждать ее утром, по дороге на работу, у железнодорожного управления. Я подписался латышским именем, чтобы, попади письмо в чужие руки, оно не вызвало подозрения. Я был уверен, что Крумини осведомлены о событиях в гетто, должны знать, что речь идет о жизни и смерти; они наверняка поймут: мое письмо – это крик о помощи.

Два дня спустя, когда наша колонна как всегда появилась утром на улице Гоголя, отец и я увидели поодаль фрау Круминю и ее взрослую дочь. Мы крикнули старшему, что хотим немного погреться, и зашли в здание управления. Обе дамы последовали за нами. В длинном пустом коридоре все четверо шагали туда и обратно: мы с отцом в одном направлении, Крумини – в другом. Каждый раз, проходя друг мимо друга, мы перекидывались несколькими словами. Крумини сказали твердо:

**000 i ĪĪāā āiōēē ēç ēīēīīīū, ÷ōīāū
ēōī ēōīīōōdāī Īpā āçāōā Īōīōēā yōīā
īāī āōēēā īōdāī īēēē īēēīāā īā āīçāāēē.
Īōāō ē y, īōy:āūī çā ēpāūī ē, mīdāāēē āōūā
ō āōūā çāçāūī mī mīēīū ē, īōīēāy, mīāēāā āēā
÷ōīōīāēā ēāūī çā āāçāōīē, mīdāāēē çāçāūī mī āōīāē.**

– Почувствуете, что вы в опасности, – немедленно приходите.

После получения моего письма в доме Круминей состоялся долгий, трудный разговор. Все члены семейства были едины в том, что нас нужно спасти, но был и нерешенный вопрос. Многие годы в семье жила домработница Лина Пилсрозе. И если бы она не согласилась участвовать в опасном предприятии, ее нельзя было бы за это упрекнуть. Укрывание евреев каралось смертной казнью, и, проникни гестапо в наш заговор,

оно не пощадило бы ни семью латышского профессора, ни домработницу. Когда Крумини рассказали Лине о нас, реакция ее была удивительна.

– Пусть приходят! – воскликнула эта женщина. – И чем скорее, тем лучше.

Наступило воскресенье. Состоится ли третья акция? Мы с отцом решили действовать. Спорили с пальто желтые звезды и снова прикололи их – но так, чтоб можно было оторвать одним рывком. На следующее утро все как обычно встали в колонну. Пришли солдаты, ворота гетто открылись, и мы покинули лагерь. Даугавпилсская улица была безлюдна. Через несколько минут мы дошли до газетного киоска на углу улицы Екабпилс. Он был едва освещен. Тут многие вышли из колонны, чтобы купить утреннюю газету. Против этого немецкие охранники не возражали. Отец и я, прячась за людьми, сорвали друг у друга звезды со спины и отойдя, сделав вид, что тоже идем за газетой, сорвали звезды спереди. Секунду я простоял у киоска, а в следующее мгновение уже исчез в темноте сквера, что находился между православной церковью и костелом. Никто ничего не заметил. Мой отец проделал то же самое. Но мы потеряли друг друга в зимних утренних сумерках.

Светало, когда я добрался до Круминей, живших на улице Марияс, 11. Лестница оказалась пуста. Я подошел к квартире. Тотчас открылась дверь, и сам профессор встретил меня на пороге дружеской улыбкой. Они ждали, когда я наконец приду, потому что отец уже был на месте. В прихожей собралась вся семья, мне радостно жали руку. Потом мы сели завтракать.

ĒŌĪ ĀŅŪŪ ĒŌĪ

Профессору Артуру Круминю, рослому мужчине с короткими седыми усами, было уже шестьдесят. Но он оставался стройным и подвижным. Мы видели его реже других членов семьи: все три года он уходил из дому рано утром, появлялся к обеду, но вечера обычно проводил в университете. Кафедра архитектуры давно стала его вторым домом. Профессор был родом из крестьянской семьи, в начале века учился в Риге и Карлсруэ, а позже долго работал в Москве. Он прекрасно говорил по-немецки, по-русски и, разумеется, по-латышски. Любил растолковывать латышские идиомы. В 1903 году А. Круминю (ему было тогда 24 года) присудили награду за либретто оперы «Банюта», музыку написал Алфред Калниньш.

Круминь знал латынь и греческий, английский и французский. В последние годы занимался шведским языком.

В Москве он женился, там родились обе дочери – Велта и Илга. В 1920 году, после провозглашения в Латвии республики, его пригласили в Латвийский университет в Ригу. Он стал доцентом, а позднее – профессором и деканом факультета. В 1946 году получил звание действительного члена Латвийской Академии наук. Круминь был и архитектором, и художником. В квартире висело множество его работ, в основном пейзажи. Он превосходно владел карандашом и пером. Профессор нередко показывал нам свои картины и рисунки, и я удивлялся многообразию техники, в которой он работал. Глубокие знания и талант лектора сделали его замечательным преподавателем истории архитектуры.

С каким юмором рассказывал он нам смешные истории из жизни студентов... В его характере доброта соединялась со строгостью. Это я ощутил сразу после нашего появления в доме, прямо за завтраком. Круминь сказал, что вся семья рада видеть нас целыми и невредимыми и что у них мы сможем дожидаться конца всех этих ужасов.

– Одно единственное условие вашего пребывания, – добавил он. – Пока вы будете здесь жить, вы никогда, ни при каких обстоятельствах не должны покидать квартиру и не показываться у окна. Это все.

Он говорил дружелюбно, но твердо, и за годы жизни под его крышей мы с отцом ни разу не нарушили этот запрет. А между тем до нас доходили слухи, что прятая-шиеся в городе евреи, не соблюдая мер предосторожности, отправлялись, скажем, на вечернюю прогулку и замеченные соседями были выданы гестапо.

Если профессор Круминь казался прежде всего человеком разума, то в характере фрау Круминь преобладали эмоции. Перед первой мировой войной она работала операционной медсестрой в Москве у профессора Минца. Она очень давно оставила медицинскую деятельность, но не забыла о ней, выписывала популярный английский журнал «Лансет» и любила поговорить на медицинские темы. К языкам у нее были способности не меньшие, чем у мужа, она в совершенстве владела тремя, так сказать, основными, изучала шведский, в последние годы посещала курсы итальянского, где и познакомилась с моей мамой. Еще она всерьез занималась английской литературой.

Крумини ненавидели нацистский режим не только за его бесчеловечность, но и потому, что он возрождал колониальное рабство, в котором латыши жили в течение 700 лет и сейчас Гитлер снова угрожал их независимости.

Илга, младшая дочь Круминей, была немногим старше меня и жила с родителями. От матери она унаследовала пронизательный ум, от отца – художественные способности, от обоих – дар к иностранным языкам. Нас с самого начала она рассматривала как своих личных подопечных и всегда старалась, как могла, облегчить наше существование в «золотой клетке». Так она часто шутила. Ее уравновешенность, спокойный характер были для нас большим подспорьем. Наше появление, конечно, не улучшило ее жизнь. Она отдала нам свою комнату, а сама жила в кабинете отца. Илга любила не только людей, но и зверей, и птиц, и не раз возвращала к жизни больного воробья или раненого голубя. Она научила меня ухаживать за цветами; прекрасное занятие, если учесть наше довольно монотонное бытие.

Старшая дочь, Велта, изучала архитектуру и была замужем. Они с мужем жили в том же доме в маленькой квартире. Очень живая, деятельная Велта хоть раз в день непременно заходила к родителям и часок проводила у нас, рассказывая о последних событиях в городе.

Лина Пилсрозе была кухаркой и горничной одновременно. Женщина лет пятидесяти с узким, бледным лицом, с немного усталой, но дружелюбной улыбкой... Это тихое создание излучало доброту и терпение. Всегда приветливая, она ни разу не дала понять, скольким мы ей обязаны. Лина стирала наше белье, приносила еду и улыбалась нам той же доброй улыбкой, что и в первое утро.

ÈÕ ÄDÓÇÛB - ÍÀΘÈ ÄDÓÇÛB

После долгих раздумий Крумини решили посвятить в нашу общую тайну еще троих людей. В их надежности они абсолютно не сомневались. То были учительница Эльза Мелейка и супруги Шталберги. С фрау Мелейкой мы познакомились на следующий день после побега из гетто. Она вошла в комнату, пожала нам руки, села в кресло, достала из сумочки портсигар, предложила закурить моему отцу, закурила сама и принялась беседовать с нами так, будто мы давнишние друзья. С тех пор фрау Мелейка регулярно снабжала дом продуктами. Профессор Шталберг, коллега Круминя, и его жена, врач-педиатр, иногда приходили в гости к хозяевам и часть времени проводили с нами. Фрау Шталберг была еврейкой, но, насколько я помню, гестапо не знало о ее происхождении. Профессор Шталберг преподавал в университете. Каждому из супругов было около 50, детей они так и не завели. Однажды вечером (зимой 1943 года), часов около десяти, когда мы уже собирались спать, в дверь позвонили. Профессор открыл, я услышал немецкую речь. Солдаты! Охваченный ужасом, я бросился к отцу:

– Пришли!

Через несколько минут голоса затихли, входная дверь захлопнулась, и Крумини появились у нас в комнате. Оба улыбались, очень довольные: им удалось спровадить немцев. Это была полевая жандармерия. Увидели незатемненное окно и в поисках нарушителей случайно зашли не в ту квартиру.

– Я сказала им, чтобы позвонили в дверь напротив, там живут немцы, а у нас все в порядке, – сияла фрау Круминя. Она держалась уверенно, хорошо говорила по-немецки, и жандармы мирно удалились.

...Ранним утром 13 октября 1944 года я осторожно выглянул из окна. Улица была пустынна.

Неожиданно из-за угла появился солдат в обмундировании цвета хаки. Красноармеец! Мы снова свободны! Я позвонил к окну отца и сказал:

– Все-таки дожили до этого дня!

По его щекам потекли слезы, и он ответил:

– Мы – да, другие – нет...

Покидая квартиру Круминей, мы с трудом спускались по ступенькам. Надо было заново учиться ходить. Несколько месяцев спустя я все еще волочил ноги. Мы еле-еле шагали по улице и не знали, что Крумини и Лина смотрят на нас из окна. Илга Круминь рассказала мне об этом в письме только в 80-е годы. Она писала: «Видеть вас обоих на улице свободными было лучшей наградой за эти три отнюдь не легких года».

ØÈÈ ÁÁÁÍÁÌ, À Ì ÐÈØÈÈ ÁÒÐÍÁÌ

Ááí ááè èò Ñàðí íá

Был у меня в начале 50-х такой дружок – Володя Файнберг. Он писал стихи. Горячие, искренние, а главное – «под Маяковского». Это последнее обстоятельство тогда очень меня к нему располагало.

И вот – это было летом 1953-го, недавно умер Сталин, и только что был арестован и расстрелян Берия, – Володя сочинял очередную свою «маяковскую» лирическую поэму. И каждый день читал мне еще дымящийся, с пылу с жару, только что родившийся очередной ее кусок. В одном таком очередном куске он занимался самобичеванием по поводу того, что душа его очерствела, стала холодна к чужому горю. Вот, проехала, ревя сиреной, карета «скорой помощи». Значит, у кого-то – беда! (Завидев «скорую помощь» в не такие уж давние времена, мы, мальчишки и девчонки, скрестив два пальца – указательный и безымянный – повторяли: «Чур, не мое горе!») Так вот, проехала, значит, мимо «скорая помощь», писал в своей поэме Володя Файнберг, а он – ничего! И дальше шли темпераментные – в духе Маяковского – саморазоблачения, самобичевания: как смеет он, поэт, быть равнодушным к чужому горю!

Выслушав этот пассаж, я сказал Володе, что все это как-то уж очень отвлеченно. И что же ему, всякий раз, как только услышит он сирену «скорой помощи», сразу бежать куда-то, кому-то (кому?) на помощь... Нет, как-то несерьезно все это. И вообще, сказал я, поэт, конечно, существо сверхчувствительное. Но эта его сверхчувствительность должна проявляться прежде всего по отношению к разным сотрясениям социального порядка. Болезнь, смерть – это бывало всегда. А писать надо о том, что происходит именно сейчас, в наши дни. Мы сейчас, говорил я Володе, живем на переломе истории. Тут такие события происходят, а ты – про «скорую помощь».

И вот под влиянием этих моих разговоров Володя родил такие строки:

*Í íèà
í íyòù
ò óí è è è í ááíí,
Í íèà
í ñ-áíòüá
í èñíèè í íyòù, -
Ñí Ñò áéè í ùí
ðyáíí
ðááí Ò áé Ááðèy!
À ò ú?
Òù áááí - óáíò áí ááè
yòí!*

Вот это мне понравилось. Берия в данном случае был – знак! Знак, что не все благополучно «в датском королевстве». И был тут даже прямой намек на то, что «Дания – тюрьма», как выразился о своей родине принц Гамлет, может быть, даже с меньшими основаниями, чем могли бы мы сказать о нашей.

Сейчас я уже не могу точно сказать, было ли для нас – для Володи Файнберга, сочинившего эти строки, и для меня, подтолкнувшего его к их сочинению, – имя «Берия» искренне исповедуемой нами персонификацией мучившего и угнетавшего нас положения вещей «в датском королевстве». Или (скорее всего, наверно, – именно так) это имя просто давало возможность выразить все наши социальные недовольства и тревоги в легальной форме. Так или иначе, но что-то Володя в этих своих строчках выразил. Какой-то шаг к «рубелю запретной зоны» все-таки сделал. И это мне понравилось.

И тогда Володя сказал, что ему очень бы хотелось показать свои стихи Эренбургу. И спросил, не могу ли я ему в этом помочь. Я мог. Моя приятельница Лена Зонина – жена моего друга Макса Бремерера – работала тогда у Ильи Григорьевича секретарем. И я попросил Лену. И она довольно легко устроила Володе встречу с классиком.

Прочитав Володины стихи, классик прежде всего осудил их несамостоятельность. Его в них больше всего раздражило как раз то, что мне в них нравилось: откровенная, нарочитая, каждой «лесенкой» демонстративно подчеркиваемая приверженность «школе Маяковского». Свое отношение к этой приверженности Ильи Григорьевич выразил коротко и ясно.

– Маяковский, – сказал он, – был трибун. Но у него была трибуна.

Этой блистательной репликой он, как говорится, закрыл тему. А о нравящихся мне – главных, ключевых, как нам с Володей тогда казалось, – строчках его поэмы («Рядом со Сталиным работал Берия») отозвался так:

– Почему – рядом? Вместе!

Сегодняшний читатель, наверно, даже и не ощутит всей глубины пропасти, лежащей между этими двумя определениями: «рядом» или «вместе» – не все ли равно? Но для нас тогда в двух этих, казалось бы, не столь уж различных определениях заключались две разные – и не просто несхожие, а прямо противоположные – исторические концепции. Если угодно, даже – два противостоящих одно другому мировоззрения.

«Рядом» – это значило, что коварный враг, как это уже не раз бывало в истории нашей страны, пробрался в самое сердце партии, сумел втереться в доверие самого ее вождя. И творил свое черное дело. И все плохое, все страшное, что было в нашей жизни, – шло от него. А вождь – как был, так и оставался в ангельски чистых, незапятнанных белых ризах. «Вместе» – это значило, что обо всех черных делах своего подручного Сталин знал. И не просто знал, а прямо поручал, приказывал ему их творить. Это значило, что Берия был орудием Сталина, послушным исполнителем его воли. Говоря попросту, это значило, что именно он, Сталин, а не какой-то там Берия, и был главным врагом народа.

Хотя к таким откровенным формулировкам я тогда еще был не вполне готов, эта откровенная реплика Эренбурга меня не больно шокировала. Вероятно, до конца в этом себе не признаваясь, я и сам предполагал нечто подобное.

А Лена Зонина, когда я передал ей благодарность Володи и – с его слов – коротко изложил этот его разговор с Ильей Григорьевичем, озабоченно нахмурилась: «Ох, не надо бы ему так откровенничать с каждым...» Когда я сказал, что Володя не каждый, что я ручаюсь за его порядочность, она ответила, что за порядочность своего подопечного я, может, и могу поручиться, но могу ли с той же уверенностью поручиться, что он эту информацию о своем разговоре с классиком не понесет дальше? И вообще, добавила она, Илья Григорьевич несет такое чуть ли не в каждом разговоре с совершенно незнакомыми ему людьми, за которых уж и вовсе никто не может поручиться. В общем, Лена была недовольна своим шефом. А мне это беспечное его поведение, за которое она его журила, как раз понравилось.

Я и до этого часто разговаривал с Леной про ее шефа. И в тех ее рассказах поначалу мне рисовался не очень привлекательный его образ. Вот, например, послал он ее как-то по каким-то своим делам в Гослит. У нее на это задание шефа ушло чуть ли не полдня. «Где вы были?» – раздраженно спросил он, когда к концу своего рабочего дня она наконец появилась. «Как – где? Я ездила в Гослит, вы же знаете», – недоумевающая, ответила Лена. И была очень обижена, когда он в ответ, недоверчиво хмыкнув, пожал плечами, словно бы не поверив, что она говорит правду.

– Понимаешь, – жаловалась она мне, – когда ему самому надо по тем же делам съездить в Гослит, он садится в машину. Десять минут – и он уже там. И сразу перед ним распахиваются все двери. Котов (тогдашний директор Гослитиздата) сразу его принимает, в две минуты решает все его дела, и через полчаса он уже дома. Он не понимает, не может понять, что мне, чтобы добраться до Басманной, надо долго мерзнуть на остановке, дожидаясь троллейбуса, а потом часа полтора сидеть в приемной у Котова, ждать, когда, наконец, тот соизволит меня принять.

Позже – уже в иные годы – нечто похожее, и тоже жалуясь, рассказывала мне об Эренбурге жена Бори Слуцкого Таня. Таня тогда уже была больна своей неизлечимой болезнью, и ей лучше было жить не в Москве, а где-нибудь за городом. И вот она позвонила мне и спросила, нельзя ли снять какую-нибудь дачку (комнату с террасой) в том дачном поселке, где, как она знает, уже много лет подряд снимаем дачу мы.

– А зачем это вам? – удивился я. – Ведь ты совсем недавно мне говорила, что вы живете на даче Эренбурга.

– Да, – подтвердила Таня. – Живем. Но это нам не по карману.

– То есть как? – еще больше удивился я. – Не хочешь же ты сказать, что Эренбурги сдают вам дачу за деньги?

– Нет, – сказала Таня. – Никаких денег они с нас, конечно, не берут. Но ведь у них как поставлено. Как только подъезжает Илья Григорьевич с Любовью Михайловной к даче, в доме гаснет свет. Илья Григорьевич говорит Любовью Михайловне: «Дайте им там, сколько они хотят, но чтобы свет был». Любовь Михайловна дает, и свет загорается. В результате этот человек, который там у них отвечает за то, чтобы свет всегда был, и вообще чтобы все было в порядке, выстроил себе рядом с эренбурговской свою дачу, побогаче, чем у Эренбургов.

Это, как я отметил, мне Таня рассказывала уже в иные, более поздние времена. Но именно вот такой образ капризного, избалованного барина возникал и в рассказах Лены Зониной, когда она, бывало, делилась с моим другом Максом, а заодно и со мной, впечатлениями о какой-нибудь очередной причуде «старика», как она его называла. «Старика» она, однако, любила и говорила, что работать с ним – легко. Несмотря на вечную свою скептическую, даже какую-то брезгливую усмешку, а также вопреки всем этим своим причудам избалованного капризного барина в общении с ней был он покладист, добродушен, снисходителен. Ну с Леной-то оставаться добродушным и снисходительным ему было нетрудно. Лена была отличным работником: четким, деловитым, никогда и ничего не забывающим. Не то что Наташа (Наталья Ивановна) Столярова, сменившая Лену на этом посту.

Про нее ее шеф рассказывал, добродушно посмеиваясь, что однажды, придя на работу, она обратилась к нему с таким вопросом:

– Илья Григорьевич, напомните мне, пожалуйста: о чем вы просили меня сегодня утром вам напомнить?

Но Илья Григорьевич и к ней был снисходителен, терпел и легко прощал чудовищную ее безалаберность, и обычное-то общение с ней делавшую довольно затруднительным, а уж при исполнении ее секретарских обязанностей, я думаю, совсем невыносимую. Тут, правда, могло играть роль то обстоятельство,

что Наташу он знал девочкой: она была подругой его дочери Ирины, они вместе учились в той французской школе, о которой Ирина написала свою первую книжку. Да и последующую Наташину судьбу он тоже, наверно, учитывал: вернувшись из Франции на родину, она почти сразу угодила в пасть ГУЛАГа и отрубила там немалый срок. Так что причин для снисходительного отношения к ее слабостям у Ильи Григорьевича было много. Но не каждый стал бы считаться с этими причинами.

Это все – повторяю – я узнал позже, уже в иные времена. Но и раньше, из рассказов Лены Зониной у меня тоже сложился все-таки скорее привлекательный образ ее шефа. Даже эти барские его повадки, когда она нам о них рассказывала, в ее освещении выглядели скорее мило. Что ж, в конце концов, имеет право. Заслужил. Не толкаться же ему наравне со всеми в приемной у директора издательства. Не хватало еще, чтобы Эренбург целый час дождался, пока какой-то там Котов соизволит дать ему аудиенцию.

Так-то оно так, думал я, выслушивая эти Ленины доводы. Но ведь он – писатель. Как можно быть писателем, отгородившись такой стеной от жизни, которой живут его герои? Позабыв о том, как мерзнут они на трамвайных и автобусных остановках и толкуются в очередях, часами просиживают в приемных у разных мелких начальников, да так и уходят ни с чем, не солоно хлебавши. Вот поэтому-то так плохи, – думал я, – его романы. Поэтому и образы его постоянных героев такие бледные, схематичные, безжизненные: в каждом романе непременно какая-нибудь ткачиха, заливающаяся слезами над страницами «Анны Карениной», и такой же – из романа в роман кочующий – рабочий парень, заходящийся восторгом от стихов Пастернака. Поглядел бы он на этих ткачих и на этих рабочих парней в натуре!

Все эти свои – как теперь принято выражаться, амбивалентные – ощущения я высказал и Володе Файнбергу, когда он делился со мной своими впечатлениями о встрече с живым Эренбургом. Но Володя от «старика» был в восторге, и, слушая его, я не то чтобы ему позавидовал, но, грешным делом, подумал, что ведь мог бы не только ему, но и себе – через ту же Лену – с легкостью устроить такую же встречу. Может быть даже, мне удалось бы сойтись с Эренбургом поближе, чем это вышло у Файнберга. А поводов для знакомства нашлось бы сколько угодно. Хотя бы вот та книга о нем, которую я собираюсь писать... Впрочем, нет. Этот повод не годился. Ведь пришлось бы объяснять ему, почему над книгой о его публицистике я готов был работать с удовольствием, а книгу «Эренбург – борец за мир» мне писать не хочется. Прямо так вот и выложить ему в глаза, что я считаю его поздние романы (не только кошмарный «Девятый вал», но, между нами говоря, и «Бурю», и даже «Падение Парижа») худосочными, – как выражались в таких случаях герои Зошенко – «маловысокохудожественными».

Сейчас уже не помню, по этой ли причине или просто потому, что большого желания знакомиться с Эренбургом у меня тогда не было, но, легко и просто обратившись к Лене с просьбой устроить встречу с ее шефом Володе Файнбергу, попросить ее устроить такую же встречу и мне тоже я постеснялся. И так с Ильей Григорьевичем тогда и не познакомился.

Познакомился я с ним позже и совсем при других обстоятельствах.

В конце 1959 года я стал работать в «Литературной газете». Меня позвал туда мой старый литинститутский товарищ Юра Бондарев, член редколлегии и редактор отдела литературы газеты. А его пригласил сменить на этом посту Михаила Алексева новый главный редактор «Литературки» Сергей Сергеевич Смирнов («Брестская крепость»).

Предшественником Сергея Сергеевича на этом посту был Всеволод Кочетов. Сегодня, наверно, уже мало кто помнит этого литературного деятеля той эпохи. А тогда это был человек-символ. Символ сталинистского реванша, знак очередных заморозков, сменивших первые робкие лучи оттепельного солнышка. До назначения в «Литгазету» он возглавлял ленинградское отделение Союза писателей. Но на очередном отчетно-выборном собрании ленинградцы его с треском провалили. И тут какие-то влиятельные «наследники Сталина» перетасили его в Москву и даже с повышением. (Должность главного редактора единственной на всю страну «Литературной газеты» была, конечно, и рангом повыше, а главное – куда важнее, чем должность руководителя областной – хотя бы и ленинградской – писательской организации.) Это новое назначение Кочетова было встречено сразу же сочиненной кем-то эпитаграммой.

*Ееаю аї іїеаї еєоааюоої іе аїаї.
В еї аїе аїї і а іаїаї
Неаео іаїї: аїе і аїаї еє
а Еаї еї аааа*

Когда его перевели в Москву.

В Ленинграде был праздник, а в Москве – траур. Да и не только в Москве: «Литгазета», как я уже сказал, определяла литературную политику государства на территории всего Советского Союза. А уж какой будет эта политика при Кочетове, стало ясно сразу. Я Кочетова не знал. Даже в глаза не видел. Но мой друг Лазарь Лазарев, с которым мы вместе работали в «Литературной газете», начал там свою службу гораздо раньше, чем я. Он работал в «Литературке» и до прихода Кочетова, и при Кочетове. И вот как он описал появление этого нового «Главного»:

«Это был человек лет сорока, с большими залысынами и тонкими сжатыми губами, с недоброжелательно настороженным взглядом, желчного, аскетически болезненного вида. Как потом выяснилось, у него была какая-то редкая болезнь, настолько редкая, что его даже отправляли лечиться в Китай.

Он попал туда, когда там самым неожиданным и зверским образом завершилась знаменитая идеологическая кампания, проводившаяся, как это принято в Китае, под метафорическим девизом «Пусть расцветают сто цветов»... Кочетов оказался в Китае, когда власти там занялись яростной и беспощадной прополкой «сорняков», выявленных в пору свободного цветения. Свирепость расправ над теми, кто попал в разряд «дурной травы», – их полагалось не только строго наказывать, но и унижить, растоптать, – привела Кочетова в восхищение. Он считал, что этот опыт нам нужно непременно перенять... На редакционном собрании Кочетов, захлебываясь, рассказывал, что Дин Линь (была такая китайская писательница, почему-то удостоенная у нас Сталинской премии) двадцать с лишним раз публично каялась (в чем конкретно она провинилась, он не сказал, похоже было, что это вообще его не интересовало), но ее самоосуждение и самобичевание было сочтено недостаточным.

Голос его звенел от идеологического восторга и гнева:

– А мы с нашими ревизионистами миндальничаем, все перевоспитываем и перевоспитываем. А они и думать не думают признавать свои ошибки...

На состоявшейся в кабинете главного редактора церемонии инаугурации Кочетов сказал несколько ничего не значащих фраз, из которых запомнилась лишь последняя: «Пока все можете оставаться на своих местах...».

Все, как вы понимаете, оставались на своих местах недолго. Почти сразу же начались увольнения и уходы «по собственному желанию». В короткий срок газету покинули десятки сотрудников, в числе первых были, конечно, самые яркие, самые талантливые. Среди тех, кого уволили или вынудили уйти, были и литераторы, имена которых уже кое-что значили тогда в литературе: Анатолий Аграновский, Владимир Огнев, Василий Сухаревич, Анатолий Бочаров, Нина Игнатьева.

Александр Лацис, заведовавший отделом фельетонов, увольняясь, сказал:

– Я подсчитал: я двадцать третий.

На смену ушедшим пришли люди, не умевшие не то что писать, но и просто выправить статью, нуждавшуюся в редактуре. Кочетовский смерч сметал не только рядовых сотрудников. Демонстративно объявили о своем выходе из редколлегии писатели Валентин Овечкин и Всеволод Иванов. Прощаясь с остающимися сотрудниками, с которыми у него сложились добрые отношения, Овечкин сказал:

– Вам, ребята, я не завидую, а сам я в эту «кочетовку» больше ни ногой.

Рассказывая в своих мемуарах о том, какая гнетущая обстановка сложилась в газете с приходом Кочетова, Лазарь – отнюдь не мимоходом – замечает:

«Конечно, надо было уходить из кочетовской газеты. Работать там было тяжело и стыдно, но из моих попыток найти себе новое место ничего не получилось, в редакциях, направление которых было мне по душе, все было забито. А уйти просто на улицу я не мог: две дочери – восьми и четырех лет».

Рано или поздно, конечно, выдавили бы и его. Но ему помог «отсидеться» Сурен Гайсарьян, забравший его в созданный им на правах некоторой автономии отдел литературоведения и эстетики. Там, в этом «тихом омуте», Лазарь и «пересидел» Кочетова, хотя тот не раз грозился на летучках, что доберется и до этого «теоретического хутора».

Все это было, конечно, из рук вон худо. Но еще хуже было другое. Эту тактику «выжженной земли» Кочетов ведь распространил не только на вверенный ему коллектив. Кочетовские «лучи смерти» действовали не только внутри газеты, но и далеко за ее пределами. В короткий срок этот «литературный дядя» оттолкнул от газеты все талантливое, все живое, что было тогда в нашей литературе, всех лучших тогдашних российских писателей превратил в заклятых ее врагов. Даже самые законопослушные и – мало того! – сами в душе тоскующие по сталинским порядкам, и те жаловались:

– Некому заказать статью! Все писатели отказываются с нами сотрудничать!

Первая задача, которую поставил перед собой сменивший Кочетова новый главный редактор, состояла в том, чтобы сбить свою, новую команду. А вторая – куда более сложная – в том, чтобы помирить «Литературную газету» с обиженными ею писателями.

Первым в длинном в ряду обиженных был Эренбург. Его кочетовская «Литгазета» не просто обижала. Она его мордовала, травила, изничтожала. Эренбург для Кочетова был – все равно, что Троцкий для Сталина. При этих обстоятельствах трудно было рассчитывать, что Эренбург так уж быстро «оттает», сразу, с первого захода поймет, что теперь, с приходом нового главного редактора, газета станет совсем другой. В этом его надо было убедить. А убеждать пришлось нам двоим – моему другу Лазарю и мне.

Лазарь был единственным из старой команды, на кого новый главный редактор мог опереться. Быстро это сообразив, ЭсЭс, как мы называли Сергея Сергеевича, сразу назначил его заместителем Бондарева. Бондарев же – это тоже выяснилось сразу – совсем не годился на роль руководителя отдела. И дело тут было отнюдь не в тех свойствах его личности, которые со временем превратили его в одного из главных фюреров нашей писательской черной сотни. Тогда о такой метаморфозе никто из нас не мог даже и помыслить. По

взглядам своим, по своей, так сказать, идейной ориентации Юра тогда был полным нашим единомышленником. Тут у нас была полная гармония. А руководить отделом он не мог совсем по другим причинам.

Он ничего не смыслил в повседневной редакционной работе. Любое дело, которое ему надо было решить, ввергало его в состояние «пьянственного недоумения» (любимое его тогдашнее выражение). «Пьянственного» отнюдь не потому, что у него была тяга к спиртному, а потому, что от всей этой безумной редакционной кухни у него уже через полчаса после того, как он утверждался в своем роскошном редакторском кабинете, начинала кружиться голова. Дело кончилось тем, что появляться там, в этом своем кабинете, он стал все реже и реже. А когда появлялся, мы использовали его лишь как тяжелую артиллерию. Как танк. Скажем, для того, чтобы он – как высшая инстанция – забодал очередную тусклую или даже злокачественную статью какого-нибудь нашего литературного корифея. С такой задачей он обычно справлялся. Но способом весьма оригинальным и тоже свидетельствующим о том, что он не шибко пригоден для занимаемой им должности.

– Понимаете, – вздохнул он, – не легла мне ваша статья на душу.

И на все попытки жалобщика выпытать у него, в чем же загвоздка, чем именно не устраивает газету эта злополучная статья, он только мялся и повторял:

– Ну что тут сделаешь... Не легла на душу...

В общем, вышло так, что Юра Бондарев стал нашей, как теперь говорят, крышей. Своим авторитетом члена редколлегии и большой медведицы пера он порой пробивал на редколлегии самые острые наши материалы. Но «в лавке», как я уже сказал, стал бывать все реже и реже, иногда даже уходя в довольно длительный творческий отпуск.

А руководителем отдела практически стал Лазарь. Вот поэтому-то ему и было поручено «навести мосты» с Эренбургом. Что же касается моей кандидатуры, то я, честно говоря, забыл: то ли меня пристегнули к нему волею начальства, то ли он сам решил взять меня с собой за компанию.

Когда я – недавно – спросил его об этом, он сказал:

– Ты не помнишь, а я прекрасно помню. Я его боялся! Боялся идти к нему один. Просто дрейфил.

И тут же добавил, что остановил свой выбор именно на мне, потому что я – это было ему известно – хорошо знал раннего Эренбурга, и эти мои знания, как ему казалось, в той щекотливой нашей миссии, глядишь, могли бы нам пригодиться. Тут надо сказать, что кроме меня идти с ним к Эренбургу вообще-то больше было и некому: новая команда в то время еще не была укомплектована. Валя Берестов, Булат Окуджава, Стасик Рассадин, а потом и Валя Непомнящий пришли в наш отдел позже. Так или иначе, отправились мы к Эренбургу (предварительно, разумеется, созвонившись и испросив разрешения на аудиенцию) вдвоем.

Шли вдвоем, а пришли втроем. Дом, где жил тогда Эренбург, я знал хорошо. Он выходил в тот же – Глинищевский – переулочек, куда одной своей стороной выходила наша необъятная Бахрушинка. Так что мы с Эренбургом, можно сказать, были соседи. Иногда я даже встречал его в нашем переулочке: он гулял с двумя то ли таксами, то ли пудельками, что не слишком меня удивило. Гораздо больше удивило меня то, что он был в берете. Прохожие на него оборачивались. Думаю, не потому, что узнавали знаменитого писателя, а как раз из-за вот этого самого берета: этот головной убор мужчины тогда в наших краях не носили.

Но в тот день мы с Лазарем подошли к эренбургскому дому не с переулочка, а с Тверской (так она называлась в пору моего детства и так называется сейчас, а тогда она была улицей Горького). Подошли – и тут, что называется, носом к носу столкнулись с Эмкой Манделем (будущим Коржавиным).

– Что это вы, ребята, гуляете в рабочее время? – радостно удивился он.

Мы объяснили, что отнюдь не гуляем, а, совсем наоборот, находимся при исполнении своих служебных обязанностей: по важному заданию редакции идем к Эренбургу. Он тут же объявил:

– Я с вами!

Лазарь попытался было отбить эту атаку. Сказал, что это не совсем удобно, что мы направляемся к Эренбургу с очень деликатной миссией, что еще не известно, как-то он нас примет, не встретит ли мордой об стол... Говорил и что-то еще в том же духе. Но Эмка слушать все эти его объяснения и доводы не стал.

– Глупости! – отмахнулся он. – Эренбург очень хорошо меня знает. Он будет мне рад, вот увидите!

В общем, отбиться нам от него не удалось, и мы предстали перед Эренбургом втроем, в компании якобы хорошо ему известного Манделя. Впрочем, слово «якобы» тут, пожалуй, неуместно. Манделя Илья Григорьевич и в самом деле хорошо знал. Так ни разу и не удосужившись расспросить самого Эмку, когда и при каких обстоятельствах случилось ему познакомиться с Эренбургом, я – позже – прочел об этом в эренбургских мемуарах. А годы спустя, уже после смерти Ильи Григорьевича, разбирая с Ириной его архив, среди множества подаренных ему книг нашел Эмкину. Дарственная надпись на ней гласила: «Илье Григорьевичу Эренбургу с благодарностью за многое, что он сделал в жизни вообще и лично для меня». Что именно Илья Григорьевич делал и сделал для него лично, я так и не узнал. Но мне было ясно, что он, как мог, старался ему помочь. И помогал. Как многим, самыми разными способами, в том числе – наверняка – и деньгами. (А может быть даже, и не только деньгами. Может быть, и из пасти Лубянки тоже пытался его вызволить: такое в его жизни тоже случалось.)

Да, с Эмкой о его знакомстве с Эренбургом я почему-то никогда не говорил. Но с Эренбургом один разговор об Эмке у меня был. И помню я его так ясно, что могу воспроизвести дословно. Было это спустя года два после того, первого, совместного нашего к нему визита. К тому времени я стал бывать у Ильи Григорьевича хоть и не часто, но постоянно. Постепенно у нас установились – не скажу, чтобы очень близкие, но, во всяком случае, доверительные отношения. И однажды, когда я пришел к нему (на этот раз один) по какому-то мелкому делу, ответив на мои вопросы, он вдруг сам заговорил со мной об Эмке. Вспомнил, как тот впервые объявился у него – то ли в 45-м, то ли в 46-м. И читал стихи. Стихи, в общем, ему понравились. Но все они свидетельствовали о том, что у автора была тогда, как выразился Илья Григорьевич, du sacha в голове. Особенно поразило его одно из них. Про

Лубянку.

Я сразу понял, какое из Эмкиных стихотворений Илья Григорьевич имел в виду. Я хорошо его знал, помнил наизусть. Чтобы дальнейший наш разговор был понятен, приведу его тут полностью.

*B āī īā īāāōā āēāāē īāēēī āī ēō
Ē īōōāēīī ā īīēīāēēō ōōī ēēāō
Ā īāēāō ōāī īōīīēī īā Ēōāīīēā
Āī ōē: āēīā cāī ēā ×āēā*

*Īīī īōīīēī ē īā īēōīī īōōāēī,
Ōōāīī īāē īōōīāīā: āōō.
Ī, īēīēēī ā īāī īīāīēīāīī dāīīōōāēīā
Āī ēī ī: āēīāā: āēīē ī ā: ōū...*

*Ē ā īāēōō āīīō, ēāāēōōīēō, āīēēō,
Ī āōēīīēō, – āīā āāōā īāēīāēā,
Īīī īīōāēīīīīēīīīī īāāōīēēī –
Āī ōē: āēīā cāī ēā ×āēā*

*Ē āēē īīīāīōīōāāōāīī īīōāīēē
Ī āīī īōēāāō, – ōī īā īāīēōōōēāō
B īōēīīēōō īā ēōāīīōīī Ēōāīīēō
Ē īōūōōōōāī cāī ēā ×āēā*

– И что вы ему тогда про него сказали? – спросил я.

Эренбург пожал плечами.

– Спросил: «Почему вы решили, что это здание – готическое?»

– И все? – удивился я.

– И все. – Он снова пожал плечами. – А что еще я мог тогда ему сказать?

По этому недоуменному пожатию плеч, по выражению его лица я понял, что столь явная и чудовищная слепота автора этого стихотворения не могла, по его мнению, быть не чем иным, как следствием неизреченной его глупости. Выразить же это свое мнение в более прямой и откровенной форме он тогда – по понятным причинам – не решился. А может быть, и просто счел это лишним.

На самом деле, однако, это была не глупость. И дело было отнюдь не только в том, что в голове у моего друга Эмки была тогда, как выразился Илья Григорьевич, du sacha, – то есть большая каша.

В это самое время, о котором я сейчас рассказываю, в начале 60-х, Эмка познакомил меня с замечательной женщиной – Ольгой Львовной Слиозберг. Она была лет на двадцать нас старше, отбыла к тому времени свои семнадцать лет тюрьмы, лагеря и ссылки (там, в ссылке, в Караганде они с Эмкой и подружались).

Тюремные и лагерные ее рассказы произвели на меня тогда сильное впечатление. Особенно один из них. В тюрьме она сблизилась с одной совсем простой, неграмотной женщиной, обвинявшейся, естественно, в троцкизме. И вот однажды эта женщина обратилась к ней за советом. Каким-то чудом дошло до нее с воли письмо от дочери. Дочке исполнилось пятнадцать лет, и ей предстояло вступать в комсомол. И она просила мать, чтобы та написала ей: правда ли, что она троцкистка, что злоумышляла против нашей страны, против товарища Сталина. Если правда, она проклянет ее и вступит в комсомол. Если же мать честно напишет ей, что ни в чем не виновата, то вступать в комсомол она ни за что не станет. Девочка признавалась, что ей, конечно, очень страшно думать, что при таком повороте она сразу станет изгоем. (Выражала она это, конечно, другими словами, но мысль была именно такая.) «И все-таки, – писала она матери, – лучше бы мне узнать, что никакая ты не троцкистка, не враг народа».

Получив это письмо, мать девочки проревела всю ночь. А наутро попросила Ольгу Львовну написать дочери от ее имени, что все, в чем ее обвиняют, – правда. «Так прямо и напиши, – сказала она. – Вступай,

доченька, с чистым сердцем вступай. У тебя перед комсомолом никакой вины нет, а за мать ты не ответчица. Сам товарищ Сталин сказал, что сын за отца не отвечает».

Ольга Львовна изо всех сил старалась уговорить ее не взводить на себя напраслину, не признаваться в несуществующей вине. Но та твердо стояла на своем.

– Ей жить, – сказала она. – Легкое ли это дело девчонке знать, что мать сидит ни за что? Нет, пусть уж лучше думает, что я троцкистка.

Эта история особенно сильно меня зацепила еще и потому, что как раз в то время я задумал и даже начал уже писать книгу о Гайдаре. И мне подумалось, что Гайдар повел себя совершенно так же, как мать этой девочки. Он – так же, как она, – сознательно решил не говорить нам в своих книгах всю известную ему правду о той жизни, какой жила страна. И даже лгать. Но это была ложь во спасение. Совсем как эта оклеветавшая себя простая женщина, он хотел заслонить нас, защитить от знания, которое могло бы расшатать, расколоть светлый мир нашего детства. А может быть, даже и превратить нас во врагов.

Я тогда – сразу же – сказал Ольге Львовне об этом. И спросил у нее, не позволит ли она мне использовать в моей книге о Гайдаре этот ее рассказ. Она сказала:

– Нет, я бы не хотела хоть каким-то боком в этом участвовать. Я люблю Гайдара, и мне больно, что вы хотите его разоблачать.

Разоблачать Гайдара я, конечно, не собирался: я хотел его понять. Отчасти даже оправдать. Но это уже совсем другая тема. А историю, рассказанную мне Ольгой Львовной, я вспомнил сейчас потому, что она проливает очень яркий свет на ту искаженную, уродливую реальность, в которой складывалось, формировалось мое детское сознание.

И девочка, написавшая матери в тюрьму это свое письмо, и мать, ответившая ей, были нормальные люди. Обе они понимали или лучше сказать – чувствовали, что самое страшное для нормальной человеческой психики – это расколотое, раздвоенное сознание. То, что впоследствии Оруэлл в своей знаменитой книге назовет двоемыслием.

Эмка Мандель однажды блестяще сформулировал это короткой, экспромтом родившейся в каком-то долгом споре репликой: «Плюрализм в одной голове – это шизофрения». Это была не острота, не просто звонкая фраза или изящный фехтовальный прием. Это был точный медицинский диагноз. Увы, этот диагноз касался нас всех. У всех у нас – во всяком случае, у большинства из нас – было именно вот такое «шизофреническое», двойное сознание. Не избежал «плюрализма в одной голове» и сам автор этой блестящей формулы. Незаурядный ум, а может быть, не ум, а мудрость поэтического дара открыла ему глаза гораздо раньше, чем мне. То, что я смутно чувствовал, о чем лишь догадывался, он не только осознал, но и очень рано сформулировал.

*Άσπυρέ, οάϊΓάεεήϊ αεέε-άυέε...
Α ι άεάο οάι, α σπυρέ ε δτ-ά
Οεε ά ίί-ύ γαεδύ ούά άάο ίι ίαεέε
Ε άαί δτ εεί ά άάεεε ίί ίί-άι.
Άάεε ίά εί ίι εό, ίά ηό άη ύηη, ί άεάό,
Ε άάόάί ί ίάάάι ί δτ άεά άεί ά..
Çáí íé σδ-αε... Ε έρπε ί δτ ηη ί αεεήϊ
Ε άηέδεεεάεε ααί ύεί ύ ηη ά..
.....
Α ηαί ύε άάό άδ ίάάάάάό ηη αεί ηό ύ
Β οαε, άδτ αεε ε ίά ί εηε άί ααί εε
Α ά άεί άά εδύ οεή ηη ε άάό αεί ηη
Î ο ί ί ί αε ηό άά άάί έρπε ί ί ύό εί εά
Ε ύ ά ό ί ά άύε άηό άό ύ çá γοί άδύηφ,
Ε ύ ί ί άάδε ού ί ά όί αε ί εεάε,
Ε ί άά ί άηεάί çí ί αεηέόά ί εά έρπε
Î άι ά άηέεε δα-ε ί άάάάό..
Δτ ί άί όεεά, δαηό ί ί όάί ί άγ έι ε,
Çí άι ά ί çáí ύεάί ί ύά - εδύάι ...
Ε ύ άδτ αεε ά αεάόεγό, εαε ά άύι ά
Ε ί ί ά ό ί άά άτ ό αεί ηη άύ ό ύ άδύάι.*

Желание «быть врагом» для человека, которому так ясно открылась истина о происходящем вокруг, было естественным. Никакой иной реакции тут, казалось бы, не могло и быть. Ничего другого нам не оставалось. Если и не стать врагом в полном смысле этого слова, со всеми вытекающими последствиями, – так по крайней мере осознать, что вся эта окружающая тебя советская реальность, с этими насквозь неискренними людьми, твердящими со всех трибун о мнимых, несуществующих врагах, в самой основе своей тебе враждебна. Но автор процитированных стихов не в силах сделать это:

Είά-ά ί εηό ύ ί ά ί ί άεε ί ά ηό άί ό γ.

*Í í òíēūēī nēàæó ÷òí íáñ:áñòíáŷ
ì àòü
À í íæáò, ííēòè è ííáíŷòü
áññòáí èá?
Í í íðòèáéíñ áñ ííáíèì àòü?*

Вот он – вопрос вопросов. Против кого поднимать восстание? Против единственной в мире страны победившего социализма? Нет, это невозможно! И сразу овладевает им сознание своего (нашего общего) гамлетовского бессилия:

*Ì íæáì ñòðí:èè íáíēçíáàòü
Í íñēíæíáá, íííðíá
Í í íēèòí íáñíá áñçíáò
Í á Ñáí àòñēø íēíùááü..*

*Ì ù íááçááì óáí:áí ù,
È á èèæèòèáá, ññáñì è,
Í áñòíŷùèá æáí ùéí ù
Í á ííáñò çà íáì è.*

Не потому мы не сможем (не захотим) поднять восстание, что мы ничтожнее, трусливее тех, кто сто двадцать лет назад вышел на Сенатскую площадь, а совсем по другой причине. Потому что тот мир, против которого надо было бы поднять восстание, не только не враждебен, но даже и не чужд нам. Нет, он не может, не в силах ощутить себя врагом этого мира, кровинкой которого он привык себя ощущать. И тогда остается только один выход: оправдать всю его несправедливую, кровавую жестокость. И даже не только оправдать, но и – воспеть ее, восславить. Как сказано об этом у Джорджа Оруэлла, – полюбить Старшего Брата. В Эмкином варианте – приползти «на красную Лубянку, в готическое здание Чека».

Все это – далеко не так внятно,

а весьма сумбурно и даже сбивчиво я попытался тогда высказать Эренбургу. Не знаю, в какой мере это мне удалось. Закljučая свой длинный и маловразумительный монолог, я сказал, что да, конечно, каша в голове у моего друга тогда была. И немалая. Но первопричиной этой самой каши было естественное для нормального, психически здорового человека стремление убежать от шизофрении.

Илья Григорьевич, сколько мне помнится, никак на эти мои сбивчивые объяснения не прореагировал. Скорее всего, даже не понял, что я хотел сказать. (Или не захотел понимать.) А между тем он ведь и сам не чужд был этого двойного сознания, этого плюрализма в одной голове. Он тоже – по-своему – пытался убежать от этой шизофрении. Только другим способом. Прямо сказал в одном из своих стихотворений, что слепоту зовет находкой. А в другом, написанном в то же время (в страшном 38-м), высказался на этот счет даже еще яснее, еще определеннее.

*Áíáñì àòü íá áæé, íáíðæé, ì íēø,
ŷòíò áñēíñ
×òíá íáì ŷòü ðáñí áæáññí ÷òíá
òá òíñá ðáñíéíéáññí
×òíá éøáè øòèèè, ÷òíá áíēñøá
øòòíé è øóí á,
×òíá, áñíí íéá áñēí:èòü ñáŷŷ
íáíðáàòü, íá áñáñì àòü
×òíá æèòü ááçí ðññííú, èáè íŷŷíúé,
çàéííì è íá ííé,
×òíá òèéáèè íí:íø ÷áññí, ÷òíá éðáí
ŷòíò èáíáè,
×òíá èáíéŷ çà èáíéáé, ÷òíá øèòðü,
ðèòí ù, ÷òíá ÷òí:òí,
Èáæáŷ:òí ææáè ññòüòí:ííé,
ññí:ííé ðááíòü,
×òíá æèòüŷŷ ñáðáñí, ÷òíá øòüéíí
- ííá áíí áú, ííá íóèè,
×òíá áññòíŷòüññ àòü ÷òíá æáçá
á æáçá çáæŷŷíóèè.
Í á áæé áñáŷŷáàòü íéàæè, ì íēø,
ŷòóí èéíñòü
Í á æááòü íá áñííí íéòü ÷òí ñíáì è
á æéçí è ññó:èéíññí*

Что это, как не такой же самообман, как у юного Манделя с его *du sacha* в голове? Другая форма того же самообмана.

Но я, кажется, слишком далеко забежал вперед. Возвращаюсь назад, в тот день, когда мы явились к нему втроем – Лазарь и я по делу, а случайно встретившийся нам Эмка – просто так, за компанию.

Хоть Эмка и уверял нас, что его появлению в компании с нами Эренбург обрадуется, особой радости по этому поводу Илья Григорьевич не выказал. Но и удивления своего не показал тоже, хотя удивлен таким составом нашей делегации, судя по некоторым признакам, был немало.

Когда мы уже сидели – все трое – напротив него и беседовали, он время от времени как-то странно поглядывал – то на нас, то на Эмку. Видимо, пытался понять, что может быть общего у официальных представителей нелюбимой им «Литературной газеты» с приходившим к нему когда-то нелепым молодым поэтом, сочинявшим и публично читавшим крамольные стихи и лишь недавно вернувшимся из ссылки. Задать нам вслух этот вопрос, легко прочитывавшийся в его глазах, он так и не решился. Но, как мне показалось, присутствие Эмки не только не помешало успеху нашей деликатной миссии, но, может быть, даже немало ему способствовало. (Во всяком случае, когда мы с Лазарем нанесли Эренбургу следующий, второй наш официальный визит, он встретил нас уже гораздо теплее.) Усадив нас прямо перед своим письменным столом, за которым сидел, он слегка откинулся в кресле, и тут я отметил, что кресло это было особое, сделанное, как видно, на заказ: из того же светлого дерева, что и стол, и не только вертящееся, но еще и откидывающееся назад, так что, сидя в нем, можно было покачиваться, как в кресле-качалке.

Мог ли я тогда знать, что годы спустя, когда Ирина после смерти отца перевезет весь его кабинет к себе на Красноармейскую, я, бывая у нее чуть ли не ежедневно, частенько буду сидеть в этом кресле, вот так же, как он сейчас, откидываясь назад и слегка покачиваясь. И мог ли я думать, с любопытством оглядывая знаменитые его трубки (их, правда, было не тринадцать, а гораздо меньше) и старинный дуэльный пистолет, и мраморный барельеф какого-то индийского божка, и какие-то причудливые керамические фигурки, стоявшие на книжных полках, – что все эти поразившие мое воображение предметы я буду не только рассматривать вблизи, но и запросто брать в руки. И так же запросто буду брать в руки стоящие на этих полках книги, среди которых обнаружу не только первые издания «Евгения Онегина» и «Горя от ума», но и подаренные хозяину этого кабинета с самыми нежными дарственными надписями томики Цветаевой, Зощенко, Есенина...

Бережно листая их, я не устал вчитываться в эти надписи. Они так восхищали меня (так замечательно выразился в них характер каждого из дарителей), что однажды я даже не поленился переписать некоторые из них: авось пригодятся! Вот и пригодились... Разыскав эту свою старую запись, включаю ее теперь в эти свои воспоминания.

Есенин подарил Илье Григорьевичу две своих книжки (может быть, их было и больше, но сохранились только две): «Исповедь хулигана» и «Трерядница». На одной значилось: «Илье Эренбургу на добрую память». На другой: «Илье Эренбургу с любовью и расположением». (Вопреки моим ожиданиям почерк у Есенина оказался не каким-нибудь там расхристанным и даже совсем не размашистым, а строгим и четким, почти каллиграфическим.) Тем не менее, Есенин не был бы Есениным, если бы ограничился этими сухими, казенными изъявлениями своего расположения к тому, кому надписывал даримую книгу. На «Треряднице», поставив дату и расписавшись, он разразился еще таким, чисто есенинским монологом:

Вы знаете запах нашей земли и рисуночность нашего климата. Передайте Парижу, что мы не боимся его, на снегах нашей родины мы снова сумеем закрутить мятежно одинаково страшной для них и этих. С. Есенин.

Автографов Пастернака сохранилось три. Один – на книге «Сестра моя жизнь»:

Любимому другу Илье Григорьевичу Эренбургу.

14. VI. 22 г.

Борис Пастернак

Другой – на книге рассказов:

Дорогому Илье Григорьевичу от любящего сердца.

18. VI. 26.

Б. Пастернак

И третий – на альманахе «Современник»:

Другу и соратнику с благодарностью и радостью за «Хуренито», восхищение которым объединило редко на чем сходящихся и чаще разбредавшихся Маяковского, Асеева и других друзей и соратников.

Борис Пастернак

Цветаевский автограф был только один. Но – какой!

Вам, чья дружба мне далась дороже любой вражды и чья вражда мне дороже любой дружбы.

Эту надпись на своей книге «Разлука», вышедшей в 1922 году в Берлине и там же, в Берлине, ему и подаренной, она, как водится, скрепила своей подписью. Но в этом случае подпись была даже и не обязательна: такой автограф могла оставить только она, страстная, яростная, ни на кого не похожая, неповторимая Марина.

Переписал я тогда и другие автографы, не столь (для меня) интересные.

Андрея Белого, например, – на его «Петербурге», вышедшем в Берлине в том же 22-м году:

Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с чувством постоянной связи.

Каллиграфические завитушки Ремизова, из которых мне удалось разобрать только первую строку:

Кавалеру обезволпала знака 1 степени с жужелиным хоботком...

Но была еще одна, восхитившая меня, пожалуй, не меньше, чем цветаевская:

И. Эренбургу.

Вл. Маяковский.

30.1.23.

Казалось бы, уж тут-то – чем можно восхититься? Надпись вроде ничем не примечательная, вполне банальная, вроде даже сухая. Но начертанная размашистым почерком Владимира Владимировича, она заняла собой всю страницу даримой книги, весь ее титульный лист.

Может быть, именно этим она так впечатлила меня? Нет, не только.

Пытаясь понять, в чем же тут дело, я вспомнил реплику, которую В.В. кинул (в 1915 году!) девушке, за которой ухаживал. Он позвонил ей по телефону, а у нее были гости, и ей не очень хотелось в тот момент с ним разговаривать. И она, даже не попытавшись изменить голос, сказала: «А ее нет дома». На что последовал ответ:

– Я вас великолепно узнал. Следующий раз вы будете разговаривать со мной, когда я буду стоять памятником на площади моего имени.

Вот что-то такое же, памятниковое, было и в той его надписи на книге, подаренной Эренбургу. С той только разницей, что интонация этой начертанной им памятниковой фразы словно бы устанавливала равенство дарителя и одаряемого. (Как в той, что выбита на фальконетовом Медном Всаднике: «Петру Первому – Екатерина Вторая».)

Сидя в тот день напротив покачивавшегося в своем кресле Эренбурга, я обо всем этом, конечно, не думал. Но что этот сидящий сейчас напротив меня старый человек во время оно был «на дружеской ноге» с Маяковским, Есениным, Цветаевой и Пастернаком, конечно, знал. И знание это в моем тогдашнем взгляде на него тоже, конечно, участвовало. Не могло не участвовать.

После войны ему пришлось многое начинать сначала. Документы об образовании были потеряны, и в 1946 году Семен Анатольевич поступил на факультет немецкого языка в Удмуртский пединститут, а через два года экстерном закончил его, получив диплом с отличием. И Сандлера пригласили в институт на работу в качестве преподавателя латыни и немецкого.

В те годы мы и познакомились. Я была эвакуирована из блокадного Ленинграда и, конечно, ничего из вещей у меня не было. Семен Анатольевич был демобилизован из армии, и у него кроме шинели да стертых сапог – тоже ничего. У нас была комната в бараке, удобств никаких. Занимаясь ночами, он прикрывал газетой лампочку, чтобы не мешать нашей маленькой дочке. Из мебели – деревянный топчан с набитым соломой матрацем да подушки, набитые сеном. Несмотря на тяжелый быт, Семен Анатольевич упорно шел к своей цели – серьезно заниматься лингвистикой.

В то время мы были неисправимыми идеалистами, романтиками, хотелось верить, что скоро начнется совсем другая жизнь. По радио звучали песни на польском, немецком, идише (!), китайском. Казалось, наступили долгожданные перемены в общественной жизни. Но довольно скоро пришло и отрезвление, когда на собственном опыте пришлось убедиться в обратном.

На семейном совете было решено, что он будет продолжать учебу в аспирантуре, и мы как-то продержимся материально. И вот муж едет в мой родной Ленинград поступать в аспирантуру при институте имени А.И. Герцена. Но это был уже печально знаменитый 1948 год. Началась «борьба с космополитами» – евреями. В этой обстановке Семен Анатольевич сдал три экзамена на «отлично», а перед четвертым его пригласили в партком и сказали: так как он еще «молодой гражданин» Советского Союза – с 1939 года, – то нечего поступать на дневное отделение, пусть попробует где-нибудь на заочное. Ему «посоветовали» не сдавать последний экзамен. Тогда царили недоверие и отрицательное отношение к людям, недавно бывшим гражданами другой страны. Сандлер, конечно, не поверил, что такое может быть, и пошел на экзамен, но ему стали задавать вопросы не по программе и «завалили», поставив «удовлетворительно». И он был вынужден уехать. Однако не хотел сдаваться и, будучи проездом в Москве, Семен Анатольевич обратился в Академию педагогических наук РСФСР и снова стал сдавать экзамены на заочное отделение. Все предметы сдал на «отлично» и начал готовиться к сдаче кандидатского минимума и защите диссертации. Он же мечтал о научной работе в области теории языка! Но ему сказали, что для успешной защиты рекомендуется работать на местном материале, то есть нужно выбрать тему о преподавании немецкого языка в удмуртских школах.

Опять надо забыть идиш и все, что с ним связано?! В то время по радио перестали транслировать песни на идише. Многие писатели и деятели еврейской культуры были арестованы, некоторые расстреляны. Казалось: все, что связано с еврейской культурой, – совсем в другой жизни.

Нужно было начинать новую жизнь. Для своей научной работы по методике преподавания немецкого языка в удмуртской школе Семен Анатольевич учит удмуртский язык, ездит по республике, знакомится со школами, с постановкой обучения немецкому языку в сельских школах. Пишет диссертацию, но наступает 1952 год: сфабриковано печально знаменитое «дело врачей». Этот год больно задел и Сандлера: его постоянно обсуждали и осуждали (!) на всех собраниях только за то, что поставил зачет студентам на день раньше, чем указано в расписании. Говорили, что он «потерял бдительность», несли и прочую чушь. Научная работа висела на волоске. Но умирает Сталин, меняется обстановка в стране – «потеплело». Наконец, в 1959 году успешно проходит защита диссертации. Очень емко, отражая особенности жизненного пути Семена Анатольевича и подчеркивая важность его работы, сказал один из членов комиссии (правда, уже не в официальной части процедуры защиты, а на банкете): «Этот польский еврей из Западной Белоруссии написал на русском языке диссертацию о преподавании немецкого языка в удмуртских школах».

В 1961 году по конкурсу Сандлер получил должность заведующего кафедрой германских языков в Тираспольском пединституте в Молдавии и там создает первый в республике лингафонный кабинет для обучения иностранным языкам, впервые организует летние «языковые лагеря» для учителей школ, в которых они полностью погружались в языковую среду. Пишет много статей, методических разработок – полсотни публикаций, участвует в ряде научных языковых конференций.

В жизни Сандлера большую роль сыграл выходящий с 1961 года журнал «Советиш Геймланд» (Советская Родина): связь с редакцией опять вернула его в мир идишской культуры.

В Семене Анатольевиче счастливо сочетались прекрасное владение идишем и глубокие знания в области преподавания иностранного языка русскоговорящим учащимся. И поэтому в конце 70-х журнал стал печатать его уроки для самостоятельного изучения идиша. Затем вышли книжечки, объединяющие материалы этих уроков. Начали поступать положительные отзывы, книжечки сразу же раскупали. Семен Анатольевич с головой уходит в работу. Но после всего пережитого его иногда посещают сомнения. Однажды в беседе с Э. Фальковичем, крупным специалистом в области изучения идиша, он спросил: а нужно ли все это будет? На что Фалькович ответил: «История знает такие повороты».

И действительно, в те годы почувствовалось какое-то оживление: усиливался интерес к идишу – тогда еще не было массового отъезда в Израиль и явного предпочтения иврита. Муж стал получать письма от энтузиастов, интересующихся идишем, а в 1980 году получил заказ на создание букваря для еврейских школ Биробиджана. Было ясно, что еврейские дети там не знают идиша, поэтому хабаровскому издательству он представил букварь, где объяснения были на русском, как это принято во всех учебниках иностранных языков. Но Главлит (!) запретил издавать такой букварь и потребовал его переделать: объяснения должны быть на идише. Это, конечно, затрудняло изучение языка. Главлит пояснил свое условие так: «все должны знать, что в

Биробиджане дети говорят на идише!» В это время к работе над букварем присоединились Х. Бейдер, Г. Рабинков и Н. Кравец: как объясняли «наверху» – должны же быть и местные авторы! Привлекли и хороший коллектив художников. Букварь вышел в 1982 году – он был яркий, красочный, выразительный и получил всеобщее одобрение. Через два года на всесоюзном конкурсе «Искусство книги», проходившем в павильоне «Советская пресса» на ВДНХ, этот букварь был признан одним из лучших изданий. Семен Анатольевич написал также методические пособия для еврейских школ Биробиджана, чтобы облегчить изучение языка.

Наконец, в 1984 году издательство «Русский язык», выпускавшее словари и учебники, предложило Сандлеру написать самоучитель по идишу для русскоговорящих – первый в СССР! Семен Анатольевич понял: совместить работу над самоучителем с преподаванием в институте будет сложно. Он все-таки решил оставить преподавательскую деятельность, несмотря на то что у него была хорошо оплачиваемая должность.

Труд над самоучителем был очень кропотлив, ведь в то время не было компьютеров. Мы даже не смогли «достать» (купить) пишущую машинку с еврейским шрифтом: о том, что она у них есть, люди говорить не хотели, поскольку в то время преследовали тех, кто преподавал иврит. Боялись, что это может навлечь обвинения в том, что тексты на иврите печатались на машинке!

И вот весь учебник был написан от руки: издательство пошло на то, чтобы текст был представлен в рукописном варианте. Главы переделывались по нескольку раз, была создана огромная картотека, которая потом помогла в составлении словаря, помещенного в конце учебника. Семен Анатольевич привлек и меня к работе: писал текст на идише, а я – на русском. Большая удача для нас, что редактором книги стала Ида Борисовна Пригоникер – очень внимательная и вдумчивая, авторитетный знаток идиша. Работа шла два года: черновики присылали в Москву, затем их вновь отправляли к нам в Тирасполь.

Это было счастливое время, Семен Анатольевич работал с большим подъемом, радостно, увлеченно. Наконец, осуществилась мечта – возродить идиш! Лишь только «Самоучитель...» вышел из печати, как сразу начался «бум»: на учебник подписывались, его мгновенно раскупали, издательство решило выпустить дополнительный тираж. Конечно, не все начали учить идиш, но людям хотелось иметь учебник, дающий возможность выучить родной язык.

«Самоучитель...» получил положительные отзывы из США, Англии, Японии – там тоже оказались энтузиасты изучения идиша, и один японский ученый написал учебник по идишу на японском. Семена Анатольевича даже приглашали в Японию читать лекции по идишу. Конечно, зарубежным критикам не нравились «идеологически выдержанные тексты» о колхозах, стахановцах и т.п. Семен Анатольевич и сам хотел дать побольше классики, но было «указание свыше». Тем не менее, структура учебника, советы по самостоятельному изучению языка, то есть методика обучения, подбор грамматических тем, система упражнений, самоконтроль и т.д. – все это одобрялось зарубежными специалистами.

В те годы вновь оживился интерес к идишу, что очень радовало Семена Анатольевича. Характерно, что идишем увлекались люди разных профессий, некоторые даже оставляли прежнюю работу ради изучения языка. Так, например, поступил Борис Сандлер – теперешний главный редактор газеты «Форвертс», издающейся в Нью-Йорке. А тогда он жил в соседнем с нами Кишиневе, был хорошим скрипачом, но оставил музыку и, окончив курсы идиша в Москве при Литературном институте, начал писать рассказы на идише, часто бывал у нас, советовался с Семеном Анатольевичем. Мы также гостили в его доме и в доме писателя И. Шрайбмана. Из Одессы в Тирасполь приезжал на консультации Дмитрий Тищенко, кандидат биологических наук. Он увлекся изучением языка, стал активным популяризатором идиша, начал выпускать на идише небольшой журнал, присылал Семену Анатольевичу «на проверку и одобрение» тексты и тоже часто бывал у нас дома.

Росла надежда на возрождение языка, особенно когда повсеместно стали возникать культурные еврейские общества. И позже в разных городах молодежь объединялась для изучения идиша. Так, в Москве Юра Веденяпин собрал молодежную группу, где занялись идишем, разучивали песни и не раз приглашали Семена Анатольевича выступить с лекцией и послушать их, так как знали о его любви к родным песням.

В 80-е годы Семен Анатольевич получил приглашение в Москву от министерства просвещения – преподавать идиш на высших литературных курсах при Литературном институте. В разных городах страны создавались летние курсы по изучению идиша, его приглашали в Кишинев, Ригу, Москву... Институт языкознания РАН предложил написать большую статью об идише для энциклопедии «Языки Российской Федерации и соседних государств», опубликованную в 1997 году.

Будучи в Москве на летних курсах по идишу, Сандлер встречался с преподавателем еврейской теологической семинарии Америки доктором Дэвидом Фишманом, возглавляющим совместную российско-американскую учебно-научную программу изучения еврейской культуры в Российском государственном гуманитарном университете, и тот пригласил его преподавать идиш студентам Центра библеистики и иудаики РГГУ, где Семен Анатольевич и работал до конца жизни.

В последние годы к Семену Анатольевичу периодически приезжали и энтузиасты изучения идиша из США, Франции, Англии, Италии. Анна Марпурго надеялась найти в России хорошего специалиста по преподаванию идиша для работы в северных городах Италии.

По предложению ИВО – Еврейского научного института в Нью-Йорке Семен Анатольевич приступил к работе над новым вариантом учебника идиша для русскоговорящих. Этой книге были посвящены его последние годы: он с радостью взялся за эту работу, хотя ему было уже за восемьдесят. Конечно, новый учебник создавался уже в совершенно других условиях: на компьютере набирал А. Бредштейн, а затем шла

правка. Внесение окончательных исправлений и подготовку учебника к изданию вел И. Пичугин, сотрудник Центра библеистики и иудаики РГГУ. Изменения в новом учебнике были большими: обновлены тексты, включена столь любимая Семеном Анатольевичем классика идишской литературы, темы по истории еврейского народа, рассказы о традиции, праздниках и обычаях, добавился ряд грамматических и синтаксических тем, затронуты вопросы правописания. Особенно его радовала глава о гебраизмах в идише – заимствованиях из иврита, так как он считал, что это вызывает наибольшие трудности у изучающих идиш, и поэтому он подробно объяснил происхождение и значение этих слов. Существенно также увеличен и словарь. Все эти изменения и дополнения сделали учебник более современным.

Презентация книги была назначена на 4 июля 2001 года, но Семен Анатольевич неделю не дожил нее. А незадолго до смерти сказал мне: «Все же я что-то важное сделал для своего народа». Он очень надеялся: идиш будут изучать с таким же интересом и удовольствием, с каким он писал этот учебник.

...Остались ученики, аспиранты его школы и, как говорил Семен Анатольевич, «хочется надеяться: времена изменились уже навсегда». И созданный им учебник несомненно сыграет важную роль в развитии и укреплении интереса к идишу.

× æīâæ ñ ò ðàì ŷ èì áí àì è

Ì è ððà Àìì èç

Ì ðè ðæááí èè, 19 ìŷáðŷ 1921 ãàà, ìí ìíéó-èè èì ŷ Ìì ì áí óŷèù. Á áàòñéà è þí úá ãáù ãñ çáàèè ãñ Ìì èèì. Á ì èñòæŷ, áðàì àò óðà è ñááí àðèñò à òæéó ìíí óéŷðí úó ðéèù ìá èàé «Èðííéŷ ñáááù, èèè Ç èáàèè ì áðí ì», «Ñéóæááí úé ðí ì áì», «Ááðæ» è ì ìíæó, ì ìíæó áðúæó, ãñ çáðò ìíá èì áí áì Ìì èèù

Творческие задатки Э. Брагинского давали о себе знать уже в раннем возрасте: он постоянно писал стихи и рассказы. Очень любил рисовать и мечтал стать художником. Однако учиться живописи не было возможности. У него рано умерла мать, отец жил в другом городе. И при весьма скромных средствах Эмик со своей старшей сестрой ютился в комнатке большой московской коммуналки.

Обладая незаурядными литературными способностями, Эмик был не в ладах с математикой. Я одноклассница Эмика и помню, как в восьмом классе к нам пришел новый преподаватель математики, который быстро распознал способности и возможности каждого ученика. Он сказал Брагинскому:

– Научить тебя я не могу. Давай договоримся: я даю тебе решения, а ты мне – свои стихи и рассказы...

Таким вот образом Эмик получил школьный аттестат с тройками по математическим предметам, считаясь выдающимся учеником по литературе.

В четвертом классе Эмику понравилась его одноклассница – миниатюрная, красивая девочка Ирма Шалыто. Ей он посвящал лирические стихотворения. Вот одно из них, написанное 17-летним автором.

Á ì èáí ó

*Ñí èí óá ñ ò ó-æé, ðááí ñò ù ñ ã ðàì
Ì áðæéó-ìí, çí àò ù æé áí ò.
À.Ì. Ì èáí ááá*

*В á æáçáò ò áí èð ñ-áñò ù ì ì á ó áé,
Ì ì ã ðá óæé ááè ì á ñáçá
Ì èáðé, ááðááò ì úé óæé
Á áæíé, óðíò æéù ì é áçá
Ì, ì èáí ŷ ù èé, æáñ-èé, è ñé ðèñò úé
È ì á á ì úé áçæŷá ì ì èí èé,
В èñéæ á ò ááá ò è óð ì ðèñò áí ù
Ì ì ì á ó áé èè ó ù ŷ ðúá áí èí ù.
Ì, ááðæáŷ ì ù ŷ ì áŷ ì ì-ù
Ì ðèæè æá ñ èí ó ó ì á ñ ì á í ó
Óí-ó ì ì ì á á ñ é á ó, óé ò è ì ðí-ù
В ì ò èáðáá ì èáí á*

По окончании школы в 1939 году Эмик и Ирма поступили в медицинский институт. После второго курса, в самом начале Великой Отечественной войны, Эмик в составе студенческого отряда был направлен на рытье окопов и создание оборонительных сооружений. Полученная там травма позвоночника напоминала о себе всю его жизнь. Осенью 1941 года Эмик и Ирма эвакуировались в столицу Таджикистана – Сталинабад (ныне Душанбе). Там они зарегистрировали свой брак, длившийся 57 лет, до внезапной кончины Эмика. Оба учились в мединституте. Вскоре Эмику пришла повестка в военкомат. Он получил назначение в местную пожарную часть. Когда к шеренге новопеченных пожарников обратился начальник: «Кто может писать по-русски – шаг вперед», шагнул только один Брагинский. В течение семи месяцев в его обязанности входило составление протоколов о пожарах. Затем он продолжал свою студенческую жизнь в мединституте. Но на 4-м курсе понял: ему не дано быть врачом...

Брагинский бросает мединститут. И в течение двух лет «отрабатывает», как тогда было положено, свое хоть и незаконченное, но медицинское образование. Эмиль – санитарный врач сначала в эвакуации, а потом в Москве, после возвращения в 1943 году.

Ирма получила диплом врача, окончив мединститут, но проработала по специальности всего три года. Она стала незаменимым помощником мужу в его творческих делах, первым читателем и строжайшим критиком его произведений.

Э. Брагинскому очень пригостило в жизни его увлечение шахматами, проявившееся еще в дошкольные годы. Шахматы подкармливали его в эвакуации, где он занимал ведущие места в турнирах, давал сеансы одновременной игры в госпиталях и военных училищах. За это он получал еду или мог поесть на месте. Шахматы помогли и в Москве. По просьбе своего друга, латвийского шахматиста Алика Кобленца, он начал передавать в газету «Советская Латвия» репортажи о происходившем тогда в Москве всесоюзном шахматном

турнире. Его работа была оценена, и Брагинский был зачислен в 1945 году московским корреспондентом этой газеты. Свои материалы он передавал по телефону.

Постепенно он стал писать и в московские газеты, причем главной его темой был спорт. Ему посчастливилось не только познакомиться, но и подружиться со знаменитым тогда футбольным комментатором, основоположником советской школы спортивного репортажа – Вадимом Синявским. Иногда они бывали даже соавторами, подписываясь Э. Брагинский.

Помимо спорта Брагинского интересовало и творчество художников. Его очерк о живописце и искусствоведе Игоре Грабаре заметил весьма уважаемый старейший журналист Василий Александрович Регинин, начинавший как репортер еще в 1904 году (во время похорон А.П. Чехова). Регинина впоследствии знала вся пишущая Россия. О нем восторженно писал К.Г. Паустовский, сотрудничавший с Регининым в годы гражданской войны в одесской газете «Морьяк». Потом Регинин возглавлял журнал «30 дней», работал во многих других журналах, в том числе и в отделе искусства «Огонька». В этот отдел по его рекомендации и зачислили Э. Брагинского.

Эмиль стал писать о художниках, готовил цветные вкладки с репродукциями. Начальство не устраивало, что у него не было законченного высшего образования, да и незаконченное было не гуманитарным. Чтобы получить нужные «корочки», Брагинский окончил экстерном юридический институт, разумеется, ни дня не работая юристом.

Хотя работа в журнале давала неплохие заработки, она не удовлетворяла Брагинского, не позволяла раскрыть ощущаемый им творческий потенциал. Первой его книгой стала «В.В. Мешков» («Советский художник», 1949) – о народном художнике РСФСР, живописце-пейзажисте. Он начал пробовать свои силы и в кино: написал совместно с народным художником РСФСР В.Н. Яковлевым сценарий для фильма о замечательном живописце-передвижнике В.И. Сурикове. Снимать его хотел известный режиссер А.Б. Столпер – один из соавторов сценария ленты «Путевка в жизнь», поставивший фильмы «Повесть о настоящем человеке», «Живые и мертвые». Однако по разным причинам этот фильм не был снят. Не был воплощен на экране и сценарий Э. Брагинского об одном из создателей Товарищества передвижников И.Н. Крамском.

Брагинскому удивительно везло на встречи с людьми, определявшими на разных отрезках жизни его творческие интересы. Так было с В. Синявским, В. Регининым и вот теперь со Столпером. Брагинский считал, что А.Б. Столпер научил его драматургическому мышлению.

Писание сценариев требовало много времени, и Брагинский ушел из «Огонька», лишаясь при этом гарантированной зарплаты. Поначалу пришлось заняться экранизацией: например, рассказа Джека Лондона «Мексиканец», романа Вилиса Лациса «Сын рыбака».

В 1957 году Эмиль Брагинский принес в Драматический театр им. К.С. Станиславского свою первую пьесу «Раскрытое окно». Она шла с огромным успехом. После этого такие маститые драматурги, как А.Н. Арбузов и Л.Г. Зорин дали Брагинскому рекомендации в Союз писателей.

Затем были написаны пьесы «Комната», «Авантюристки», «Игра воображения», «Детектив на семь персон» и другие. Некоторые из них в переводах шли в Болгарии, Венгрии, Германии, Чехословакии, Югославии.

Весьма плодотворными оказались результаты совместного творчества Эмиля Брагинского с Эльдаром Рязановым. Вместе они писали повести, пьесы, сценарии, многие из которых Рязанов экранизировал. Их повесть «Берегись автомобиля», впервые опубликованная в журнале «Молодая гвардия» (1964, № 10), неоднократно выходила в разных сборниках и сразу была высоко оценена читателями. Огромный успех имела и экранизация этой повести, осуществленная одним из ее авторов, – режиссером Э. Рязановым. Им же сделаны и многие другие фильмы по их совместным сценариям – «Зигзаг удачи», «Старики-разбойники», «Невероятные приключения итальянцев в России».

Но самый большой успех имел двухсерийный телефильм «Ирония судьбы, или С легким паром». Впервые он был продемонстрирован в канун нового, 1976 года. И до сих пор его показ приурочивают к празднованию нового года. Этот фильм получил Государственную премию.

Я говорила, что училась в одном классе с Эмиком и Ирмой, и, увидев впервые «Иронию судьбы...», вспомнила, как после окончания 9-го класса небольшая компания наших одноклассников прогуливалась по Москве. Остановившись у памятника Пушкину, Эмик стал рассказывать пришедший ему в голову сюжет о том, как уснувший у памятника пьяный был в шутку отправлен своими подвыпившими друзьями самолетом в Ленинград. Ни баня, ни однотипные дома в этом рассказе еще не упоминались. Сам Эмик впоследствии об этом совершенно не помнил. Но, видимо, в подсознании какая-то канва сюжета будущего сценария сохранилась.

Во многих театрах нашей страны успешно шла комедия Брагинского и Рязанова «Служивцы». Рязанов ее экранизировал, и вышел фильм под названием «Служебный роман», также удостоенный Государственной премии. Триумфально по стране прошла и демонстрация фильмов «Гараж» и «Вокзал для двоих». Они тоже сняты Рязановым по совместным сценариям.

Надо сказать, что по сценариям Э. Брагинского ставили фильмы и другие режиссеры. Так, например, фильмы «Учитель пения» и «Шаг навстречу» поставил Н. Бирман, телефильм «Почти смешная история» сделал П. Фоменко, ленту «Суета сует» сняла А. Сурикова, кинофильм «Нежданно-негаданно» – Г. Мелконян.

Вообще по сценариям Э. Брагинского поставлено больше двадцати художественных фильмов. За существенный вклад в отечественное киноискусство он получил звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Он состоял членом Всесоюзной комиссии киносценарии и художественного совета киностудии «Мосфильм».

Постоянную напряженную творческую работу Э. Брагинский всегда сочетал с многочисленными поездками по нашей стране и за рубеж. Супруги Брагинские 26 мая 1998 года возвращались в Москву после замечательной поездки по Бельгии и Франции. На паспортном контроле в аэропорту Э. Брагинский беседовал с паспортисткой, рассказывал о Париже, шутил. Внезапно он упал замертво.

Эммануэля Вениаминовича Брагинского не стало. На ежегодных традиционных встречах довоенных выпускников школы, где учился Эмик, мы, его одноклассники, всегда вспоминаем своего веселого, остроумного, талантливого соученика. А необычайно широкая аудитория зрителей с неослабевающим интересом продолжает смотреть фильмы, созданные по сценариям Эмиля Брагинского.

Òàìð-àñòàí èíðèííà ìíyòà íàíòààèèí ìò àà ìíàíà. È ìòèèè Áíàèàà Èíòòà àíà íàíí òíí ó ìíàòààðàèèà «Áàèàéí íà ìòàðíé, Èíòò òí àð à Òàèü-Áàèàà íà çàì èà ìàíèó ìòààèíà ìí ìí ìíyò òííèèé, è í íàí à Òíííèè à ìàíà àðàíy àíííí ìyò...» - ìèíàè íàéí èç ààííí à çàì àòííó èèòàòàòíðíà òííèíà çàòààèèy Ì èéíèàé Ìòòí. Ìí æá àííèàçè ì Èíòòà è àðàíð ààèíòð ì ùíèü «Yòí àíè ìíyò ìíàèííúé è, çíà-èò, ìíàòò íàí-íúò àèy èàèàíà ìòòààíèé íàðàí àíàííúé àíà ìòíèèyòèàí ìíàíà ìèòòà è ìòàòòíòàííííòòð çà ìèàçàííúà ìèííà. Ó íàà àíèà òàí à, æèàíy è çíà-èòàèèü ày, òàí à èííòíàòà, àðàíà ìàíàé íà íàíàé ìíàíàé à Òíííèè...» Ì à ìèò-àéíí Èíòòà ìòàíèèè ìàí ùà òàçí ùà òííèèà ìèíòàèè - Èàáí Àóíéí, Áèààèíàà Óíààíàè-, Ààíòàè Áààí íàè-, Ì èí à Áààíàðíàà, Áíàðíè Ñàííà.. Á àíò ìíòàòòíy èè ìòíð-àñòàí Ì. Ìòòíà, ìòèàòò èè ìíyò ìàíàíy è òííèíí ò-èòàòàèð, - ìíèàèàò àðàí y...

Ñíèàòàíèà ì èòíà

***Çàì àòèè ì æèçí è
è òàíð-àñòàí Áíàèàà Èíòòà***

Ì àòàè Áàèçàð

«Кишиневские похороны» Кнута (чаще их называют по первой строке «Я помню тусклый кишиневский вечер...»), с точки зрения выдающегося литературоведа (и поэта) Георгия Адамовича, – лучшее стихотворение в русско-еврейской литературе XX века. Без особой натяжки его можно даже назвать небольшой поэмой. Написанное в 1929 году в Париже стихотворение получило мировую известность: его перевели вначале на французский, а позже на другие европейские языки, оно вошло во все антологии зарубежной русской поэзии.

***В ìíí ìð òííèèé
èèèèíàíèèè àà-àð-
ì ù íàèàèè Èíçíàíèòð àðèá
ààà æèè èíàà-òí Ìòèèí.
Æàèèèè òíèí,
ààà æèè èòð-ààíé í èçàí ùèèé
-èííàí èè -
ìòííèàèèáííúé èòòèèà è ìíàíà -
ñàíòy-èì è àðàíèèè è àèàçàí è
íà íàèòàíèàíí è æèàíí èèòà***

Кто-то может удивиться, что в самом начале стихотворения на сугубо еврейскую тему речь заходит о Пушкине, об Инзовской горке, названной так в честь Ивана Инзова, друга и покровителя Пушкина, губернатора Бессарабии. Ничего удивительного, однако, тут нет: Пушкин был самым любимым поэтом Довида Кнута. И совершенно прав еще один его собрат по эмиграции Юрий Иваск: «Лучшее свое стихотворение он (Кнут) посвятил Кишиневу, еврейскому, но и русскому, с воспоминаниями о молодом изгнаннике – Пушкине, который там задумал “Евгения Онегина”... Многие запомнили две строки этих очень удавшихся белых стихов: “Особенный, еврейско-русский воздух.../ Блажен, кто им когда-либо дышал”.

Тема Пушкина получила любопытное продолжение в эссе Довида Кнута “Иван Бунин в быту”».

«Мне довелось слышать, – признается автор, – о якобы негативном отношении Бунина к евреям. Насколько я берусь судить, для подобных слухов нет основания...

Расскажу для примера о случае, который произошел в 1937 году. В связи со столетием со дня гибели Пушкина Сергей Лифарь организовал в Париже замечательную выставку, посвященную поэтическому гению России... На ее открытие Лифарь пригласил нескольких русских поэтов, с тем чтобы они прочли посвященные Пушкину стихи. Я выступил с чтением поэмы о еврейских похоронах в Кишиневе, воспользовавшись предложением, что в этом произведении есть несколько строчек о Пушкине. Когда я завершил чтение, в зале воцарилось молчание, смысл которого был мне заранее совершенно ясен. Вот, мол, вечер, посвященный русскому национальному поэту, и вдруг именно один из евреев, “жидов, что сгубили Россию”, пользуется удобным случаем и несет какой-то взор о евреях. Я не знаю, сколько продолжалась бы в зале напряженная тишина, но вот на сцену поднялся Иван Бунин, обнял и расцеловал меня. И в то же мгновение послышались аплодисменты».

Авторитет Бунина снял страх у тех, кто побаивался выразить свое восхищение поэту, и раздражение у тех, что испытали это недостойное чувство.

Вернемся, тем не менее, в Кишинев начала XX века, к месту, которое некогда называлось Инзовской горкой. Мимо нее шла дорога на Азиатскую улицу, в еврейский район Кишинева, где в 1903 году поселились родители Довида Кнута. Есть основания полагать, что семья Кнута переехала туда до апрельской резни – трагического события, о котором написано знаменитое «Сказание о погроме»

Бялика.

Отзвук «Сказания» ощутим в «Кишиневских похоронах», посвященных, по сути, тому же событию. Впрочем, в поэме Кнута улавливается и влияние рассказа Владимира Короленко «Дом № 13 (эпизод из Кишиневского погрома)». Вот что, в частности, писал Короленко: «Все может случиться в городе Кишиневе, где самый воздух еще весь насыщен враждой и ненавистью». Переключка Кнута, Бялика и Короленко, конечно же, не случайна.

Могли ли сохраниться в памяти Довида картины похорон в Кишиневе после погрома? Думаю, да. Они навсегда врезались в детскую память и застыли в ней. Впечатления ранних лет жизни – вообще из самых прочных.

*Çà i'ùeüü íé, õi õõíé, i'aðòáíé
Áçèàòííé,
Ááíëüü æáíðéèõ ñòáí ðíáèëüü íáá
Í ðèþòà
Í áíëé íà í'áèéàò i'aðòáíá ááðáý.
Í íá òðáòõí ùí í'áííáæèí ííèðüá
áèíí
Èíñòéýááá áèáí áèèüü í'aðòáíüý
Í ááííááí ííá æèçíüþ ÷ áèííáèá,
Í ááííááí ííá, áèáèí í, í'áíòíéüéí,
xõí ííèá íá:áí áúéí ííæéáèõüý
Õóáüí ÷ áðáýí ááðáèíéíá èéááæüá

Çà ñòáðèéáí è, í'áííáèí è ííèéèé,
Õèá èó:éá í áíá-èáòí'áíèèõ ááðááá
Çáèáí íáòòí-æáèòüõ è áèáçáíðüõ..*

Разумеется, «мане-кацевские» евреи – это те самые люди, которых запечатлел на своих полотнах художник Мане-Кац, парижский друг Довида Кнута. Далее поэт повествует о еврейской женщине на еврейских похоронах. О еврейской женщине в голусе (изгнании).

*Í ðáá íèí è - çà í'á:áèüü ùí ÷ áðí ùí
áðçíí
Õèá æáí ùéíá, è áí'ùéüü íí ííèõí ðáéá
Í á áèáí í áúéí íáí áá èèõí.
Í í èáè í'ðáèðáíüü áúè áúííèèé áíèííí*

Поэт, выросший в патриархальной еврейской семье, пронес сквозь всю жизнь не только память детства, но и дух Священного Писания.

*Ááðáèéá õèá, íí:òè íá ñí'òùéáýííí
È èáæáúé ðáç, èí'ááá æáíðíéèé
èáí áí ü
Í íááðáííáèé íá í'áèéàò òðõí, ííá
Áðííáèáííí èðèéíí íá í'áá - è áíèíí
Ááðáá èèðèéíý, èðáí ÷ áè, çáó:áè
í áòáèéíí,
Õí ðæáíðááí íí áúáè õáðçíé Á-áó
È ááííáèé íò ýðííòí üõ í'ðíèéýðèé.
È æáí ùéíá áðíçèéá èóèáèáí è
Õíí á èòí íéüé á çáèáí íáòòí í íááí
Í áá í'ùéüü ùí è ááðáááýíí è, í áá òðõí íí,
Í áá æáíðèíþ, èí'ðýáíþ çáí èáé.*

Художественная сила изображения, сила скорби и богоборческого порыва воистину поразительны. Трудно не вспомнить тут книгу Юдифь: «Кто смеет пренебречь народом, имеющим таких жен!»

*Í í áíò - í'óáèáííí æáí ùéíá ííáý
È áèéá á áðááü ííáý, è èáááí áèá,
È èáýèáííí í ááðááí í è í'ðí'òýæí í,
È ñí'óáí íí óááèééá Á-æüþ áíèþ,
Èðè:áèá èñíò'óí èáí íí í í'ðí'ùáí üá
Í ááðá í ñí èðáí èè, í ááðá..*

Здесь уже слышен библейский пророк Иов, отвергавший право смертных возлагать на Б-га ответственность за земные несчастья...

*×òí áúēí? Áá-áđ, òèòü çááíđ çáçáà
Í ðíñòíé íáðýá ááðáçééò í íòíðíí
È æáí ùéíà èç Èíéã Áúòèý.*

Довид Кнут (Дувид Миронович Фиксман) родился в 1900 году в местечке Оргеев в Бессарабии, южной провинции бывшей Российской империи. Оргеев до рождения Кнута был знаменит лишь тем, что в нем находилась единственная в Молдавии больница для душевнобольных. Детство, отрочество и юность писателя прошли в Кишиневе. В своих «кишиневских» рассказах («Мальчик на распутье», «Моня – богоборец», «Мудрецы», «Слава») он поведал не только о своем детстве, но и о Кишиневе начала XX века, рассказал о них с неподдельным воодушевлением, не пожалев красок.

«Знойное бессарабское утро. Над Кишиневом стоит пьяное летнее облако акации и пыли, разжиженные жарой люди ходят в каком-то полусне. По вечерам все улицы впадают в городской сад. По их руслу безостановочно текут людские потоки туда, где музыка, ароматная прохлада и заразительная поэзия любовных приключений...

Молочно-белые фонари качались на фоне неба и зелени, крупные, близкие звезды напоминали о главном, о вечном, о важном, деревья дышали ночью, ароматом и пылью...»

Так мог написать человек, по-настоящему любивший русскую речь, прочитавший немало русских книг. Для Довида Кнута русский язык был родным, а любимым поэтом, как уже говорилось, еще с детства стал Пушкин. Хотя он, разумеется, владел и ивритом, и идишем. Кнуту исполнилось только 14 лет, когда первые его стихи были напечатаны в газете «Бессарабский вестник». Стихотворение «Легенда ночи» опубликовали во втором номере журнала «Молодая мысль» в 1918 году. Юный Довид всегда мечтал о жизни в России, в Москве...

Из воспоминаний Кнута о своем школьном детстве: «В казенном еврейском училище мальчиков усиленно русифицировали. Преподавательский штат состоял из воспитанников виленского учительского института, специально подготовленных к делу русификации еврейского населения...

За неделю до прибытия в Кишинев царской семьи по случаю столетия присоединения Бессарабии к России Степан Петрович Рабинович, заведующий училищем, созвал всех своих питомцев и разъяснил им торжественное событие».

В рассказе «Кишиневские тени» Д. Кнут подробно повествует об этом событии. Но мемуары завершаются несколько неожиданно: «Итак, русификация шла хорошо, но за стенами еврейского училища начиналась улица. А на улице начиналась дерусификация. Удивленные мальчики просыпались от сна, от гипнотических пасов, шедших из виленского института, и с недоуменным любопытством открывали, что они не русские, и не евреи, и не люди, а – жида.

За стенами училища вокруг них нередко начиналось жужжание: жида – жидов – жидам – жидами – о жидях...»

Первый сборник стихов молодого поэта «Моих тысячелетий» (Париж, 1925 год) открывался торжественными строфами:

*В,
Áíæä-Áðè ááí Í æèð,
Èòí íòðíéíí íæé áááí íí ó Ñáééó,
Èòí ääè
Èðáèèý í ýòæéíúí ñíí íáíýí
Óáñòèéííá:íúé ùèò...*

*В íí íð áñí
Í áñòúí è Óáí ááí á,
Í áñé è òéíéèè áðý:æé Í æáñòéíú,
Áíðòáí íúé ñò íí áðááñééò èáðááí íá
Èæáí ñéé èæáð è ñééó áðááí èò ñòáí
Ñáýò íá Áðòáæéí á...*

Всю жизнь, наверное, с детства, в душе Довида Кнута жила какая-то необъяснимая, скорее всего, генетическая, любовь к земле своих пращуров, к Эрец-Исраэл. Посетив в середине 30-х годов Палестину, тогда еще подмандатную, он понял, что эта земля – не прародина его, а истинная родина.

*В,
Áíæä-Áðè ááí Í æèð,
Óúñý:æéáðèý áðíæèòáí áéíí,*

*Ἰὼαὶ ἰαεῖνῃ ἰὰ ἰαῖα ἰὸαε,
χὸ ἰαὺ πῆααὸ ὑαῖ, ἀαὸ ὑῖ, ἡῖ ἰαῖ
Ἰὸτ ὀγᾶεεε ἀδὺ ἐπαῖαε εὐ ἰῖεε -
Αἰαεαῖ ἰ ὑε ἀδὺ ἰ ἰεὸ ὀὑῖνῃ-αἰαὸεε.*

Поэт прожил неполных 55 лет, но ему на долю достался поистине трагический период истории: две мировые войны, между ними – Октябрьская революция. Для евреев вообще этот отрезок бытия оказался немисливо страшным: жестокие погромы в начале века в России, приход Гитлера к власти в Германии, Холокост, а за ним – разгром еврейской общины в СССР в конце 40-х – начале 50-х годов.

Трагедия евреев в XX веке, равно как и великая вежа в жизни народа, создание государства Израиль, нашли подлинно художественное отражение в творчестве Довида Кнута.

Знакомство с Ариадной Скрябиной, дочерью великого русского композитора Александра Николаевича Скрябина, женитьба на ней – одно из самых важных событий жизни Кнута. Андрей Седых вспоминает историю их общей жизни в книге «Далекое и близкое»: «Последней любовью его была Ариадна Скрябина – молоденькая, хрупкая, экзальтированная женщина, память о которой нужно бережно хранить: она отдала жизнь за други своя. Ариадна не знала полумер, не умела останавливаться на полпути. Она полюбила Довида Кнута, полюбила евреев, и сама перешла в еврейство. Как все прозелиты, в своей новой вере она была необычайно страстна, порой даже нетерпима. Однажды Кнут пришел с ней в редакцию “Последних новостей”... и кто-то рассказал в шутку еврейский анекдот. Как разволновалась Ариадна! Мы с Довидом долго старались ее успокоить, а она все не могла нам простить этот еврейский анекдот.

Несколько лет спустя, во время германской оккупации, она пошла с мужем в Резистанс (Сопротивление. – М.Г.), где ей поручили переводить группы евреев в Швейцарию. Довид Кнут благополучно перевел свою группу, Ариадна попала в засаду, была схвачена милиционерами и на месте расстреляна» .

«Потеряв Ариадну (она была убита немцами в Тулузе в 1944 году, перед тем перейдя в еврейство, и в Тулузе ей стоит памятник), – рассказывает Нина Берберова в своих мемуарах (“Курсив мой” теперь хорошо известен российскому читателю), – он со всеми – ее, своими и общими – детьми уехал в Израиль. Одна из дочерей Ариадны принадлежала к террористической организации Иргун Цеваи Леуми. В Тель-Авиве, в созданном им Ноевом ковчеге, окруженный всеми этими отпрысками и новой женой и, видимо, счастливый, он умер в 1955 году, пятидесяти пяти лет от роду».

Мне кажется, я верно угадал: именно Ариадне Скрябиной Довид Кнут посвятил проникновенные строки:

*Ἰ ἰ εαε αῖαὸ ἰ ἰ α αῖεῖ ἰ ὀαῖπῆααῖ ἰ
γὸ ἰ,
Αῖαὸ ἰ αῖεε ἰααῖαῖ ὑ ἰ ἰ α
Εαῖ -ὸ ἰ (εαῖ - ὕ ἰ α ἰ ἰ ἰ β),
εἰαῖα -ὸ ἰ ε αῖα -ὸ ἰ
Υὸ ἰὸ αῖ-αῖ, ε αῖὸ δα-α, ἰ γὸ ἰ α
αῖαεἰα ἡαὸα,
Ααῖ δαῖαεῖ ἰ γ ἰ ἰ-ὑ ἰ α αῖαεἰα..*

*Αῖαὸ ἰ αῖεῖ εἰαῖα -ὸ ἰ ἰααῖαῖ ἰ γὸ ἰ:
Ἰ αῖ αῖαὸ ἰ ὑα δεεε ὀαῖε,
Ααὸ αῖ αῖα αὸ αῖεἰη αῖα αὸ ἰ ἰ αῖα αῖ
εαὸα,
Ἠεἰ δαῖ ὑε αῖεἰη ἐπαῖαῖ ἰ β ἡεἰ δαῖ β
ἡαδαὸ ὑε,
Ὀαῖ ἰ ὑε αῖ αῖαὸ ἰ ἰ ηαῖαῖ αε ἐπαῖε.*

Бо́льшую часть жизни Довид прожил в Париже. В эмиграцию семья Фиксманов попала случайно. «В одно прекрасное утро, – вспоминал Кнут, – я проснулся румыном (в феврале 1918 года Бессарабия была аннексирована Румынским королевством. – М.Г.) и решил сменить свое новое и мало привлекавшее меня отечество на Париж».

В 1921 году Кнута избирают вице-председателем парижского литературного кружка русских поэтов, но вечер его, устроенный «Союзом молодых поэтов и писателей», состоялся лишь в июне 1925 года, когда вышел первый сборник. Довида замечают, о нем пишут многие литераторы-эмигранты – В. Ходасевич, Ю. Терапиано, Г. Адамович. Он бывает в доме Мережковских и Гиппиус, участвует в собраниях «Зеленой лампы», но все это в свободное от трудной будничной жизни время.

Он сам описывает свою парижскую жизнь в 1934 году: «За 13 лет переменял много профессий (был чернорабочим, кухонным мужиком в ресторане, сортировщиком объедков, инженером-химиком [в Париже Кнут окончил технический вуз. – М. Г.], был директором предприятия по химической окраске кож и т.д.)

В настоящее время служу в качестве велосипедиста в фирме автоматических аппаратов...

Но надо признаться – с трудом успеваешь жить, нет времени писать и – что много хуже – еще труднее читать»...

В августе 1937 года Довид Кнут на паруснике «Сарра Алеф» из Генуи отправляется в Палестину и остается там до декабря. Потом возвращается в Париж. После взятия немцами Парижа (июнь 1940 года) он оставляет столицу Франции, с трудом добирается до Тулузы, где довольно долго служит сторожем и «усмирителем» в тулузском доме для душевнобольных солдат.

...Осенью 1944 года Кнут снова оказался в Париже. Лишь 26 сентября 1949 года он окончательно покидает этот город. Перед отъездом зайдет к самым близким своим друзьям, Буниным, и Вере Николаевне напишет в альбом стихи.

Все знают, сколько превосходных российских прозаиков, поэтов, критиков, публицистов оказалось в Париже после революции. Кнут не только не затерялся среди них, он вызывал к себе живой интерес – и профессиональный, и человеческий. У него были друзья, были читатели, он слышал похвалы из уст людей, не склонных расточать их понапрасну. К счастью, сохранилось немало тому свидетельств. Снова вспоминает Андрей Седых: «Однажды в “Хамелеоне” (маленький ресторанчик в Париже. – М.Г.) появился юноша с лицом оливкового цвета, с черными, как смоль, вьющимися волосами – настоящий цыганенок. Это был Довид Кнут. В первый же вечер он поднялся на невысокую эстраду и начал читать стихи из книги, странно озаглавленной “Моих тысячелетий”, – стихи о бессарабских степях, о кочующих таборах цыган, о звенящих песках пустыни и о женщине, имя которой было – Сара...

Он любил жизнь во всех ее проявлениях, но больше всего любил Поэзию – именно с большой буквы. В стихах Довида Кнута странно переплетались два мира: мир русский и мир еврейский, и всегда, постоянно, в душе поэта звучали эти две основные темы – русская всечеловечность и голоса еврейских пророков, и обе эти темы как-то незаметно сливались».

В письме М. Вишняку (журналист, мемуарист. – М.Г.) 24 ноября 1925 года Владислав Ходасевич писал: «Посылаю стихи Д. Кнута. На Вашем месте я бы их напечатал. Один отрывок я давно уже поместил в “Днях”. Поместил бы и эти – но они связаны, их надо печатать вместе все три...»

Из письма Владислава Ходасевича М.А. Фроману (поэт и переводчик – М.Г.) в декабре 1925 года:

«Здесь довольно много молодых и не совсем молодых поэтов, но значительных дарований не вижу. Лучше других – Давид Кнут, пишущий довольно иногда любопытные стихи в очень еврейском духе».

Приведу еще один отрывок из «Курсива...» Нины Берберовой.

«... Кнут, Ладинский, Смоленский были вышиблены из России гражданской войной и в истории России были единственным в своем роде поколением обездоленных, надломленных, приведенных к молчанию, всего лишенных, бездомных нищих, бесправных и потому – полуобразованных поэтов, схвативших кто что мог среди гражданской войны, голода, первых репрессий, бегства, поколением талантливых людей, не успевших прочитать нужных книг, продумать себя, организовать себя, людей, вышедших из катастрофы голыми, наверстывающих кто как мог все то, что было ими упущено, но не навеставших потерянных лет.

...У Кнута были сестры и братья моложе него, о которых нужно было заботиться, жена и сын...

Кнут не учился и не воевал, а торговал у отца в бакалейной лавке в Кишиневе... В феврале 1922 года... в Петербурге ни Кнут, ни Смоленский не были... Читал ли Кнут когда-либо Ломоносова или Вяч. Иванова, Веселовского или формалистов? Не думаю... Кнут в это время читал, что мог, большей частью случайные книги...»

Наверное, не совсем права тут Н. Берберова. Впрочем, так уж ли важно, что читал в это время Кнут? Важно, что писал.

«Парижский рай» остался в душе Довида Кнута навсегда. Уже из Израиля (1953 год) он спрашивает Буниных: «Чем жив русский Париж?» Сборник «Парижские ночи» – одна из лучших страниц поэзии Кнута. Но даже и тогда, сочиняя стихи о несравненном европейском городе, он думал про землю предков:

*Аיִם ׀־וֹי נֹדֵדֵי־עַיִן לְאֹדֵדֵי־וַי אֵי־אֵי,
יִי־יִיב דֹּבֶעֶד־וַיִּי – אֵי־וַיִּי דֵּעַ עֵי־יִי.
אֵעַיִל־אֹד, אֵעַיִל־אֹד אֵי־אֵי־יֵעַ אֲדֶעֱוִי
יֹ־עַיִן ע־אֵי־יֵעַ יֵ־אֲדֶעֱוִי יִי־עַ.*

С удивительной точностью определил особенность поэтического мироощущения Кнута философ Георгий Федотов: «Довид Кнут – один из самых значительных поэтов русского Парижа, но, может быть, русская форма была для него случайностью. Его вдохновение, его тема были такими еврейскими, что кажется странным, что писал он не на древнееврейском языке. В этом его отличие от многих еврейских поэтов русской литературы, из которых, по крайней мере, один – Осип Манделштам – имеет все шансы стать русским классиком. Но Кнуту в русской литературе не вписаться. В нем звучит голос тысячелетий, голос библейского Израиля и беспредельности его любви, страсти, тоски».

И надеждой на то, что этот чистый голос прозвучит еще громче и увереннее, полны строки Владислава Ходасевича, написанные в далеком 1932 году: «Кнут занял известное положение в молодой нашей поэзии... Той своеобразной способности видеть и переживать мир, той душевной одаренности, которая одному

человеку не дается вовсе, а другому дается Б-г весть за что, почему и как, – Довид Кнут далеко не лишен... Если намеченное развитие кнатовской поэзии будет продолжаться (а у нас, кажется, есть все основания в это верить), то оправдаются и надежды, которые не мною одним возлагаются на это еще не разработанное, не ограниченное, но очевидное дарование».

*Í àððæ. Í àãáñðèíá Èçðæëü
Áéáíéíñéá àãéè.*

*Çáçáü ñááòÿò èçñéíáñ íááüòèÿ
Íá áñí à ñéíáñáð è íéíüááü
Áíçáðáüááòñÿ ááòáð íá èðúæ ñáíÿ
è øóðøè ò áÿæáéèí òíáíé õíüá*

*Áíçáðáüááòñÿ ááòáð íá èðúæ ñáíÿ,
ííáéèðááò èéñòíé ÿæáéèí òá
Çááñí íí ÿòèí íáéñííáñèí ùí èðáÿí,
øéè, ñòáí áÿ, ðááü èç Áæíí òá*

*Áíçáðáüááòñÿ ááòáð á ñòí ò ùñÿ: í ùé
ðáç
ááðáéè ò ðáí ááíñéá ñéèíí ù.
Èæé ñæááòáéè í ðáááü, í, Ýéééçéáñò,
í áí ðáéèíííüá ñéáéü Õáðñ ííá..*

*Áíçáðáüááòñÿ æèçíü áñ ò Ðáááééá
ñ áñáíé
Íá íéá: á.. Ýòí áñéí è ááááò.
Áíçáðáüááòñÿ ñ áðòü Í í ííá òíé
æá çáçáíé
Í á ðááü òí èðáðò, à èðáé.*

Поэт, создавший на русском языке такие стихи, достоин обрести известность в России. Справедливость – будем надеяться – восторжествует.

Í à íáí íé eóóíííé áá:ádeíéá íòááéáí úó «çáñóíéíúó áááí áí» çáýçáéñý ðáçñ áíð í ííáéóáé æéáíéñé.

É, íúðóéáí íé æéáíé éí ðáðáñ, ñááííáíéé, íéçáçáóééñý éçáñóíúí éíééáéöéííáðí Í., ííáç í áíý á íí:úñ íòðáóúñáíá ñáðáíéá Á áíéúóíé éááðóéðá á óáí ðáá Í ííéáí æéñéí 500 óíéñóíá ñçááííúó í áñóáðáí é, óíáá éçáñóíúí é áíéúóá á íáíáí éðáá, á ñ áíááí é çáíááááóéí é íéðíáð ñéáá Í í óíéáááóééñý í íéí é áñóíóááí é Í. íáíæéááí í íéçáçé íéá:óúéí áíéííí: «Óíáðóí áí á óí áíý íáó!»

ДУШИ ИЗМЕНЧИВОЙ ПРИМЕТЫ

Í éóáéé Ñéíáéúí ééíá

Что подделаешь, Михаил Шварцман своих работ не продавал и крайне редко их дарил. Властный «король авангарда», молва о котором была глухим, но грозным гулом, добывал хлеб насущный, служа в конторе рекламных плакатов, находившейся недалеко от Ваганьковского кладбища. Шварцман рисовал все более удачные плакаты, отмечавшиеся международными премиями, контора писала, сновали туда-сюда сослуживцы. Здесь никому не было дела до того, как проводит свое свободное время дисциплинированный работник. Но свободного времени не было – Шварцман, упорно не вступавший в МОСХ, далекий и от разгульной богемной жизни, работал день за днем, без выходных, годами. Притом, в невероятных условиях: только часть его работ выполнена в мастерской, предоставленной учеником-самопожертвователем, основное написано в коммунальной квартире...

Помню, как много лет назад я пришел в эту коммуналку на 3-й Кабельной улице. Конечно, в мир живописи Шварцмана как параллельное инобытие вошли и его соседи по квартире, их дела и лица. Поражала вообще вся обстановка предельного уплотнения жизни. Немыслимая теснота, плотно составленные полотна и бесчисленные папки с рисунками на фоне обычной домашней утвари. Вписывались в эту жанровую картинку и черные переплеты фолиантов – первопечатных богословских книг. Это приданое Ирины, жены Шварцмана, предками которой были славные во время оёно московские бояре. Очень трогательная пара... Ирина, одновременно царственно-величественная и очень домашняя, беспредельно преданная мужу и его делу. И Михаил Матвеевич, похожий на благостного пророка, в грудь которого ангел, конечно, «водвинул» пылающий «угль», но боль уже несколько отошла. Очень похожий на седобородого и короткононого и при этом доброго Карла Маркса (вероятно, и Маркс иногда бывал добрым!). Но в прямом родстве Михаил Матвеевич находился с мыслителем совсем иного рисунка. Он – внучатый племянник великого русского философа Льва Шестова. Сын киевского фабриканта Шестова (Льва Исааковича Шварцмана). Очевидный факт – огромная талантливость, может быть гениальность, того и другого. Вероятно, здесь осуществилось действие установленного формалистами закона наследования: «От дяди – к племяннику!»

Между прочим, однажды мне пришлось выдать М.М. за своего дядю (разумеется, это не влечет за собою моих далеко идущих претензий)... Все-таки Шварцман был изнурен своим бытом, хотя старался и не показывать этого. Мечтал о самом обычном отдыхе и был мне сверх всякой меры благодарен за возможность воспользоваться путевкой Литфонда. Как моему родственнику ему выдали путевку в Коктебель. Литфондовские дамы были озабочены непонятным величием этого вкрадчиво-велеречивого человека и даже не взяли принесенных им шоколадок... Его благодарственное письмо, посланное мне после Коктебеля, невероятно трогательно (Теперь я думаю, что это был для живописца-подвижника единственный «отпуск» за долгие годы.)

С удовольствием перебираю новогодние открытки с элементами рисунка, завитушками почерка, лучшими пожеланиями и благословениями, которые регулярно посылал мне благоволяющий и снисходительный Михаил Матвеевич. Иллюзий у меня нет – у Шварцмана было много исступленных почитателей и находились друзья. Но меня делает счастливым доверие высокого мастера, мне дороги светлые воспоминания о доме, где гости не часты, ведь хозяин почти всегда занят... Это было подобно работе шахтера, врубавшегося в темные земные недра! Только бессонные «авралы» затянулись на десятилетия. Прав Межиров: «Когда начинается творчество, в сутках образовывается 25-й час!»

Не любившие выпивок Михаил Матвеевич и Ирина были сладкоежками. Шварцман довольно потирал руки, углядев нечто обольстительно-кремовое. Я всегда являлся с большим тортом. Обычно мне позволялось прихватить кого-либо из приятелей. М.М. говорил по телефону: «Да, приводите, если они – ваши друзья!», но тут же добавлял недоверчиво: «Они хоть что-нибудь смыслят в живописи? Или ни бум-бум?» Случалось по-разному, естественно, не все воспринимали шварцмановские коммунально-запредельные образы... Но чета Величанских – Саша и Лиза, которых я познакомил с М.М., оказались страстными ценителями и стали преданными друзьями художника. Знаю, что среди давних поклонников Шварцмана были поэты Аркадий Штейнберг (сам – весьма своеобразный живописец и отец знаменитого художника) и Александр Ревич. В свое время проник в этот дом и вездесущий, всегда любознательный («Людей неинтересных в мире нет») Евгений Евтушенко. Но к этому поколению, ко всем его представителям (в общем, даже без разбора) Шварцман относился презрительно. Во всех жанрах оно было для него воплощением продажной общедоступности, выставленной напоказ... «Та-а-ри ве-рди-и!» – напевал М.М., издеваясь над современным музыкальным кумиром, выказывая презрение к маскультуре.

«Любите живопись, поэты!/Лишь ей единственной дано/Души изменчивой приметы/Переносить на полотно...» Шварцман был одним из немногих живописцев, знавших и ценивших поэзию. И поэтов, особенно

ощущавших связь своих стихов с живописью, влекло к нему. Шварцман слушал декламацию очень чутко и, ликуя, указывал на действительные или мнимые погрешности в стихосложении, но это все же были пустяки. Главным мерилom оставалась мера внутренней свободы, незаказной характер произведений. Дело не в политике. Негодование вызывало угождение, потакание вкусам публики.

Шварцман охотно высказывал самодельные свои суждения о словах, об уместности эпитетов и глаголов. Услышав нечаянно произнесенное сленговое выражение «миросозерцуха», он вскипел: «Сказано с ленинградским убожеством!» Меж тем именно ленинградцы, ленинградские поэты, просто боготворили этого старомосковского чудака. Пытались к нему пробиться. Среди паломников помню Сергея Стратановского, лично на меня производившего впечатление нарочитого умника и самовлюбленного злыдня с дурацкими виршами. Но М.М. был ласков и многоотпелив. Все-таки это было «незаказное»... Шварцман поучал меня: «И к самой низкой твари, к самому худшему человеку обращайтесь, как к самому лучшему!» Ох, далеко автору этих воспоминаний до Михаила Матвеевича! Жизнь, увы, прошла иначе. И сколько злых страниц вдруг написалось! Но не о нем, не о М.М.!

Летом 1994 года в Третьяковской галерее прошла грандиозная и незабываемая выставка Шварцмана. На радость стольким любящим, знающим и наслышанным присутствовал автор. К сожалению, на открытии М.М. был очень усталым, болезненным, постаревшим, с прозеленью в серой библейской бороде. Как он был слаб и плох, ведомый под руки, тихими шажками обходя все 8 залов (только графика занимала 3 из них!). Может быть, впервые перед ним самим – в громадной ретроспективе – предстала нерушимая глыба сотворенного труда! Шварцман милостиво кланялся знакомым и незнакомым, подслеповатый, улыбался многоцветному человечеству.

В его повадке и немногословии чувствовалась некоторая отрешенность, отстраненность от происходящего. Более того – как бы отказ от авторства. За достигнутым совершенством стоит громада мистической философии, в которую, признаюсь, я не стремлюсь углубляться. Шварцман называл свои работы «иературами» (священными знаками). Моих скудных познаний в древнеегипетской истории хватает, чтобы вспомнить: в стране фараонов, кроме распространенной «демотической» письменности, была таинственная, освоенная посвященными, жреческая система знаков, названная александрийскими греками «иератической». Символическая скоропись, содержащая код и «ключ» видения... Определение, таким образом, не новое. Между прочим, в одной рецензии Мандельштама говорилось о «иератической важности» в стихах послереволюционной Ахматовой.

Один из учеников Михаила Шварцмана, прославившийся на Западе, «завоевавший Париж», Михаил Шемякин, находясь в эмиграции, в своих выступлениях воспел учителя, жреца «иератики». Подготовил сначала односторонник, потом и двухсторонник с репродукциями картин и манифестами Шварцмана. Работы Михаила Матвеевича начали понемногу выставляться и в главнейших зарубежных музеях. В свои последние годы Шварцман, пожалуй, стал близок к вершине славы.

...Мысленно возвращаюсь в 1994 год. Проходя по залам, заполненным завораживающей живописью и еще более ошеломляющей графикой, я пытался восстановить свое первое впечатление: картина за картиной поочередно и с порхающей быстротой приставляемые к стене коммуналки, бесконечное мелькание рисунков. Сначала все это удивляло, сбивало с толку и трудно осмыслялось. Было видно, что Шварцман – один из величайших когда-либо родившихся рисовальщиков. Многие его картины казались теми же рисунками, перенесенными в живопись.

«Разве не мог бы я достичь здесь густоты Кранаха и превратить все это в плоть?» – надменно вопрошал художник, всегда очень высоко ставивший всё им сотворенное. Вдруг захотелось, чтобы из причудливой конструкции явился именно Кранах... Чтобы наконец возникла густая плоть!

Вдруг я вспомнил, как Олег Целков (мы случайно столкнулись в доме его почитателя и покупателя Евгения Евтушенко) поведал нечаянному собеседнику нечто для него важное: предание о Матиссе, который, достигнув в картине «совершенства», тут же начинал «ухудшать» ее. Чтобы она стала более убедительной. Более жизненной... Идея и мне запомнилась на всю жизнь. А разговор происходил на фоне удивительных работ самого Целкова. На фоне ослепительных, палящих красок, на фоне прекрасных бамбуковых или маисовых стеблей, перекусываемых фантастическими грызунами (почему-то все это напоминало молодого Заболоцкого – «Столбцы» или даже «Ладейникова»). И все цвело – на невидимом фоне будущей судьбы художника, предстоящего ему изгнания, завоевания мировой славы...

Судьба у каждого своя. Шварцман по длинной лестнице все поднимался к недостижимому совершенству. И дойдя до последней различимой ступени, двинулся дальше по невидимым.

Одно было ясно: кто увидит работы М.М., тот их не забудет. Что-то я понял глубже, когда глянул на произведения ранней шварцмановской поры – торжество цвета и пластики. Веяние природы и смутного буддизма с его цветущей и улыбчиво-неподвижной безмятежностью. Позже возникли мотивы Черной Африки, Египта, Файюма и окончательно восторжествовала повелительная мощь русской иконы. Долог путь от лица к лику, и нет обратного пути. Недреманое око художника как бы глядит уже «оттуда». Нетленен лишь сам воздух полотен, составляющих единую духовную вселенную. Мне кажется, что главным героем творчества Шварцмана навсегда стал чистый свет, переливающийся из формы в форму и выплескивающийся на зрителей...

Зимой 1997 года, узнав об очередной выставке и одновременно о том, что у художника был перелом шейки бедра, я встревоженно позвонил Михаилу Матвеевичу. Первым делом задал самый обычный

вопрос: «Как вы себя чувствуете?» И чуть успокоенно услышал смешок и слова, исполненные обычного раскатисто-грубоватого юмора: «Когда молодая была, не чувствовала, а теперь чувствую!»

Вскоре Михаил Матвеевич Шварцман скончался. Чтя любовь Шварцмана к Священному Востоку (и разделяя с ним эту любовь), закончу воспоминания несколькими стихами буддийского «Баоцзюаня о Пу-мине»:

*«Nīēdīāī ī ūé çāēī ī Ī āāī ēy āāī ī ūō ī ōāī,
Ī īāēō ī īōīāēō ū āāī ō ū ūīy- īāōāī ā - āī ēñōēī ī ūā
Ōōāī ī ēçāēāō ūī dīāēāī ēy ē ī āōē.
Ōūīy- ē ī çāōīā, āāī ō ēē ō ūīy- īyō ūō ī ā çāāō
īēōīāī ī īā ī īōyāēā āōāī āāī āāāū, ā ī īō īī ō āīō ēāpō
ēēō ū ī çāōōāī ēy ā dāpēīō āō ā ūō ī ūō ōī dāē ī āī ēē».*

ÈÑÒÌ ÐÈΒ ÌÁÍ Ì È ÁÈÁÈÈÌ ÒÁÈÈ

Èí Ì Ááíí

Náááá Ìòòá ÿ íá Ì òñòí èpáèèà - ÿ ááí áíáòáíðèèà × òí Ì òááíòááèèèíííòòáíííí : áááí Ìí áúè ÷ áèíááèí çàì èíòòí, Ìòòèì, áíáòíá íáááííáíí, íáðáçáíáíð-èáíí. Èáçáèííí òýáíí Ì Ì íáè èðáèèáè, òí Ì íè, íáèííè è áíááá áíááèíè Ì àí Ì è Ì í íá áíèèáí áúè Ì áðáòýáááòòí ÷ òáíòáá Ì áèáí Ì èíè áááí ÷ èè. Òáí Ì á Ì áíáí ÿòí áúèí òáè. Áá Ì Ì è Ì è ÷ áí èíááá Ì Ì Ì áá Ì Ì áðòè Ì òí òèí áíèáá Ì Ì òèá èáò, Ì Ì òí ÿíí Ì Ì òèòòòááòò á Ì íáè æèçíè. Ñ íèì, Ì áá Ì òááíòááíííí è Ì Ì Ì òèáòáí è ÿ Ì ááðýp ááí Ì Ì è Ì Ì òí èè. Ñ íèì Ì Ì Ì áí Ì Ì ááèííí Ì Ì è òááíòòí è. Ì íáí áóí áèá á Ááíáòèè, Ì èáý Ì Ì òèáí á Ì áèáí Ì èí èáòá òýáíí Ì Ì áí ÿòí èèí èíí áíáíòò Èíèèáííè, Ì Ì Ì èíèèèòò á Ì Ì èò Ì áí òááí òááí òí Ì Ì èíáè íá ÿòí èáòá, á èíòí òí Ì èèáèáèè Ì Ì àí Ì è áí áðáí ÿ Ì ááááí íá Ì òááíòááèè Ì Èòáèèè á 1921 ááá

Юлиус Борисович Генс (1987-1957) родился в университетском городе Юрьеве (позднее Тарту) в Эстонии. Его отец, мой дед, был бедным ремесленником в маленьком литовском местечке в черте оседлости. Энергичный и умный, он в 70-х годах прошлого столетия стал наезжать в Эстонию со своим галантерейным товаром – перчатками и подтяжками. Дед продолжал ездить, беря товар уже и у других ремесленников местечка, а в 1885 году окончательно обосновался в Юрьеве, где открыл большой галантерейный магазин. Уже немолодым дед отправился в Киев, окончил там зубоврачебный факультет университета и благодаря этому получил законное право жить в Эстонии, которая находилась вне черты оседлости. А до той поры он зависел от благосклонности урядника и величины взяток, которые давал.

К концу столетия в семье было уже восемь детей: семеро сыновей и одна дочь. Кроме одного из сыновей, все они получили высшее образование, главным образом медицинское. Единственным юристом был мой отец. Закончив в 1911 году Юрьевский (ныне Тартуский) университет, он поступил в адвокатуру, получил статус помощника присяжного поверенного и прожил жизнь, избегая работать по специальности и люто ненавидя юриспруденцию.

Подлинной страстью отца, путеводной звездой его жизни стало искусство. Приведу несколько фрагментов из второго (неизданного) тома его воспоминаний, чтобы был понятен путь его духовного становления.

«Из ярких моментов моей гимназической жизни я хочу упомянуть дружбу с вновь поступившим учеником – Борисом Энгельгардтом. Его отца выслали из Петербурга, и он поселился в Юрьеве. В продолжении целого года я ежедневно, пообедав дома, являлся на квартиру к Энгельгардтам и оставался там допоздна. У отца Бориса была огромная библиотека. В этом доме я познакомился со всеми классиками мировой литературы. Из мещанско-купеческой среды я попал в другой мир, в высокоинтеллигентную семью с многолетними культурными традициями. Прадед, дед и отец моего друга значились в Энциклопедии. Год, проведенный в этой семье, оставил глубокий след и, безусловно, сказался на формировании моего характера и духовного мира...»

Я стал рано интересоваться искусством. Еще в гимназические годы начал приобретать книги по искусству. Выставка картин Верещагина, показанная в Тарту в начале нынешнего столетия, – первая, которую мне удалось посмотреть. Первым музеем, который я посетил, был музей античных слепков и статуй при Юрьевском университете. Экскурсия в 1904 году в Петербург дала мне возможность впервые попасть в Эрмитаж и Музей Александра III (ныне Государственный Русский музей). От посещения Эрмитажа память сохранила мало. Запомнились зато многие картины Русского музея. Следующие посещения музеев и картинных галерей связаны с поездкой по России в 1910 году. Был в Риге, Киеве, Одессе, пешком обошел часть Крыма, пешком же направился по Военно-Грузинской дороге. Возвращался по Волге и через Москву и Петербург вернулся домой...»

Еще студентом отец стал брать уроки живописи у местной портретистки Елизаветы Рудольф. Нелюбовь к юриспруденции подтолкнула к мысли обрести по-настоящему любимую специальность. Поскольку дед к тому времени разбогател, отец имел возможность продолжать свое образование – отправился в Мюнхен, где поступил на архитектурный факультет Мюнхенской Академии художеств. Снова обращаюсь к воспоминаниям:

«Три семестра в Мюнхене, поездка в Италию в 1912 году превратили мое книжное знание искусства в фактическое. В те годы я уже не смотрел картины, я их изучал; изучал индивидуальный почерк художников, научился узнавать живописные школы. Любил блуждать по Старой Пинакотеке среди ранних мастеров, среди итальянских и немецких примитивов. Рембрандт и Микеланджело сделались моими богами, Леонардо оставлял меня холодным. Однако установка на искусство была по-юношески максималистской. Я знал, что увлекаться Рафаэлем стыдно, как знал, что мимо Репина надо проходить не глядя. Потому в Миланской «Брере» гордо прошел мимо рафаэлевского «Обручения». Не помогло и то, что возмущенный таким пренебрежением служитель зала побежал за мной, толкая о двух миллионах лир, которыми оценивалась картина. Очаровал меня Боттичелли, которого до поездки в Италию почти не знал.»

Увлечение музеями, посещения картинных галерей привели к постоянным и мучительными головным болям. У отца была сильная близорукость, сидеть в чертежной стало трудно, и он понял, что с

архитектурой надо проститься. Пришлось вернуться в Тарту. Но выдержать провинциальную жизнь маленького университетского городка после нескольких лет, проведенных в Германии, оказалось невыносимым.

«Через месяц я уже был в Москве. Нашел комнату в квартире, где уже жили два адвоката. Следующим шагом было посещение магазина Дейбнера, где заказал художественные журналы “Die Kunst” и “Studio”. Уплатить вперед за подписку было нечем, попросил у хозяина рассрочки. Тот поинтересовался, с кем имеет дело. Узнав, что я адвокат, – разговор шел на немецком языке, – он спросил: не хочу ли принять у него одно взыскание? Я согласился, получил разрешение на платеж в рассрочку и пошел к ответчику. Это был книжный магазин на Кузнецком мосту, бывший в ликвидации. Ответчик, даже не спросив у меня доверенности, деньги тут же уплатил. Так я стал адвокатом. Мне было тогда безразлично, чем заниматься, – лишь бы остаться в Москве».

Москва была тем городом, в котором страсть отца к книгам получила широкие возможности для реализации. Он встречался там с интересными людьми. Сошелся с кубофутуристами, бегал на лекции по искусству и на различные диспуты. И, как он писал впоследствии, «с этой пуганицей в голове, с комплектом газеты “Искусство”, полной программ, манифестов, резолюций, стопроцентным формалистом я вернулся в Эстонию, домой. И набросился на книги... С тех пор я поплыл по безбрежному и бесконечному книжному океану. Плывешь по инерции к недостижимой цели, и захватившее тебя течение сильнее доводов разума. Хозяином положения уже давно стала сама библиотека. Звучит эта фраза очень романтично: выходит, будто я стал рабом книги. Это все же не так. Я всегда оставался господином положения, строил искусствоведческую библиотеку... книги заполняли всю мою жизнь...»

Отец был хорошим семьянином, очень любил маму, но главной его страстью была библиотека. И все же первый том своих «Заметок библиофила», изданных в Тарту в 1932 году, он предварил надписью – «Посвящаю жене, книжной пыли не боящейся».

Переменив несколько работ – он занимался издательской деятельностью, торговлей лесом, частично юриспруденцией, – отец в конечном счете поступил на работу в шведскую компанию по производству спичек «The Timber Company» и вскоре стал директором ее эстонского филиала.

Благоприятные материальные возможности помогали отцу реализовать страсть к пополнению своей библиотеки. Она росла упорно, став одной из крупнейших и наиболее полных библиотек по искусству в Прибалтике.

Мои детские годы прошли в Тарту, и я хорошо помню большой отцовский кабинет, стены которого сплошь состояли из книжных стеллажей. Когда в 1934 году мы переехали в Таллин, то помню: главной проблемой, связанной с тем, какую снять квартиру, были стены. Я только и слышала, как папа ходит по сдававшимся в аренду квартирам и мерит сантиметром длину стен. И действительно, наша квартира в Таллине из-за нужд библиотеки была огромной. Она занимала первый этаж дома, построенного финским архитектором Линдбергом, тем самым, который возвел в Таллине здание оперного театра.

В этой восьмикомнатной квартире с очень высокими потолками была большая, метров в тридцать пять, передняя. И она оказалась вся в книгах. Отцовский кабинет был не меньшим по размеру, как и гостиная, которая смотрела высокими французскими окнами в сад. И всюду были книги!

Кроме книг по искусству, отдельный большой раздел библиотеки был посвящен иллюстрированной книге. Отец собирал графику, в первую очередь эстонскую, а впоследствии и еврейскую, его собрание экслибрисов было огромным. Я уже не говорю о картинах и предметах прикладного искусства, которые заполняли наш дом. Однако если библиотека пополнялась обдуманно и целенаправленно, то «вещи» он покупал, когда они чем-то ему приглянулись. В итоге небольшое, но прекрасное собрание русских икон соседствовало с полотнами Сомова и Коровина, а рядом с ними оказывался женский портрет кисти немецкого художника начала XVIII века и множество прелестных миниатюрных портретов XVIII – XIX веков. Тут же стояла витрина эпохи рококо, заполненная коллекцией дальневосточной слоновой кости, центром которой были японские нэцке (около 120 штук). А на большом старинном письменном столе рядышком стояли каменный конь длиной сантиметров в 45, обнаруженный в каком-то античном захоронении и купленный на аукционе в Германии, и большая негритянская деревянная скульптура. С каменной лошадкой получилась неприятность. За свою долгую жизнь в захоронении она пропиталась каким-то ужасным, невыносимым запахом. Во всей квартире завоняло. Но отец нашел выход – он заказал герметичный стеклянный ящик, лошадка в нем поселилась, и все были довольны.

Как уже было сказано, книжное собрание отца было посвящено преимущественно книгам по искусству, справочной литературе по библиофильству и библиографии, иллюстрированной книге и книжным редкостям. Каждая купленная книга снабжалась экслибрисом и соответствующей каталожной карточкой. Первый экслибрис отец заказал у своего доброго приятеля, замечательного эстонского художника Адо Ваббе. Он представлял собой окруженный цветочной гирляндой изображение еврейского семисвечника, у подножия которого сидел маленький человечек с характерной еврейской внешностью. Тираж экслибриса был 2000 штук. Когда они подошли к концу, отец таким же тиражом заказал новый. На нем был изображен лев – копия одного из японских нэцке отцовской коллекции, опирающийся передними лапами на стопку книг. Когда подошел к концу и этот, был заказан следующий. Таким образом, отец мог по экслибрису определить время приобретения той или иной книги.

Последнее предвоенное десятилетие отец в основном собирал книги, связанные с русским искусством. Он не чурался покупать книгу и из-за исключительной выделки переплета, из-за гравюр, украшавших ее страницы, ради удивительной широты полей или качества бумаги. Он писал в мемуарах:

«Самыми интересными часами моей жизни были те, когда, сидя за чашкой кофе, я просматривал последний полученный мною каталог антиквариата или новый номер библиофильского журнала... Сколько удовольствия доставляла каждая новая книга. Она просматривалась, потом наступала очередь составления библиографической карточки, иногда и нескольких, так как, помимо алфавитной, я вел и систематическую картотеку, которая насчитывала несколько десятков тысяч карточек».

В 1939 году вышел в свет первый том каталога отцовской библиотеки. Это была роскошно изданная книга на веленовой бумаге, иллюстрированная репродукциями картин и предметов из отцовского собрания. Том был посвящен книгам о книге и содержал 1500 названий. К 1940 году был подготовлен и отправлен в типографию второй том, посвященный редким изданиям и иллюстрированным книгам. Его уже начали печатать, когда Эстония стала советской, и издать каталог оказалось невозможным. Всего каталог должен был состоять из пяти томов.

Весной 1940 года отец отправился в Швецию сдавать дела своего «спичечного» филиала, а на обратном пути поехал через Берлин, воочию увидел скамейки в парках с надписью «Fьr Juden verboten!» (запрещено для евреев), ощутил отчаяние, встречаясь с некоторыми из своих знакомых евреев-книголюбов, не успевших уехать из Германии.

Дома, в Эстонии, он застал советскую власть. По постановлению советской власти нас тут же уплотнили, оставив нам четыре комнаты. Библиотека частично оставалась в комнатах, в которых жили жильцы. Отец поступил научным сотрудником в Художественный музей и впервые в жизни был по-настоящему удовлетворен работой.

Он воспринял советскую власть с одобрением – выросший и воспитанный на русской культуре, он часто ездил в Советский Союз, чтобы походить по музеям Ленинграда и Москвы, посетить букинистические лавки, посмотреть новые театральные постановки и навестить своих друзей-коллекционеров. В 1934 году он возил большую экскурсию эстонской интеллигенции на театральный фестиваль в Москву, был членом ВОКСа и вообще считал, что в России совершается великий социальный эксперимент. Лишь в 1937 году ему впервые было отказано в визе, и до 1939 года, когда в Эстонии уже установились военные базы Красной Армии, он в Россию не ездил.

Ко времени его возвращения в Таллин в воздухе пахло войной и репрессиями. К лету 1941 года начались массовые депортации эстонской буржуазии в Сибирь. При этом делалось все не только жестоко и страшно, но и нелепо: могли выслать семью владельца маленькой лавчонки – буржуй-кровопийца! – и не высылали владельцев пакета акций крупных предприятий, поскольку они не числились собственниками. Нашу семью спасло то, что в 1939 году отцовские братья, абсолютно не способные вести торговые дела, довели фирму, которая при дедушке процветала (дед скончался в 1925 году), до банкротства, магазин и доходные дома были проданы, так что в собственниках наше обширное семейство не числилось.

Весной 1941 года, когда в Европе уже бушевала война, к нам приходили грустные письма из Варшавы, где близкий друг отца, основатель знаменитого антиквариата «Россика» в Берлине Юлий Сигизмундович Вейцман был заключен в гетто (странным образом до него доходили посылки с продуктами, которые высылали ему мои родители). Было ясно, что с прежней жизнью покончено навсегда.

С началом войны отец оказался среди тех, кому было предписано немедленно отправиться в тыл. Дело в том, что, когда в 1939 году Гитлер призвал прибалтийских немцев на родину, большинство немецких семей откликнулись на этот призыв. Как известно, прибалтийские немцы были тесно переплетены с русской культурой, играли значительную роль в русской истории. Достаточно назвать такие фамилии, как Штакельберги, Тизенгаузены, Бенкендорфы, Крузенштерны и др. В их владении находились большие культурные ценности, связанные с историей России. Когда начался исход немцев, они получили разрешение на вывоз всего, за исключением культурных ценностей. Многие из уезжающих продавали часть своего имущества. Отец вспоминал, что ему удалось тогда купить «Думы» Рылеева с его автографом и книжку Бестужева-Рюмина тоже с автографом. Тогда же ему попала рукопись с описанием русско-турецкой войны, снабженная автографом фельдмаршала Берга, удостоверяющего, что вышеописанное соответствует исторической правде. Попадавшие в его владение рукописи или важные для русской культуры редкости отец всегда старался пересылать в Россию. Так, на юбилейную выставку Чайковского он отправил хранившийся у него автограф композитора – строчку из одного романса в искусном обрамлении работы художника Сверчкова.

Когда Эстония стала советской, оставшимся немцам было разрешено выехать в Германию. Была образована «Советско-германская смешанная комиссия по вывозу немцами культурных ценностей», художественным экспертом которой был назначен мой отец. За неделю до войны его вызвали в Москву и призвали быть более уступчивым: выпускать больше вещей, ибо немцы на него жалуются, а их, мол, сердить не следует. Особые споры между отцом и уезжающими вызвало имущество различных обществ и их библиотек. Так, например, немцы собирались вывезти библиотеку Провинциального музея, считая его чисто немецким учреждением. Отцу удалось доказать, что город в XVI веке передал Провинциальному музею на хранение библиотеку бывшего русского Михайловского монастыря. И имущество Провинциального музея осталось в Эстонии.

Числа 15 июня 1941 года отец вернулся из Москвы, отправился в таможенную, расположенную в порту, и с болью в сердце начал давать разрешение на вывоз. В таможене его и застала война. 2 июля он пришел домой и объявил, что мы завтра уезжаем. Укладывала вещи я, двенадцатилетняя девочка. Мама находилась в полной прострации, так как мой брат, ее обожаемый сын, за день до этого ушел в армию, а отец бегал и оформлял документы на отъезд. Он понимал, что мы уезжаем если и не навсегда, то случись вернуться – и вряд ли найдем что-нибудь из вещей. Так как денег в доме не было, то он снял со стены некоторые картины Коровина, Сомова, Матвеева и других русских художников, стянул их с подрамников, скрутил в рулон и захватил с мыслью, что их можно будет продать и прожить некоторое время.

Вернусь снова к воспоминаниям отца:

«Перед отъездом заглянул в свой кабинет... Решил забрать на память о своем собирательстве лучшие произведения полиграфического искусства, по одной книге каждого народа. Забрал инкунабул – библию Кобергера и книгу, изданную Альбрехтом Дюрером; английскую «Жизнь Нимрода» с 35 акватинтами художника Элькина; басни Лафонтена 1762 г. издания. Из русских – басни Крылова, знаменитое миниатюрное издание, для которого был отлит специальный диамантовый шрифт. Взял с собой эстонское издание с гравюрами Айно Бах и три еврейских».

Библия Кобергера – выдающийся памятник типографского и графического искусства, выпущенная знаменитым издателем Антоном Кобергером в 1483 году, с раскрашенными от руки ксилографиями, – была приобретена отцом в 1919 году у какого-то обедневшего графа. Собрание басен Лафонтена, издание XVIII века, отличалось своим чарующим переплетом из мельчайшей кожаной мозаики работы одного из лучших французских переплетчиков XX века – Ренэ Кифера. Выдающийся эстонский график Айно Бах иллюстрировала цыганскую сказку – это, вероятно, самая роскошная книга, изданная на цыганском языке. Все эти книги разошлись по разным библиотекам и помогли нам выжить в годы войны.

Что касается еврейских изданий, то они вернулись с нами в Таллин. Это рассказ Бродерсона, литографированный и иллюстрированный художником Эль Лисицким в 1917 году: 12 экземпляров были раскрашены самим Лисицким, изданы в виде свитка в специальной парчовой обложке и шестиугольном дубовом ящике. Это факсимильное издание рукописной дармштадской Агоды XIV века, издание антиквариата и издательства «Hirsemann» в Лейпциге. Из трехсот экземпляров 18 снабжены точной копией старинного XIV века переплета в готическом стиле с медными застежками и медными же углами. Издание фантастической красоты. А о третьей еврейской книге хочу рассказать особо.

В 1934 году мой брат и я последовательно заболели скарлатиной. Жили мы тогда еще в Тарту. Поскольку отец ежедневно ровно в 12 часов ходил в кафе Вернера – знаменитое кафе, где встречалась тартуская университетская интеллигенция, – то из-за того, что скарлатина передается через третьих лиц, он был вынужден отказаться от этой привычки. Одно время он гонялся за различными изданиями «Песни песней» царя Соломона – а были в его коллекции великолепные издания этого библейского текста, – он решил случившиеся свободные часы использовать для того, чтобы создать свое собственное издание. Дома нашлось несколько шкурок пергамента, закупленные для переплетов. Он их разрезал на полосы и стал писать на древнееврейском языке текст «Песни песней», оставляя свободное место для будущих иллюстраций. По его рассказам, первую страницу он писал почти целый день, используя как образец шрифт Агоды XIV века. Последние же страницы писал уже за час. Потом он передал листы своему другу, художнику Адо Ваббе, который создал ряд замечательной красоты иллюстраций. Отец решил издать «Песнь» в виде свитка, заказал у того же Ваббе деревянный цилиндр, украшенный орнаментом, сверху и снизу цилиндр был прикрыт распиленным пополам бильярдным шаром слоновой кости. Потом была разрезана трость из слоновой кости, и тонкая полоска ее прикреплена к крайнему листу пергамента, чтобы можно было вытягивать свиток из деревянного чехла. А для того, чтобы свиток втянуть вовнутрь, отец придумал к нему снизу ручку из слоновой кости от китайского зонтика. И собственное уникальное издание «Песни песней» было готово.

Итак, захватив эти несколько книг, отец вышел из своего кабинета и квартиры, не обернувшись. Что он при этом испытывал, остается только догадываться. И мы втроем, с небольшим багажом – будто едем на дачу – отправились к эшелону. Там выяснилось, что мы уедем только через пять часов, и отец снова вернулся домой. Но вместо того, чтобы захватить что-нибудь ценное, принес матрац, ведро и таз, которые, кстати, нам в эвакуации весьма пригодились.

На одной из станций отец бросил в почтовый ящик открытку, адресованную своему доброму другу, эстонскому писателю Александру Тасса, с просьбой что-нибудь спасти из его собрания. Надо сказать, что Тасса, работавший тогда тоже в Художественном музее, сделал все, что от него зависело. Вся коллекция предметов искусства – картины, скульптура, графика, собрание дальневосточного искусства: все было вывезено в музей и условно записано в фонды музея под эстонской фамилией Иохансон. Забегая вперед, замечу, что, когда мы вернулись после войны в Таллин, музей нам вернул два ящика со скульптурой, которые вместе с музейными ценностями были в начале войны отвезены в деревню. Сам музей был разбомблен во время разрушительного налета нашей авиации на Таллин в марте 1943 года, когда половина города была разрушена, и вместе с музеем сгорела и вся отцовская коллекция.

Что же касается библиотеки, то она была перенесена друзьями отца в подвал Дома искусств на сохранение. Судьба ее сложилась следующим образом. Как только прибалтийские республики были оккупированы, штаб оккупационных войск расположился в городе Тарту. Возглавлял его один из идеологов фашизма Альфред Розенберг. Уроженец Прибалтики, он получил юридическое образование в Юрьевском

университете почти одновременно с отцом, знал про его коллекцию и сразу же заинтересовался местонахождением Генса. Ему сказали, что Генс уехал. А где его библиотека? Спрятать или скрыть ее было невозможно, слишком много людей знали о ней и о том, где она находится. И Розенберг потребовал библиотеку к себе в штаб. Все книги, в том числе несколько сот редких справочных изданий, необходимых музейным работникам и ими временно взятыми в музей, были отправлены в Тарту. Там же оказалась большая коллекция графики из собраний отца. Как потом рассказывали люди, заглядывавшие в штаб, они видели, как в холодную зиму сотрудники штаба топили печи отцовским собранием экслибрисов: ведь каждый экслибрис был наклеен на толстый лист картона, который замечательно горел.

Когда мы вернулись в декабре 1944 года домой, мы ничего не застали. Библиотека была вывезена в Германию. Из культурных ценностей Эстонии, кроме нее, такая же судьба была уготовлена коллекции старинного серебра купеческого братства Черноголовых. В нашей квартире расположилось учреждение – «Эстонэнерго». Брату отца, который оказался в Таллине сразу после его освобождения, говорили, что в нашей пустой квартире остались большой шкаф времен барокко и огромная двуспальная кровать родителей – по легенде в ней одну ночь в Нарве провела Екатерина II. Они были слишком громоздкими, чтобы их вынести из дома, не в пример всей остальной антикварной мебели. Потом мы узнали, что оба эти предмета оказались в квартире адмирала Трибуца, возглавлявшего Балтфлот. И когда отец предпринял какие-то попытки получить их обратно, ему было ясно дано понять, что этого делать не следует, так как о результате своих хлопот он сможет узнать весьма далеко от дома.

Под коллекционированием была подведена черта. Только один раз в душе отца запылал прежний огонь. Он приехал проведать меня в Ленинград, где я училась в университете. И по старой памяти мы с ним прошли по антикварным магазинам без всяких намерений что-либо приобрести. Да и материальных возможностей для этого не было. И вдруг я заметила, как у отца застыл взгляд – он увидел большое блюдо флорентийской майолики то ли XVII, то ли XVIII века, которое продавалось за цену бутерброда. Дрожащим голосом он спросил меня: «У тебя есть деньги? – А я только что получила свою скудную студенческую стипендию. – Дай!» – И это оказалось единственным послевоенным приобретением отца.

А потом наступили трудные времена – борьба с космополитизмом, два инфаркта, арест, а после тюрьмы – существование инвалида. У отца развилось тяжелое сердечное заболевание, зрение еще больше ухудшилось, читать он мог всего несколько часов в день. В эти годы отец стал писать мемуары, что давалось ему нелегко, так как из дому он не выходил и библиотеки были для него недоступны. Но я никогда не слышала, чтобы он жаловался на жизнь. Всегда чем-то интересовался, вел активнейшую переписку с друзьями-коллекционерами, среди которых были Павел Давыдович Эттингер, Илья Самойлович Зильберштейн, Сергей Петрович Варшавский.

Как вдруг...

Погожим сентябрьским днем 1955 года Сергей Петрович Варшавский, писатель и талантливый коллекционер, добрый знакомый отца, направился, как всегда, по Невскому проспекту в Книжную лавку писателей поглядеть, что новенького. Рядом с ним какой-то молодой человек показывал своей девушке книги по искусству. И вдруг он слышит следующую фразу: «Да не показывай мне книги по искусству, ты меня ничем не сможешь поразить. Когда я была на библиотечной практике, я заносила в инвентарную книгу библиотеку некоего Генса, и после этого меня удивить книгами никто не сможет!» Сергей Петрович, как лев, накинулся на молодую девушку, выпрашивая подробности. Оказалось, что она училась в библиотечном техникуме и была на практике в Вильнюсе, где разбирался эшелон с трофейными библиотеками. И там под руководством библиотекаря из Гродно она и инвентаризировала библиотеку Генса.

Сергей Петрович хорошо знал цену отцовской библиотеки, понимал, что если библиотека найдется, то и ему достанется что-то из этого сокровища. Он тут же связался с еще одним фанатичным московским книжником и собирателем Игорем Васильевичем Качуриным, и оба Шерлока Холмса срочно поехали в Вильнюс на поиски библиотеки. Они сумели разыскать людей, причастных к разбору того эшелона, и по некоторым намекам поняли, что искать следует в Минске. Куда они и направились.

Первым делом они пошли в Публичную библиотеку, поговорили с ее директором, который их клятвенно заверил, что библиотеки Генса у него нет. Он произнес имя «Генс» как нечто очень хорошо знакомое, и оба детектива поняли, что «горячо», надо продолжать поиск. Следующей они посетили Библиотеку Академии наук Белорусской ССР. Но решили не раскрывать карты, а искать исподтишка.

Тут следует отметить следующее. Сразу после войны, когда начался поиск пропавших во время нее культурных ценностей, библиотека Генса была включена в число разыскиваемых. Отец в то время еще не был персоной «non grata». Однако никаких следов библиотеки тогда будто бы не было обнаружено.

Итак, Сергей Петрович и Игорь Васильевич пошли в читальный зал и выписали несколько заявок на редкие книги по искусству, о которых они знали, что те были у отца. Увы, отказ. Еще раз попробовали что-то выписать. Результат тот же. Разочарованные и растерянные, идут они по коридору библиотеки, где столкнулись с сотрудницей, оказавшейся заместителем директора по научной работе. Она же увидела двух чем-то огорченных, но очень импозантных мужчин явно столичного вида. Обратилась к ним с вопросом, не может ли она быть им полезной. И, узнав, что они интересуются книгами по искусству, пригласила их в свой кабинет. Там она вытащила из шкафа несколько набитых карточками каталожных ящиков, и потрясенные ищущие увидели карточки, написанные знакомым почерком Юлиуса Генса. Так они набрали на каталог библиотеки отца.

Не подав вида, они пошли разыскивать директора библиотеки. Сказали, что он скрывает в своих фондах библиотеку советского гражданина. Директор тут же стал все отрицать. Тогда они потащили его в кабинет обескураженного замдиректора и показали ему каталог отца. После малоприятного обмена «любезностями» в библиотеке стало ясно, что надо разговаривать с начальством.

И 20 сентября 1955 года зазвонил телефон. Сергей Петрович Варшавский из Минска сообщил, что напал на след отцовской библиотеки и требуется нотариально заверенная доверенность на ведение ее поисков. Мы были потрясены!

Нотариальную доверенность тут же отправили. Надо сказать, что отец воспринял эту весть довольно спокойно. Он внутренне настолько распрощался с библиотекой, что, видимо, сил волноваться или радоваться уже не было. Я же была вне себя. Мы вели очень скучную жизнь. Я работала в библиотеке, а, как известно, зарплата библиотечных работников очень маленькая. Отец, как «социально-вредный элемент» – или не знаю, как это на самом деле тогда называлось, – пенсии вообще не получал. Когда после войны подсчитывался ущерб, нанесенный Эстонии немецкими захватчиками, библиотека отца была оценена в один миллион золотых рублей. Мне уже виделась бутерброды с сыром и шпротами, которые я обожала, но позволить себе тогда не могла. Кроме того, радовалась за брата-искусствоведа, для которого библиотека отца могла стать важным подспорьем в научной работе.

И тут заварилось. Из Минска шли телеграммы. Президент Академии наук Белоруссии заявил: если будет доказано, что библиотека принадлежит советскому гражданину Генсу, книги будут возвращены. Но тем не менее библиотечное начальство приняло хитрые контрмеры. Как уже было сказано, на нескольких сотнях книг была печать библиотеки Эстонского Художественного музея, поскольку там ими временно пользовались. Вот эти книги Белоруссия была готова вернуть музею.

И действительно, в Библиотеку Академии наук ЭССР (а отнюдь не в Художественный музей) вскоре прибыли ящики, содержащие те 780 книг, которые были снабжены штампом музейной библиотеки.

Тогда было решено подать одновременно в суд и на Библиотеку Академии наук Белоруссии, и на Библиотеку Академии наук ЭССР с требованием вернуть книги владельцу. Мы обратились к одному из лучших адвокатов республики. Дело слушалось в таллинском городском суде. Прибыл сам директор библиотеки из Минска Степанюк. Выступали свидетели – из тех, кто перетаскивал отцовскую библиотеку в подвалы Дома искусств, сотрудники музея, временно заимствовавшие справочные издания для работы в музей. Всем было ясно, что все доказано и хотя бы те несколько сотен книг, снабженные печатью музея, будут нам тут же возвращены. Степанюк, понявший, что сохранить библиотеку ему не удастся, даже не дождался судебного вердикта и покинул зал заседания.

Итак – «суд идет». Все торжественно встали, и судья объявил, что 780 книг являются собственностью Генса, но постановил: в иске Генсу... отказать, так как «обе Академии наук являются добросовестными владельцами».

О добросовестности минских библиотечных работников было уже сказано. Даже наши противники были ошарашены таким решением. Впоследствии я узнала от своей подруги-юристки, что прокурор, ее приятельница, была вызвана в ЦК КПЭ, где было сказано: книги Генсу ни в коем случае не возвращать.

Мы, наивные люди, верящие в закон, подали апелляцию. Она рассматривалась в Верховном суде республики. Там ответ был другой: нам отказали под предлогом того, что свидетельские показания, прозвучавшие на суде, были будто бы «неконкретными».

Мы продолжали упорствовать и подали жалобу в Верховный суд СССР. Оттуда пришел ответ – поскольку Эстония является суверенным государством, Верховный суд СССР в дела суверенного государства не вмешивается. Когда пришел этот ответ, отец засмеялся и сказал, что готов им подарить библиотеку за весть, что Эстония является суверенной.

На этом все кончилось.

В феврале 1957 года, не дожив до семидесяти лет, отец скончался. Вскоре после его смерти меня вызвали в милицию. Ничего хорошего от вызова я не ждала. Ведь имела уже дело с жилищным управлением города, которое пыталось после смерти отца выселить меня из нашей полуподвальной квартиры. Когда я пришла в милицию, какой-то чин допытывался у меня что-то про книги, библиотеку. Я ничего понять не могла. В конце концов прояснилось: пришло письмо из Белоруссии, на конверте которого было написано «Эстония, знаменитому художнику Юлиусу Генсу», и вот в милиции пытались выяснить, имеет ли это письмо ко мне отношение. В письме, написанном явно искаженным почерком, работники Библиотеки Академии наук Белоруссии умоляют Юлиуса Генса затребовать свои книги. Они писали, что директор Степанюк заставляет их с мясом вырывать экслибрисы из книг. Что они не могут пережить такого варварства и умоляют Генса сделать все, что в его силах, чтобы получить книги обратно. И что они не подписывают письмо, так как боятся директора, который их может уволить.

На этом завершилась «история одной библиотеки». Мой брат-искусствовед, проживающий в Таллине, часто пользуется в Библиотеке Академии наук Эстонии книгами с экслибрисом отца. Остальные книги, видимо, расплылись по полкам библиотеки в Минске – городе, где отец никогда не был и который никак не был связан с его жизнью.

Отец всегда говорил нам, детям: суть коллекционерства в том, чтобы посвятить свою жизнь собиранию книг или картин с тем, дабы потом они оказались в какой-нибудь библиотеке или музее. Наверное,

это правильно. Но это должно делаться по доброй воле, а не способом грабежа, как это было с библиотекой моего отца.

Ḑāāāōēy «Ēāāēī ā» īīēō-ēēā īēñū ī īāāēāīēy ēñōīōēī-īōīñāōēōāēūñēīā, īōāāīcāūēōīīā ē āēāñōāīōēōāēūīīā īāūāñōāā «Ī īñēāñēē ī āī īōēāē». Ḑā-ū ā īāī ēāāō ī ñōāōūā Ā. Āīōīīīāā-Īāñāīēī «Ēōī ēāāāō ēāīēāīūī ē ēāōōāī ē?», īāīā-āōāīīē ā yīāāñēīī īīīāā īāōāā āēōīāēā cā īūīāōīēē āā ē ā īñīīāīī īīñāyūāīīē āyōāēūīīñō ē īāūāñōāā Ā īēñū ā īōāēāīēy, ñōāē īōī-āā, āāīōēōīy: «āā īāīēñāīīā āāōīōī ñōāōūē ī «Ī āī īōēāēā» – ēīāē, ē +ōī ē ā ōāēñōā āā ñāāāēāōīy «āāīēācāōāēūīūā ōāāāēāāīēy, īīōī-āūēā +āñōū ē āññōīēīñōāī ēāē ōīīyīōōūō ñōōūāīēēīā ē āēōēāēñōīā «Ī āī īōēāēā», ōāē ē ñāī īā «Ī āī īōēāēā».

Ē ñāēāēāīēp, ō āēōīāēā īāō āīcī īāēīīñō ē Ḑācāāñōōū āēñēōīēp āīēōā īāūāñōāā ē āā īāī āēīāāēīūō īōīāēāī ñ ōāēūp āñōāīīāēāīēy ēñōēīū. Ōāī ū, īāñāēāāāī ūā īāī ē, cāāā-ē, īāāā īāī ē ñōīyūēā ēāēāō āēīīī Ḑāñēā

Ōāī īāīāīāīū ñ-ēōāāī īāēīūī īīōāēēīāāōū āyōīī īīīāā āññōōīēāīēā ñ. xāāīīā. Īī īāīōyī p īīēāīēēōōāō ñ Ā. Āīōīīīāīī-Īāñāīēī. Ōāēēī īāōācī, īū īōāāīñōāāēyāī āīcīīāēīīñōū āūñēācāōōīy ē āōūē ñōīōīā

Ī āyōīī cāāāōāāōīy īāōā ō-āññōēā āñīōāī āēāō «Ī āī īōēāēīī» ē īāīēī ēcāā īīīīīāīōīā

Ē āīīōīñōī ēāīēāīūō ēāōōāō

Ñāī āī xāāīūē

Статья А.В. Антонова-Овсеенко «Кто играет краплеными картами?» состоит преимущественно из нападок на общество «Мемориал». По роду работы мне приходилось обращаться к архиву этого общества и статья меня заинтересовала. Надо же, подумал я, ходишь тут, ходишь, а рядом с тобой живут такие монстры.

Придя в очередной раз в «Мемориал», я затронул эту тему, после чего, не выходя из архива, смог ознакомиться с разного рода документами, дающими основание полагать, что уважаемый Антон Владимирович, мягко говоря, дезинформирует читателей.

Натяжками, подтасовками и неверным изложением фактов страдает едва ли не каждый абзац его статьи. Но сначала несколько общих соображений. Во-первых, текст статьи чрезвычайно груб. Во-вторых, А.В. Антонов-Овсеенко предпочитает привлекать в качестве свидетелей своей правоты людей уже умерших – например, Р. Пименова и А. Адамовича, которые якобы поведали ему нечто такое, чего прежде не говорили никому. Принцип, в общем-то, стар, как мир, – покойники уже ничего возразить не могут. Следует также отметить, что эти люди, упомянутые г-ном Антоновым-Овсеенко как хулители «Мемориала» и его руководства, до последнего дня своей жизни активно участвовали в его работе.

Первую часть своей статьи г-н Антонов-Овсеенко посвящает нападкам на ныне покойного Л.Э. Разгона. Это реакция на нелицеприятное высказывание М.М. Кораллова об отце автора – В.А. Антонове-Овсеенко. А Кораллов близко знал Льва Эммануиловича... Поэтому можно сказать, что в этой части статьи есть два главных героя – сугубо положительный В.А. Антонов-Овсеенко и полностью отрицательный Л.Э. Разгон.

Понятно, что никому не нравится читать резкие отзывы о своих родителях. Однако г-н А. Антонов-Овсеенко зачем-то объединил в своем ответе два противоположных стилевых приема – панегирик и инвективу. Если судить по приводимой им характеристике, то странно, что у его отца, пламенного революционера, рыцаря без страха и упрека, не выросли крылья. Однако с небес на землю нас вполне может возвратить одна весьма интересная бумага. Это – подписанный тов. Антоновым 11 июня 1921 года на пару с М.Н. Тухачевским приказ, предусматривавший немедленный расстрел без суда для граждан, «отказывающихся называть свое имя»; то же предусмотрено и для заложников. Велено там также «в случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье». Кроме того, семьи, укрывавшие родственников или имущество бандитов, сами объявлялись бандитами и тоже подлежали расстрелу. И т.д. А.В. Антонов-Овсеенко предпочитает лишь глухо упомянуть о моральной ответственности отца, меркнувшей перед степенью ответственности партии большевиков. Расписан при этом его выдающийся гуманизм. Только улыбку может вызвать неуклюжая попытка представить В.А. Антонова-Овсеенко непричастным к репрессиям 1930-х, когда он занимал в 1934 – 1936 годах пост прокурора РСФСР...

Употребив всю белую краску для своего отца, черной автор предпочел облить Л. Разгона, припомнив ему службу в НКВД до ареста. (Достоверны ли сведения?) И работу нарядчиком в лагере. Это, мол, и выводит его «из круга достойных уважения» (то ли дело – прокурор).

Вообще-то, г-н Антонов-Овсеенко мог бы вспомнить, что до самой своей смерти Л.Э. Разгон был членом президентской комиссии по помилованию, куда людей даже с малейшим пятном на репутации просто не пустили бы. Но об этом он предпочитает не вспоминать. На самом деле Лев Эммануилович – что общеизвестно – неизменно пользовался любовью и величайшим уважением друзей, соратников, читателей. Для этого были все основания.

Бо́льшая часть статьи посвящена, впрочем, не столько Л. Разгону, сколько обществу «Мемориал» и якобы имевшим место злодеяниям его руководителей, которые именуются не иначе, как «самозванными», «мстительными заправилами». Специально для читателей поясню – все руководство в «Мемориале» выборное. Многие из этих людей – и особенно ненавидимые А.В. Антоновым-Овсеенко председатель российского «Мемориала» С.А. Ковалев и председатель правления международного «Мемориала» А.Б. Рогинский – в свое время провели немало времени в советских политических лагерях, куда попали не потому, что были детьми

репрессированных важных чиновников, а потому, что предпочли достаточно сытому и комфортному существованию – инакомыслие и жизнь не по лжи.

Картина жизни «Мемориала» представлена в самых черных красках: «молодые функционеры» захватили дом, выделенный «Мемориалу», и не замечают последних оставшихся в живых узников ГУЛАГа. Разгромили кабинет сопредседателя «Мемориала» В. Лебединского, расхищают гуманитарную помощь, устраивают комбинации с квартирами, ездят отдыхать на Соловки, куда не приглашают переживших соловецкий ад эзков и пр. Выглядит устрашающе.

Начнем с дома. Воображению читателей, конечно, сразу же представится гигантская махина. Спешу разочаровать – речь идет о весьма компактном двухэтажном здании с подвалом, где все сидят по принципу «один стол – два человека». Так что никакого кабинета В. Лебединского мемориальцы разорить не могли. Впрочем, сам г-н Лебединский – личность весьма примечательная. В 1947 и 1961 годах он был осужден за кражи и бандитизм. В конце 1980-х, в бурную эпоху создания «Мемориала», Лебединский явился туда и, представившись бывшим политэком, вступил в эту организацию. Очень скоро благодаря своей недюжинной энергии он стал сопредседателем Московского мемориала. Но 26 сентября 1991 года в «Мемориал» поступило письмо из Верховного Суда СССР, из которого явствовало, что г-н Лебединский подделал справку о реабилитации. Совет объединения политрепрессированных немедленно исключил его из членов общества.

Что до обвинений в растратах, то в 1992 – 1993 годах «Мемориал» проверяли люди из ГУВД Москвы и специальной комиссии Моссовета. В одном из архивных дел аккуратно подшит ответ московского ГУВД от 5 мая 1992-года, согласно которому данные о растратах и т.п. «не нашли подтверждения».

Вопрос о поездках на Соловки тоже весьма интересен. Г-н Антонов-Овсенко, видимо, искренне полагает, что на острове воздвигся пятизвездочный отель, где мемориальцы и «жируют». Разочарую. Судя по словам моих знакомых, с «Мемориалом» никак не связанных, любые «звезды» будут добираться до Соловецкого сервиса очень, очень долго. А «молодые мемориальцы» – в большинстве своем социальные волонтеры, ухаживающие за пожилыми людьми, едут на острова не столько любоваться красотами природы, сколько помогать пожилым соловчанам. Кстати сказать, многие из «ветеранов» сами не рискуют ехать на Соловки по весьма прозаической причине – медицина на Соловецких островах в аховом состоянии, и человек может просто умереть до прибытия врача с Большой земли.

К вопросу о невнимании к старикам. Каждую неделю по средам в «Мемориале» проходят собрания репрессированных. Мемориальская газета «30 октября» публикует воспоминания выживших жертв ГУЛАГа, поздравляет людей с днями рождения. Распределяется поступающая из-за рубежа гуманитарная помощь. Кроме того, жертвам ГУЛАГа помогают специалисты центра «Сострадание», основанного в 1989 году как медицинская группа московского общества «Мемориал». Антонов-Овсенко, конечно, может высокомерно заявлять о том, что он впервые слышит о существовании такого центра. Однако судя по имеющимся в Интернете данным, за годы деятельности центра «Сострадание» была оказана помощь восьми с лишним тысячам престарелых пациентов, врачи программы ежемесячно консультировали на дому около пятисот человек.

Отдельную вспышку ярости у г-на Антонова-Овсенко вызывает научная деятельность общества. Говоря о выпускаемых «Мемориалом» Книгах памяти – громадных списках жертв репрессий, – он негодует, что рядом с именами жертв стоит имя Фриновского, «этого оберпалача, особо доверенного подручного Сталина и Берия». Однако наш великий историк в очередной раз сел в лужу, забыв, что как раз Берия арестовал и расстрелял Фриновского, ушедшего из НКВД вместе с Ежовым. Возмущает его и то, что в мартирологе статья о его отце «напоминает справку из ЖЭКа»: нет фотографии, полного послужного списка и шести псевдонимов.

Разумеется, если исключать из этих книг тех, кто сначала сам репрессировал, а потом, в свою очередь, сделался жертвами репрессий, надо будет неизбежно вычеркнуть папу Антона Владимировича. Кроме того, Книги памяти по определению включают всех реабилитированных погибших – от крестьянина до члена Политбюро. Что же касается «Расстрельных списков», то там ситуация очень простая – основой для этой книги послужили карточки, предоставленные ФСБ, где указывался лишь самый необходимый минимум сведений, в том числе и последняя должность на момент ареста. Можно, конечно, было начать готовить академическое издание, учитывая псевдонимы, карьеру и пр. Но в этом случае из печати не вышло бы ни одного тома, и родственники многих погибших так и не узнали бы, где лежат их отцы, деды, матери и бабушки, братья и сестры...

После прочтения статьи и названных выше документов невольно возникает вопрос – что же худого сделали «мемориальцы» А.В. Антонову-Овсенко? Из разговоров, архивных материалов и газетных публикаций постепенно сложилась следующая картина. Когда в 1988-м возник «Мемориал», некоторые выжившие дети казненных высших партфункционеров решили, что пришел наконец-то их час и они хотя бы на старости лет смогут понежиться в лучах славы и поруководить организацией. При этом узниками и пострадавшими от советского режима они считали только себя, оставляя за бортом остальных. Однако очень скоро приоритеты у властей поменялись и, естественно, никакой поддержки «сверху», на которую они рассчитывали, эти люди не получили. Кроме того, мне неофициально рассказывали, что когда «Мемориалу» дали один из первых крупных грантов, Антонов-Овсенко немедленно потребовал себе личный компьютер, а после вполне обоснованного отказа создал свою карликовую организацию с пышным названием и занялся хулением своих противников всюду, где только возможно.

Самое интересное, что тогда, каких-то 9 лет назад, Антонов-Овсеенко в статье «Интересы есть. Нет Наполеона» упомянул Л. Разгона в числе «замечательных личностей», якобы порвавших с «Мемориалом».

Л. Разгон, как, впрочем, и большинство упомянутых в той статье, не обратил внимания на грубую лесть и продолжал сотрудничать с «Мемориалом». Вот тогда-то и появилась открытая брань, и слова о «двойном предательстве арестантского братства», и возмущение тем, что именно С. Ковалев и Л. Разгон представляли «Мемориал» как эксперты в Конституционном суде во время знаменитого «дела КПСС» (хотя это было инициативой не с их стороны, а со стороны судьи-докладчика по этому делу А.Л. Кононова).

Еще одна причина озлобленности г-на Антонова-Овсеенко – нежелание мемориальцев признать гениальность его трудов и особенно книги «Портрет тирана». Впрочем, отказывается это сделать и большинство профессиональных историков и публицистов. В качестве примера можно привести мнение Р. Пименова, которого А.В. Антонов-Овсеенко берет в союзники. Оно было опубликовано в самиздатском сборнике «Сумма» в начале 1980-х. «[Автор], не заботясь об исторической объективности и не претендуя на беспристрастность... В основном книга является пересказом уже известных в литературе фактов. Концептуально противоречива». Еще одно мнение, принадлежащее А. Ваксбергу: «Ни один факт, сообщенный Антоновым-Овсеенко, не может быть принят без самой тщательной проверки» (А. Ваксберг. «Нераскрытые тайны»). Бегло просмотрев труд А.В. Антонова-Овсеенко издания 1994-го года (когда уже не было препятствий для проверки фактов), я тоже обнаружил в ней немало фактических ляпсусов. Словом, книгу скорее можно охарактеризовать как собрание анекдотов и легенд, ходивших в кругах старых большевиков...

Напоследок – маленький штрих из политической биографии Антонова-Овсеенко новейших времен. Когда в марте 1995 года Госдума отрешила от поста Уполномоченного по правам человека С. Ковалева, Антонов-Овсеенко отправил в адрес Госдумы радостное письмо и предложил в качестве одной из самых подходящих кандидатур на пост Уполномоченного штангиста Ю. Власова. Для тех, кто забыл: к этому моменту известный спортсмен заделался не менее известным антисемитом, а менее чем через год выставил свою кандидатуру на президентских выборах при поддержке ультранационалистов.

Èàé yòî ääëàòîÿ â Î ääîä

*Î àðëÿ Ààèèíà
Ï ðéòíàèéí äéÿ Àäääííà
Ï.: Óàèòò,
2002. — 157 ñ*

Ï àòð Èäàííòéí

Время перемен всегда застаёт человека врасплох; зачастую оно еще обнажает его подлинную сущность. События последнего десятилетия XX века для многих в бывшем СССР стали драматическими: люди интеллектуального труда, например, резко ощутили свою ненужность и были поставлены перед выбором – или умереть, или примириться с действительностью, стать такими, как все. О чем и написана повесть Марии Галиной «Покрывало для Аваддона». Это веселая фантазмагорическая повесть, но, посмеявшись вволю, мы испытываем чувство тревоги из-за того, что не обладающие достаточной твердостью духа люди так легко становятся игрушкой потусторонних сил. Когда мы впервые встречаемся с главными героинями на страницах повести, то и не подозреваем, что имеем дело с образованными и учеными дамами, а не с одесскими маргиналами. Даже обращаются к ним пренебрежительно – а ведь они далеко не барышни. Их судьбы сами по себе ничем не примечательны, в постсоветской империи можно насчитать тысячи людей с несложившейся жизнью. Да и с чего бы она у них сложилась? Высшее образование они получали главным образом потому, что это было престижно. Остальное – откуда придется. Правда, Ленка все-таки до сих пор посещает литературные вечера и сама пишет стихи; однако ей систематически присылают их обратно в конвертах всевозможные редакции. Разговор героинь «о высоких материях», затеянный от скуки, выдает их общий уровень одной фразой Ленки о том, что Кабала – «это что-то вроде инструкции по решению кроссвордов». И все же, несмотря на очевидную иронию автора, в ограниченности и приземленности их не упрекнешь, в умении вести остроумную беседу им не откажешь. Безусловно, интерес доцента Августы к покойному математику и мудрецу Гершензону продиктован соображениями отнюдь не мистического или научного характера: уход за могилами эмигрантов стал для Ленки и Августы единственным способом выжить. Однако найти родственников математика и содрать с них деньги, установить его личность и род бывших занятий оказывается не такой простой задачей. Казалось бы, проще на него плюнуть и спокойно обихаживать другие могилы. Но кто же таинственный обитатель этой? Чего ему не хватало? Как мог решиться наложить на себя руки человек, вычисливший имя Б-га и обретший могущество?

Словно взятые напрокат из фильма ужасов, события разворачиваются с невероятной быстротой. Из могил встают образующие Совет Десяти мертвецы и пытаются схватить тех, кто разбудил дух почившего Гершензона, который, обратившись уже в дух мщения Голем, по всему городу гоняется за Ленкой и Августой. Так же как и в романах выдающегося израильского писателя Агнона, события реальной жизни получают мистическое наполнение, сатирический гротеск приобретает оккультную окраску.

Среди пострадавших от духа мщения оказывается и глава местной мафии Зяма, вообразивший себя после поездки в Израиль Мессией, и художник-авангардист Василь Макогоненко, положивший в основание своей замысловатой конструкции взятые с могилы камни. Таким образом, преодоление границы между ушедшим и настоящим дорого обходится героям. Наконец магическое слово (имя Б-га) собрано, нужная комбинация букв найдена. Теперь мятежный дух Гершензона будет покоиться с миром. После этого Ленка решительно замазывает плиту. Шанс осмыслить свое прошлое и изменить отношение к жизни героинями в итоге отвергнут... Отсутствие в книге примечаний, комментирующих всевозможные кабалистические понятия и библейские реалии, является, к сожалению, ее недостатком. Ведь у героинь и недоумение, и растерянность рождают желание почерпнуть необходимые сведения из ценных источников.

Конечно, цикл колоритных и красочных новелл из одесской жизни («Курортная зона»), чем-то напоминающих рассказы Бабеля, дает нам возможность отвлечься и посмеяться. Но и тут делается грустно оттого, что обитатели Одессы уезжают, и прежний мир города с его обычаями, языком и нравами, подобно Праге Густава Майринка, канет в небытие.

ÒĬ × Í Ĭ Â ÇÄÐËÄËÄ

Дина Рубина.
Глаза героя
крупным планом.
М.: Вагриус,
2002. — 240 с.

Äëäëñĭ äð Ñëĭ äëññ äëñä

Новая книга писательницы состоит из двух повестей. У них единый сюжет, однако связь между двумя его частями ощущается не сразу; помогает, конечно, тот самый крупный план, которым показан их общий герой. Точнее – героиня. В ней легко угадывается автор. В первой части она еще в своем родном Ташкенте, во второй – уже в Иерусалиме, который стал для нее даже более родным. Почему произошло это перемещение, автор не объясняет. Но надо ли объяснять? Имя тем, кто пережил нечто подобное, если не легион, то уж миллион наверняка. И далеко не все могут объяснить даже самим себе, почему они так круто изменили свою судьбу. Героиня Рубиной, вероятно, может. Но зачем? Пусть лучше читатели сами обо всем догадаются. Так гораздо интереснее.

Откуда это название? В обеих частях книги присутствует зеркало, в которое смотрится героиня и видит – естественно, крупным планом – свои очень еврейские глаза. Иногда печальные, иногда не слишком. И ни одного взгляда, ни одного слова – без той иронии, которая, мне кажется, свойственна только евреям. Невозможно дать математически точное определение английского, французского, армянского, еврейского и любого другого юмора. Однако представителям этих и всех других народов (за исключением людей, лишенных чувства юмора, коих в любой нации немало) и без того – я, по крайней мере, так считаю – ясно, чем их национальный юмор отличается от всех остальных.

В клубе еврейской творческой интеллигенции «Ковчег», который нередко посещает и сама Дина Рубина, идут бесконечные дискуссии о том, что такое еврейская литература. Может ли она создаваться не в Израиле, а в других странах и на других языках, кроме иврита, идиша и прочих языков, называемых еврейскими? Одна из точек зрения по данному вопросу состоит в том, что еврейский писатель – это еврей, который пишет на любом языке, но пишет о евреях, причем в расчете на еврейских же читателей. Я бы добавил к этому, что и пишет он в особом, еврейском, стиле. Что такое еврейский стиль (как и еврейский юмор) – это я, как собака, понимаю, но объяснить не могу. Могу лишь показать на примерах. В том числе на примерах из книги Дины Рубиной. Она, как и другие авторы, которые пишут в этом стиле, обращается к весьма специфическим сюжетам.

Две части книги – два акта спектакля в театре абсурда. В первом – абсурд советский с русско-узбекской окраской, во втором – израильский с окраской русско-еврейской. Между ними много общего. И в обеих частях глядят на этот абсурд, оценивают его еврейские глаза героини, показанные в зеркале, как уже говорилось, крупным планом.

В первой повести («Камера наезжает») героиня пишет сценарий фильма для узбекской киностудии. Много повидавшая в жизни «величественная красавица лет семидесяти» Фаня Моисеевна реагировала на этот сценарий следующим образом: «Неплохо, неплохо. Только вот герой на “Узбекфильме” не должен быть евреем». Еще до этого сценаристу доходчиво объяснили, что и режиссер фильма тоже не должен быть евреем. По этой причине на сцене появляется единственная тогда в республике режиссер-узбечка (на самом деле – татарка) Анжелла Фаттаховна, участие которой в сценарии сводится к идеологической правке, меняющей смысл многих эпизодов на диаметрально противоположный или лишающей их всякого смысла вообще. Наша героиня уже смирилась с тем, что ей самой пришлось остаться на втором плане. А за своего героя она даже не обиделась. Она просто удивилась: «С чего вы взяли, что он еврей?»

«Еврей! – воскликнула Анжелла радостно, как ребенок, угадавший разгадку... – Ну, конечно, яврей, то-то я чувствую, чего-то такое...» «Помилуйте, это прет из каждой фразы». – Фаня Моисеевна снисходительно и по-родственному улыбнулась мне.

Так из каждой фразы этой книги (да и других книг и рассказов Дины Рубиной) видно, что она, хотя и пишет по-русски, всегда была еврейским писателем – не только в Иерусалиме, но и в Ташкенте, и в Москве. Хотя пишет не только для евреев и не только о евреях. В первой повести большинство персонажей – не евреи. Характеры Анжеллы, ее сына Маратика и даже столь экзотической личности, как венгерский граф Ласло, описаны не менее убедительно, чем характеры Фани Моисеевны и родителей самой героини. Она пишет с явной антипатией о многих евреях и нередко с большой симпатией – о неевреях. Например, об узбеках. Она находит положительные черты не просто у отдельных людей, но и у целых групп представителей рода человеческого, которые принято считать «негативными». Например, во второй части дилогии («Во вратах твоих»), где действие происходит в Иерусалиме, она рассказывает о своем старом знакомом – пьянице, который всегда помогал ей всем, чем мог: «Гриша жил сразу в нескольких местах, вернее, ему негде было жить совсем. Будучи, как многие пьющие люди, человеком редкостного благородства, он оставил бывшей жене и детям

прекрасную квартиру в центре Иерусалима, за которую до сих пор выплачивал долг банку – чуть ли не половину своей зарплаты».

Читая это, многие люди вспомнят, наверное, и других пьяниц, все оставивших бывшим женам и ставших бомжами. То, что редкостное благородство встречается у многих пьющих, почему-то не кажется абсурдным. И тезис сей нельзя списать на парадоксальное мышление, столь часто приписываемое евреям. Это ее, Дины Рубиной, собственное видение мира и людей. Глаза героини выхватывают из общей картины мира прежде всего типично-парадоксальные ситуации, в которые, при всей их абсурдности, попадают разные люди в разное время и в разных странах – в Узбекистане, в России, в Израиле. Эти ситуации легко обнаружить почти в любом месте книги. Давайте откроем ее на странице 46.

«Однажды моя сокурсница, вернувшись из Москвы и с упоением рассказывая об экскурсии на Новодевичье кладбище, добавила со вздохом белой зависти: “Какие люди там лежат! Нас с тобой там не похоронят”.

Дома за ужином я пересказала ее впечатления, не забыв и последнюю фразу, на мой взгляд, довольно смешную. Папа вдруг изменился в лице и, приподнявшись из-за стола, будто собирался произнести тост, воскликнул:

– В таких случаях говорят только за себя! Ее, конечно уж, на Новодевичьем не похоронят. А тебя – похоронят! – закончил он торжественно, с громадной убежденностью».

Конечно, многие еврейские родители хотят, чтобы их детей признали вундеркиндами. Но чтобы в такой форме?!

Похоронно-тюремный, хотя отнюдь не черный, юмор вообще характерен для Дины Рубиной. В Израиле героиня устраивается на работу в издательскую фирму «Тимак», находящуюся в здании, напоминающем ей нечто среднее «между тюрьмой усиленного режима и курятником». Аналогия не случайна, поскольку еще в Узбекистане действие ее сценария происходило частично в тюрьме и эту тюрьму ей пришлось посетить. Впечатления от визита выражены фразой: «Прогулочный двор тюрьмы представлял собой нечто среднее между декорацией к модернистскому спектаклю и одной из тех гигантских постмодернистских инсталляций, которые в западном искусстве вошли в моду лет через пять». Что же первично для автора: модернизм или постмодернизм?

Первична для нее абсурдность жизненной ситуации. В фирме «Тимак» ей сразу же поручают отредактировать текст, предназначенный для русскоязычных репатриантов: «Неотъемлемым правом каждого гражданина Израиля является право быть похороненным за счет государства в течение 24 часов. Если вы желаете быть похороненным рядом с супругом (гой), следует заблаговременно заявить об этом не позднее чем за тридцать дней до похорон». Наша героиня мучается, пытаясь переделать этот текст таким образом, чтобы у людей не сложилось мнение, что помирать надо в течение 24 часов по прибытии в аэропорт Бен-Гурион, иначе придется самим оплачивать свои похороны, а им это явно не по карману.

Автора привлекают персонажи, хоть в чем-то да оригинальные. Граф Ласло говорит с каким-то странным акцентом, совершает всевозможные чудачества и периодически переходит из одной религии в другую. В Израиле еврейский ортодокс Яша из фирмы «Тимак» носит невозможную (по словам автора) для таких людей фамилию Христианский. Впрочем, не такую уж и невозможную, если учесть, что фирма издает, в числе прочей, также и реформистскую литературу. А ведь ортодоксы любят евреев-реформистов не больше, чем выкрестов. Если бы поступил выгодный заказ от «Евреев за Иисуса», неужели этот Яша уволился бы из фирмы, чтобы не пропагандировать их взгляды?

Каких бы странных людей ни описывала Дина Рубина, какие бы невероятные ситуации они ни создавали для себя и других, в том числе и для ее героини, всегда складывается впечатление, что все это действительно было или по крайней мере могло быть. Она находит свою прелесть в нелепых и не всегда радующих взор явлениях жизни – лишь бы они создавали почву для тонкой иронии. Особенно когда речь идет о жизни в столь родном теперь для нее Израиле, пусть далеко не сладкую и всегда непредсказуемую. Последнее лучше всего сказалось в заключительных строчках книги:

«Словом, из моего окна видно кладбище, где я когда-то буду лежать.

Ну что ж, “похоронена в Иерусалиме” – это звучит нарядно.

Это красиво, черт возьми.

Это вполне карнавально».

Мне лично кажется, что так написать может лишь человек, который очень любит жизнь и очень любит Иерусалим.

ÇÄÄÑÛ ÒÄÏ ÄÐÛ ÄÑÄ Ì Î-ÄÐÓÄÏ Î Ó

ÄäÏ ää Ì ääÏ ää

Как-то поздним теплым июльским вечером, через неделю после того, как Уолли Маллеина выпустили из больницы на Уэлфэр-Айленд, он бродил по району, где жил когда-то, в поисках ночлега. Сначала он проверил магазины на Главной улице, но они все, даже кондитерская на углу, оказались закрыты. Входные двери были заперты, на дверях подвалов висели замки. Он заглянул в витрину парикмахерской и пожалел, что пришел слишком поздно, потому что мистер Давидо обязательно разрешил бы ему переночевать в одном из кресел в зале.

Он прошел мимо магазинов на Главной улице еще квартал и повернул на Третью улицу, застроенную рядами каркасных домов. Где-то посередине он перешел на противоположную сторону и свернул в проулок между двумя старомодными каркасными домиками. Он проверил гаражные ворота, но и они были заперты. Выйдя из проулка, он заметил автомобиль с белым верхом, медленно ехавший с притушенными фарами по улице вдоль самого тротуара, в тени деревьев. Нырнув обратно в проулок, он спрятался во дворе под деревом и с тревогой ждал, пока полицейская машина проедет дальше. Если бы она остановилась, он бы убежал. Добрался бы, перелезая через заборы, до двора матери на Четвертой улице, только очень уж ему этого не хотелось. Через пять минут Уолли тихонько вышел из проулка и быстро пошел по улице. Он хотел проверить подвалы домов, но боялся, что хозяева проснутся и примут его за вора. Они вызовут полицию, и ему, как всегда, повезет – наверняка за рулем одной из патрульных машин окажется его братец Джимми.

Всю ночь Уолли рыскал по округе – по Четвертой улице, потом по Пятой, потом парком от кладбища до железнодорожной ветки, проходившей параллельно проспекту в квартале от него. Ему пришло в голову заночевать в павильоне одной из станций БМТ*, но пятицентовика у него не было, так что это отпадает. Угольный склад у железнодорожного тупика – тоже: там дежурил сторож. В пять часов, устав шляться, он снова свернул на Четвертую улицу и встал под деревом напротив дома матери. Он хотел забраться в подвал и поспать там, но подумал о Джимми и о своей сестре Агнессе, и подумал: а ну их к черту.

Уолли медленно побрел по Главной улице к станции надземки и, стоя на углу, смотрел, как рассветает. Серый свет разливался по утреннему небу, и по тихим улицам ползли теплые рассеивающиеся тени. На Уолли накатила тоска. Все с виду вроде такое же, но только с виду. Он подумал о приятелях, которые уже умерли, о Винсенте Давидо, сыне парикмахера, исчезнувшем еще до войны, о том, что сам он уже сколько лет не переступал порог родного дома, и ему захотелось плакать.

*** БМТ – линия метро «Бруклин-Манхэттен».**

Перед магазином деликатесов стояла пустая коробка из-под молока. Уолли протащил ее по тротуару и, прислонив к опоре станции надземки, оперся на нее спиной. Он устал, но засыпать не хотел: скоро на станцию потянется народ, вдруг он увидит кого знакомого. Он подумал, что если встретит двоих-троих знакомых, они, может, дадут центов пятьдесят, этого хватит на пиво и яичницу с ветчиной.

Перед самым восходом солнца Уолли заснул. Люди покупали на лотке газеты и, поднимаясь по лестнице на станцию, замечали его. Помнили его немногие. Толстый мужчина в сером костюме стоял на углу и с отвращением наблюдал за тем, как Уолли спит, – он его узнал. Уолли сидел, придавив грузным телом картонную коробку, прислонив голову к опоре и открыв рот. Его соломенные волосы были зачесаны назад. Лицо красное и чумазое, отвислые небритые щеки. Одет он был в лоснившийся от грязи коричневый костюм, черные ботинки, давно не стиранную рубашку с замызганным коричневым галстуком.

– Этот сукин сын не просыхает, – сказал толстый мужчина человеку, вышедшему из кондитерского магазина, чтобы собрать монеты с газетного лотка. Хозяин магазина кивнул.

В восемь часов поливальная машина, свернувшая со Второй улицы, с шумом покатила по проспекту, извергая из своего металлического брюха две веерообразные струи воды. Вода пенилась на раскаленном асфальте, и в воздух поднимались столбы водяной пыли. Когда машина стала разворачиваться у станции надземки, облако прохладного тумана осело на потном лице Уолли и он проснулся. Судорожно огляделся по сторонам, понял, что это не Джимми, и страх отступил.

День выдался влажный и изнурительно жаркий, и у Уолли разболелась голова. В животе урчало, во рту стоял кислый привкус. Ему хотелось есть, но в кармане не было ни цента.

Мимо него шли на работу люди, Уолли вглядывался в их лица, но тех, кого знал, не увидел. Просить деньги у незнакомцев он не любил. Когда человека знаешь – совсем другое дело. Он заглянул в витрину кондитерского магазина – там были часы – и, увидев, что уже восемь двадцать пять, расстроился. Опыт у Уолли был большой, и он понял, что лучшие шансы упустил. Те, кто работает на фабриках и в магазинах, прошли рано утром, конторские служащие – их служба начиналась часом позже – тоже. Оставались только случайные прохожие да домохозяйки, отправившиеся за покупками. С них много не получишь. Уолли решил, что еще подождет и, если вскорости никто не подвернется, пойдет в овощную лавку, спросит там, нет ли у них каких-нибудь фруктов на выброс.

В половине девятого мистер Давидо, живший в квартире над кулинарией, вышел из дому и пошел открывать свою парикмахерскую на противоположной стороне улицы. Вид стоявшего на углу Уолли его

потряс. Как странно, подумал он, если видишь то, что вроде бы было здесь всегда, кажется, все снова как прежде.

Парикмахер – маленький смуглый человек лет под шестьдесят. Его курчавые волосы поседели, он носил старомодное пенсне на черном шнурке. Руки у него были короткие и крепкие, с толстыми пальцами, но он очень ловко ими орудовал. Клиенты знали, как скоро работают эти короткие пальцы, когда нужно побыстрее закончить стрижку. Если спешки не было, мистер Давидо работал медленно. Иногда он стриг кого-нибудь, и человек, взглянув в зеркало, вдруг замечал, что парикмахер отрешенно смотрит в окно, губы его сжаты, а в глазах – тихая грусть. Минуту спустя он вскидывал брови, вновь принимался за стрижку, и его короткие толстые пальцы, чтобы нагнать время, порхали с удвоенной быстротой.

– Эй, Уолли! – воскликнул он. – Ты где прятался? Давненько ты здесь не показывался.

– Я болел, – ответил Уолли. – В больнице лежал.

– Небось, так и пьешь эту отраву, виски?

– Да нельзя мне больше пить. Диабет у меня. Взяли анализ крови, говорят – диабет.

Мистер Давидо сокрушенно покачал головой.

– Ты уж себя береги, – сказал он.

– Мне туго пришлось. Едва гангрену не заработал. С гангреной ноги вообще ампутировать.

– Как же так случилось, Уолли?

– Да это все с тех пор, как меня мой братец Джимми отдубасил. У меня ноги и распухли. Врач сказал – чудо, что гангрена не началась.

Говоря это, Уолли смотрел на улицу. Парикмахер поймал его взгляд.

– Ты уж лучше держись от брата подальше.

– Я начеку.

– И здесь, Уолли, постарайся не показываться. Брат же сказал тебе, что ему не нравится, когда ты здесь крутишься. Нынче, Уолли, всякой работы полно. Нашел бы себе что-нибудь, комнату бы снял.

– Да, я как раз собираюсь куда-нибудь пристроиться.

– Каждый день надо искать, – сказал парикмахер.

– Буду, – ответил Уолли.

– Ты не откладывай. Сходи в бюро по трудоустройству.

– Пойду, – сказал Уолли. – Только сначала мне надо кое с кем встретиться. Столько появилось незнакомых лиц. Здесь все теперь по-другому.

– Это да, – согласился парикмахер. – Одиноких почти не осталось. Это я по парикмахерской замечаю. Женатые мужчины в отличие от холостых бриться не ходят, только стричься. Они себе электробритвы покупают. А одинокие – те молодчаги!

– Сдается мне, тут все либо умерли, либо переженились, – сказал Уолли.

– Ушли на войну, кое-кто не вернулся, а многие переехали.

– От Винсента ничего не слышно? – спросил Уолли.

– Ничего.

– Я подумал, дай-ка спрошу.

– Ничего, – повторил парикмахер. Они помолчали с минуту, и он сказал: – Ты заходи попозже, Уолли. Я тебя побрею.

– Когда?

– Попозже.

Уолли проводил взглядом мистера Давидо, который пересек улицу и, миновав аптеку и прачечную, остановился перед парикмахерской. Прежде чем зайти внутрь, он достал из кармана жилета ключ и завел крутящуюся вывеску. Столбик, раскрашенный красными, белыми и синими спиралями, завертелся.

Мимо прошли мужчина с женщиной, и Уолли показалось, что мужчина знакомый, но тот прошел, опустив глаза, мимо, и Уолли посмотрел ему вслед с презрением.

Ему надоело глазеть на прохожих, и он побрел к газетному лотку – почитать заголовки. Мистер Марголис, хозяин кондитерской, вышел и забрал мелочь.

– Вы что, думаете, я ваши вонючие гроши стащу? – обиделся Уолли.

– Позволь уж мне перед тобой не отчитываться, – сказал мистер Марголис.

– Какого черта я еще ходил в твою забегаловку!

Мистер Марголис побагровел.

– Ты, смутьян, убирайся отсюда! Давай, уматывай! – заорал он, маша руками.

– Вот психованный!

Чья-то тяжелая рука схватила Уолли за плечо и развернула. На мгновение у него от ужаса потемнело в глазах и подкосились ноги, но, увидев, что это его старшая сестра Агнесса, а рядом – мать, он приосанился – будто это не он перепугался.

– Ты что тут вытворяешь, пьянь паршивая? – Голос у Агнессы был зычный.

– Ничего я не делал.

Мистер Марголис видел, как менялся в лице Уолли.

– Ничего он не делал, – сказал он. – Просто лоток загоразживал – людям не подойти.

И он удалился к себе в магазинчик.

– Тебе ж велели держаться отсюда подальше, – проскрипела Агнесса. Она была высокая, рыжая, могучая. Широкие плечи, огромные груди, расправившие желтое платье.

– Да я просто тут стоял.

– Агнесса, кто это? – спросила мать, прищурившись сквозь толстые стекла очков.

– Это Уоллес, – с отвращением сказала Агнесса.

– Мам, привет, – сказал Уолли тихо.

– Где ты пропадал, Уоллес?

Миссис Маллеин была полная женщина, огромный живот, сутулая спина. Сквозь редкие седые волосы, забранные двумя янтарного цвета гребнями, просвечивала розовая кожа. Она подслеповато моргала – это было видно даже сквозь очки – и крепко держалась за локоть дочери, боясь нечаянно на что-нибудь наткнуться.

– Я, мама, в больнице был. Меня Джимми избил.

– И поделом тебе, алкаш проклятый! – сказала Агнесса. – Сам во всем виноват. Джимми столько раз тебе деньги давал, чтобы ты пошел в бюро, нашел работу, а ты их тут же пропивал.

– Депрессия же была. Не мог я найти работу.

– Хочешь сказать, после того как из БМТ тебя выперли за то, что ты монеты из автоматов на скачках просадил, тебя брать никто не хотел?

– Да заткнись ты!

– Ты позоришь и мать, и всю семью. Хоть бы совесть поимел – держался бы отсюда подальше. Достаточно мы из-за тебя натерпелись.

Уолли сменил тон.

– Я болен. Доктор сказал – у меня диабет.

Агнесса промолчала.

– Уоллес, – спросила мать, – ты мылся?

– Нет, мам.

– Обязательно надо помыться.

– Негде мне.

Агнесса схватила мать под руку.

– Я веду твою мать в глазную больницу.

– погоди, Агнесса, – сказала миссис Маллеин раздраженно. – Уоллес, на тебе чистая рубашка?

– Нет, мам.

– Зайди домой, переоденься.

– Джимми ему ребра переломает.

– Ему нужна чистая рубашка, – настаивала миссис Маллеин.

– У меня лежит одна в прачечной, – сказал Уолли.

– Так забери ее, Уоллес.

– Денег нету.

– Мам, не давай ему никаких денег. Он все равно их пропьет.

– Ему обязательно нужна чистая рубашка.

Она открыла портмоне и стала рыться в отделении для мелочи.

– На рубашку нужно двадцать центов, – сказала Агнесса.

Миссис Маллеин разглядывала монетку.

– Агнесса, это сколько центов? Десять?

– Нет, это цент. Давай я найду. – Агнесса вытащила две монетки по десять центов и бросила в протянутую руку Уоллеса.

– Держи, лодырь.

Он пропустил это мимо ушей.

– Мам, а на еду хоть немножко?

– Нет, – сказала Агнесса, подхватила мать под локоть и повела дальше.

– Рубашку смени, Уоллес! – крикнула мать, поднимаясь по лестнице в надземку. Уолли смотрел, как они поднимались вверх, как вошли в павильон станции.

Его мучила слабость, ноги подкашивались. Наверное, от голода, подумал он и решил купить на двадцать центов соленых крендельков и пива. Позже он выпросит в овощной лавке каких-нибудь подгнивших фруктов и попросит у мистера Давидо хлеба. Уолли пошел под мост, к таверне Маккаферти, неподалеку от железнодорожного тупика.

Открыв раздвижную дверь, он заглянул в бар и обмер от страха. В глубине бара стоял его брат Джимми в форме и пил пиво. Сердце у Уолли, пока он закрывал дверь, колотилось как бешеное. Ручка выскользнула из его ладони, и дверь хлопнула. Все, кто был в баре, взглянули на вход, и Джимми успел заметить Уолли.

– Б-же мой!

Уолли уже бежал. Он слышал, как захлопотала дверь, и понял, что Джимми помчался за ним. Он изо всех сил напрягал мышцы большого дряблого тела, но шаги Джимми неумолимо приближались. Уолли

помчался по улице, через железнодорожные пути, на угольный склад. Пробежал мимо людей, грузивших в вагонетку уголь, пронесся по усыпанному гравием двору. Брат несся следом. Легкие у Уолли того и гляди разорвутся. Он хотел спрятаться в угольном сарае, но там его нашли бы обязательно. Судорожно оглядевшись по сторонам, он помчался к куче угля у забора и полез по ней. Джимми его почти настиг, но Уолли сбросил ногой уголь, и он попадал Джимми прямо на грудь, на лицо. Он оступился, выругался, но, выхватив дубинку, полез снова.

Забравшись на верх кучи, Уолли перелез через забор и тяжело рухнул вниз. Ноги у него дрожали, но страх гнал дальше. Перебежав через двор, он неуклюже перепрыгнул через низкий штакетник и выбил плечом покосившуюся дверь подвала. Уголком глаза он видел, как Джимми перелезает через забор угольного склада. Уолли хотел попасть на задний двор кулинарии – оттуда через подвал он мог выйти на главную улицу. Мистер Давидо наверняка даст ему спрятаться в туалете парикмахерской.

Уолли помчался через клумбу в соседний двор, забрался на забор. Потные ладони скользили, и он повалился вперед, зацепившись отворотом штанины за острие штакетины. Руки его были в рыхлой земле, нога висела на заборе. Он вертел ей во все стороны, пытаясь высвободиться. Штанина порвалась, и он полетел на клумбу. Едва вскочив на ноги, он бросился было дальше, но Джимми уже перелез через забор и схватил его. Едва дыша, Уолли повалился на землю и завыл.

– Сволочь! Ублюдок! – орал Джимми. – Я тебе шею сверну!

Он обрушил свою дубинку на ноги Уолли. Уолли взвизгнул и попытался увернуться, но Джимми схватил его и принялся лупить по заду и ляжкам. Уолли пробовал прикрыть ноги руками, но Джимми бил все сильнее.

– Не надо! Не надо! – кричал Уолли, извиваясь под дубинкой брата. – Джимми, прошу тебя! Ноги! Не бей по ногам!

– Паскуда!

– Ноги мои, ноги! – вопил Уолли. – У меня ж гангрена начнется! Ой, ноги мои!

Все тело разрывала боль. Его мутило.

– Ноги мои... – стонал он.

Джимми наконец его отпустил. Утер лицо от пота и сказал:

– Говорил я тебе, держись от этих мест подальше. Еще раз здесь увижу – убью.

Подняв голову, Уолли увидел двух перепуганных женщин, наблюдавших за ними из окна.

Джимми отряхнул мундир и направился к подвальной двери. Открыв ее, он спустился вниз.

Уолли так и лежал среди помятых цветов.

– А почему полицейский его не арестовал? – спросила миссис Вернер, жена хозяина кулинарии.

– Это его брат, – объяснила миссис Марголис.

Он лежал на животе, раскинув руки, прижавшись щекой к земле. Из носа сочилась кровь, но он был так вымотан, что даже не мог шевельнуться. По телу струился пот, спина куртки уже потемнела от влаги. Он даже не мог думать. Потом тошнота отступила, и в голове заворочались ошметки мыслей. Он вспомнил, как они с Джимми детьми играли на угольном складе. Мальчишки с Четвертой улицы катались зимой по снегу с железнодорожного вала. Он вдруг увидел, как стоит тихим летним вечером у кондитерской, на нем рубашка с закатанными рукавами, он курит, болтает с Винсентом и другими парнями – о женщинах, о лучших временах, о бейсболе; они ждут вечерних газет. Он подумал о Винсенте, вспомнил день, когда тот ушел. Это было во времена Депрессии, безработные стояли кучками на углу, курили, жевали жвачку, заигрывали с проходящими мимо девушками. Винсент, как и Уолли, перестал ходить в бюро по трудоустройству, торчал на углу вместе со всеми, курил, сплевывал на тротуар. Прошла девушка, Винсент что-то сказал, и все загоготали. Мистер Давидо видел это из окна своей парикмахерской. Он отшвырнул ножницы и, оставив клиента в кресле, вышел. Лицо его налилось кровью. Он схватил Винсента за руку и со всей силы ударил по лицу. «Мерзавец, – заорал он, – почему ты работу не ищешь?» Лицо у Винсента посерело. Он не сказал ни слова, просто ушел, и больше его не видели. Вот как все было.

Миссис Марголис сказала:

– Он давно уже лежит. А вдруг умер?

– Нет, – сказала миссис Вернер. – Он только что шевелился.

Уолли с трудом поднялся и, пошатываясь, спустился в подвал. Держась за стену, он вышел на улицу перед магазином деликатесов. Уолли пошарил по карманам в поисках двадцати центов, которые дала ему мать, но не нашел их. Тошнота вернулась, ему хотелось сесть где-нибудь и отдохнуть. Он перешел улицу и побрел к парикмахерской.

Мистер Давидо стоял у окна и точил о камень опасную бритву. Когда он утром увидел Уолли, на него нахлынули воспоминания, и теперь он думал о Винсенте. Водя бритвой по заляпанному мылом куску кремня, он взглянул в окно и увидел тащившегося через улицу Уолли. Штаны у него были все в грязи, рваные, лицо в крови. Уолли приоткрыл дверь, но мистер Давидо сказал резко:

– Убирайся отсюда! Ты пьян!

– Честно – нет, – ответил Уолли. – Ни капли.

– А что ж у тебя вид такой?

– Джимми меня поймал, чуть не убил. Ноги, наверное, сплошь в синяках. – Уолли опустился на стул.

– Да, не повезло тебе.

Мистер Давидо дал ему воды, Уолли с трудом сделал глоток.

– Садись в кресло, Уолли, – предложил парикмахер. – Я тебя побрею, ты отдохнешь, в себя придешь.

Он помог Уолли забраться в кресло и опустил его так, что Уолли почти что лежал. Парикмахер обернул ему лицо горячим полотенцем и стал намыливать его подбородок. Щетина была жесткая – видно, Уолли не брился по крайней мере неделю. Мистер Давидо своими ловкими короткими пальцами втирал и втирал пену.

Посмотрев в зеркало, парикмахер подумал, как изменился Уолли. Он вспомнил былые времена, глаза его снова наполнились тоской, он отвернулся и уставился в окно. Он думал о своем сыне Винсенте. Как было бы замечательно, если бы однажды и Винсент вернулся домой, он бы прижал его к груди, поцеловал...

Уолли тоже думал о былых временах. Он вспомнил, как в субботу вечером, перед тем как выйти из дому, смотрелся в зеркало. Тогда у него были пшеничные усы и зеленая шляпа. Он вспомнил свои роскошные костюмы, белую гвоздику в петлице, дорогие сигары.

Он открыл глаза.

– Знаете, – сказал он, – а здесь теперь все по-другому.

– Да, – ответил парикмахер, не отводя взгляда от окна.

Уолли закрыл глаза.

Мистер Давидо посмотрел на него. Уолли дышал чуть слышно. Губы у него были плотно сжаты, по щекам катились слезы. Парикмахер намылил щеки повыше, и пена смешалась со слезами.

1943
Í áðrá Á. Í óðeíáé

Αἴτια ἰατρικὰ πρὸς τὸν ἄνθρωπον

Ἐπιτομή τῆς ἰατρικῆς ἐπιστήμης

Ἐπιτομή τῆς ἰατρικῆς ἐπιστήμης

– Дайте четыре копейки на ночлег...

– Нет! – отвечаю я твердо и уйду.

Он бежит за мной с мольбой в глазах, целует мой рукав – не помогает: мои доходы недостаточно велики для ежедневных подаваний. «Бедняки, – думаю я, выходя из дешевой кухни, где так сухо обошелся с нищим мальчиком, – бедняки скоро надоедают».

Первый раз, когда я увидел это исхудалое и грязное личико с глубокими впадинами под черными, горящими, как уголь, глазками, грустными и умными, у меня защемило сердце. Его просьба словно обожгла меня, и прежде чем он замолчал, пяточок «перелетел» из моего кармана в его ладошку.

Я хорошо помню, что рука моя сама это делала, не спрашивая ни у сердца, ни у рассудка, можно ли при сорока одном рубле и шестидесяти шести копейках месячного жалования подавать пятикопеечную милостыню?

Его голос, как электрический ток, пробежал по моим жилам, я вздрогнул, и контролер-рассудок узнал о новом расходе уже после того, как мальчик, подпрыгивая от радости, выбежал из кухни.

Озабоченный своими и чужими делами, я скоро забыл о нем, но, как оказалось, не совсем. Без моего ведома внутри меня, должно быть, заговорили практические соображения, потому что, когда на следующий вечер тот же самый ребенок с дрожащим голосом снова подошел ко мне и просил на ночлег, откуда-то вынырнула готовая мысль: дескать, семи-восьмилетний мальчик не должен просить милостыню. Не должен торчать на кухне. Остатки, достающиеся ему за уборку посуды, развращают его, делают его убежденным попрошайкой. Таким образом, из него никогда ничего путного не выйдет.

Рука моя опять полезла было в карман, но я заблаговременно настиг ее и придержал. Будь я набожен, я, может, подумал бы: а стоит ли эта доброта нескольких грошей? Нельзя ли взамен помолиться лишний раз или испустить особенно глубокий вздох при молитве? Однако, не будучи набожным, я имел в виду только благо мальчика: своими четырьмя копейками я ведь приношу ему вред. Делаю его вечным побирушкой.

Но я все-таки дал ему денег!

Рука рвалась вон из кармана, в груди отчего-то заболело, глаза сделались влажными. Он опять, радостный, выбежал из кухни, а я почувствовал, что на душе стало легче, почувствовал, что улыбаюсь.

Третий раз я сильнее колебался, гораздо сильнее. Я уже прямо объявил себе, что жалование не позволяет мне тратить ежедневно лишние четыре копейки. Хотя очень приятно видеть, как этот заплаканный, несмелый мальчик подпрыгивает от радости, как зажигаются огоньки у него в глазах, знать, что благодаря моим грошам он уснет не на улице, а в ночлежном доме; там ему будет тепло, и утром еще дадут стакан чаю с булкой... Да, это все было очень приятно, но я, при моих заработках, не имел права позволять себе такие удовольствия! Никоим образом!

Конечно, мальчику я ничего подобного не сказал! Я только прочел ему нотацию; как же без этого?

Я объяснил ему, что попрошайничество портит его. Что каждый человек, а из него тоже должен выйти человек, обязан работать... Работа – святое дело, и, если ищут работу, то ее находят... Я произнес еще несколько таких же правильных, книжных фраз, которые не могли заменить мальчику ни ночлежного дома, ни даже зонтика для защиты от дождя или снега.

Он все стоял и целовал мой рукав и все поднимал глаза вверх, чтобы посмотреть, не промелькнет ли у меня в лице искра сострадания. Или мольбы его – как горохом об стену? А я уже чувствовал, что он надеется не напрасно, что мои холодные слова теплеют, что его просящий взгляд мне не безразличен и что я со всем ворохом своих поучений вот-вот должен буду сдать.

И я рассудил так: дам ему денег, но скажу, раз и навсегда, чтобы больше не просил. Скажу строго и ясно, чтобы запомнил! Мельче пятака у меня в кармане не было, я разменял монету и дал ему четыре копейки.

– На! Но больше – слышишь? – чтоб ты у меня не просил!

Откуда это «у меня» взялось?

Я, кажется, не имел его в виду! Я эти два слова не собирался говорить вслух, я бы охотно теперь проглотил их... Сделалось как-то не по себе, на миг даже опять стало больно в груди, но быстро прошло. Зачем я такое сказал?! Тем временем мое сердитое лицо, металлический голос, укоряюще поднятая рука и широко расставленные ноги сделали свое дело. Я подействовал на мальчика! Топчась на одном месте, мечтая поскорее вырваться из кухни, чтобы пораньше прийти в ночлежный дом, он от моих слов становился все бледнее и бледнее; вот уже и слеза задрожала у него на ресницах.

– Только больше не попрошайничать, – закончил я свою проповедь. – Понял? Это в последний раз!

Мальчик вздохнул и убежал.

Стало быть, сегодня он ничего не получил...

Обещание я сдержу; на свои слова я не кладу запрета, но слово у меня – закон. Я держусь его крепко – иначе никогда и ни в чем толку не будет.

Я еще раз обдумываю то, что сказал и сделал. И остаюсь собою доволен.

Ежедневно давать четыре копейки мне и вправду не под силу, но все-таки не в этом суть, а в том, что я имел в виду его же благо, а вместе с ним и благо общества! Потому что благотворительность без строгого порядка никуда не годится, а какой может быть порядок, если нет твердой воли?

С мальчиком я говорил простым житейским языком, с собою же говорю теперь языком образованных людей. Выходя из кухни, я размышляю: самый вредный микроб в общественном организме – попрошайничество. Кто не работает, тот не имеет права жить и так далее.

Едва закрыв за собою дверь дешевой кухни, я по щиколотку влез в грязь, лицом чуть не уткнулся в стену и всем своим естеством ощутил холод и темноту ночи!

Ветер гудит; огни в фонарях дрожат, их неверный свет отражается в бесчисленных лужах, и те искрятся множеством светлых точек. В глазах у меня зарябило. Ветер завыл совсем уж жалобно, словно тысячи грешных душ, рыдая, молили об отпущении грехов или тысячи бедняков просили на ночлег.

Фу! Опять этот мальчик...

В такую погоду грешно на улицу собаку выгнать, а мальчик будет ночевать на тротуаре. Но что было делать? Не довольно ли с меня трех раз? Пусть теперь другой даст! Хватит и того, что с больным горлом, кашляя, я в такой вечер притащился в дешевую кухню. Я, положим, член комитета, но никто от меня не требовал, чтобы я вышел из дому без шубы. Был бы я набожен, я бы это сделал ради своей пользы. То есть, придя домой, тотчас юркнул бы в постель и постарался тут же заснуть, чтоб душа скорее полетела на небо и записала на мой счет это новое доказательство добродетели. Добродетель – кредит, дебетом же будет хороший кусок левиафана...

Однако идя в дешевую кухню, я левиафана и в мыслях не имел. Я это делал по доброте сердечной...

Тут, расхваливая себя, я почувствовал, что мне становится неловко. Если бы меня хвалил другой, я должен был бы притворяться, что стесняюсь. Но самого себя-то я мог слушать без стеснения... Вот и слушал. И продолжал бы хвалить себя дальше, находить в себе всевозможные хорошие качества... В этот миг со своими «полуподошвами»... Б-г свидетель, что другая половина их стерлась от частой ходьбы в дешевую кухню. В общем, со своими «полуподошвами» я внезапно очутился в луже...

«Идущий творить благо остается невредимым». Однако это, должно быть, только по дороге туда, на обратном же пути, когда только что обретенный ангел-покровитель уносится назад, на небо, можно сломать себе шею.

Мне становится холодно, сырость пронизывает все члены, я положительно чувствую, что простужусь, что уже простужен; вот-вот начну кашлять, сейчас будет колоть в груди! Ужас охватывает меня... Только что проболел четыре недели!

– Нельзя так! – говорит во мне какой-то протестующий голос.

– Нет! Собой я могу пожертвовать!

– А жена и ребенок? Какое право ты имеешь подвергать опасности их единственную опору?

Если бы это касалось другого, я бы знал, что делать, но это касается меня...

И я себя действительно чувствую больным, а до дома еще далеко, сапоги полны воды, холодно и тяжело... Напротив ярко блестят окна кондитерской, самой плохой во всей Варшаве, там на редкость скверный чай, но когда нет выбора...

Я перехожу улицу и попадаю прямо в теплую многолюдную чайную залу.

Заказал стакан чаю и схватил «Летучий Листок».

Первая карикатура, бросающаяся мне в глаза, представляет собой точную копию того, что теперь происходит на дворе! Она называется: «У кого в чем излишек?» Двое движутся по тротуару навстречу друг другу. С одной стороны – толстая, рыхлая дама средних лет в шелковом платье, бархатной жакетке и шикарной шляпе с белым пером. Она, как видно, по случаю хорошей погоды вышла погулять или с визитом; ненастье застало ее врасплох, и ее лицо выражает страх: она боится холода и дождя, боится за себя и за жакетку. Она торопится; похоже, несколько капель пота выступили на ее белом лбу; она спешит, но шаги ее неровны, обе руки заняты.левой рукой она поддерживает шелковый шлейф, забрызганный грязью, правой сжимает маленький шелковый зонтик, который едва покрывает ее шляпку...

Даме этой не хватает зонтика побольше! Зато у нее излишек в остальном. Видно, что у нее всего в избытке, она ни в чем не терпит недостатка.

С противоположной стороны идет худенькая девочка – кожа да кости. Кажется, у девочки длинные красивые волосы, но она, вероятно, уделяет им мало времени: они всклокочены, и ветер, подхватывая густые пряди, разбрасывает их по плечам.

На ней легкая, вся в заплатках юбочка, а ветер не отстает, хочет во что бы то ни стало прокрасться поближе к щуплому тельцу; на босых ногах – следы грязи. Она тоже идет неровной походкой: во-первых, ветер ей дует прямо в лицо, во-вторых, и у нее обе руки заняты: в левой – пара больших мужских, вероятно, отцовских, сапог. Видно, несет в починку... Порванные подошвы не позволяют предположить, что она собирается заложить их в кабаке за бутылку водки. Скорее всего, отец пришел домой с работы усталый, мать готовит ужин, а ее, старшую дочь, послали к сапожнику. К утру сапоги должны быть готовы. Она спешит, ибо

знает, что если сапожник не сделает их к сроку, то завтра целый день будет нечего есть... Большие сапоги слишком тяжелы для ребенка, но ноша, которая в правой руке, тоже тяжелая: в правой руке у девочки огромный дорожный зонт. И несет она его с гордостью: отец доверил ей такое сокровище!

Ребенку недостает многого: зимой – тепла, летом и зимою – одежды, круглый год – сытной пищи... Зато у нее есть зонтик...

Я уверен: в эту минуту богатая дама завидует ей! Маленькая худенькая девочка с живыми глазами, хоть ветер едва не опрокидывает ее, улыбается мне, словно говоря: «Смешно смотреть на эту нарядную даму. Видишь – мы тоже иногда испытываем удовольствие!»

Заплатив за недопитый чай, я опять вспомнил о моем нищем мальчике. У него нет зонтика, его не ждет дома даже картошка без масла. Он не ляжет в углу кровати у папиных или маминых ног... И даже эта дама под дождем не сможет ему позавидовать!

Каким образом я вдруг вспомнил о нем? А! Понял. У меня мелькнула мысль, что за пятак, который стоил почти нетронутый чай, бедный мальчик получил бы и полпорции супу или кусок хлеба, и место, где переночевать...

Зачем я заказал чай? Дома кипит, ожидая меня, самовар. Жена выйдет навстречу с радостной улыбкой. На столе приготовлена еда. Но мне стыдно было не заказать чаю!..

«Ну, мой стыд тоже чего-нибудь да стоит!» – утешаю я себя.

А на улице ветер воет сильнее прежнего. Он рвет крыши с такой яростью, будто он их злейший враг; но крыши из железа и не поддаются. Вне себя от гнева ветер спускается к фонарям, но те стоят смело и продолжают светить, как герои! Он впивается в мостовую, но камни глубоко врыты в землю, а земля не так легко отпускает свою добычу; он опять взмывает ввысь, но небеса далеки, хоть и очистились. А звезды смотрят вниз равнодушно или даже с пренебрежением...

Люди сгибаются в три погибели, ежатся, как будто хотят занимать меньше места, отворачиваются от ветра, чтобы вздохнуть, и идут себе дальше своей дорогой...

Но этот бедный, хилый мальчик – я начинаю бояться... Что с ним будет?!

Философия меня оставила, а сострадание вновь пробудилось...

Что, если бы это был мой ребенок? Если бы моя плоть и кровь должна была в такую погоду ночевать на улице? Или, если он уже потом выклянчил у кого-то свои копейки, тащиться в бурю на Прагу, через Вислу, через мост?!

Разве оттого, что он не мой, он хуже?

Разве потому, что те, которые его произвели на свет, лежат где-то под могильным камнем, он меньше чувствует этот безжалостный ветер, меньше дрожит от холода?

Я теряю охоту идти домой; мне кажется, я не имею права ни на свой теплый дом, ни на кипящий самовар, ни на уютную постель, особенно – на улыбку тех, кто меня ждет. Еще мне кажется, что у меня на лбу должно быть написано: «Убийца! Каин!»... Я начинаю думать, что не должен показываться на глаза людям.

И опять очень хочется до конца поверить в Б-га.

Пусть бы я, черт меня побери, был истинно верующим! Чем плохо, если бы я теперь точно знал, что Тот, Кто Живет Выше Звезд, ни на мгновение не отворачивает Своего взора от нашего мира... Что Он не позабудет о мальчике!?..

Почему тяжесть должна лежать у меня на душе? Я бы лучше переложил ее на душу всего мира! Мальчик бы не стоял перед моими глазами, если бы я был уверен, что на него устремлено недремлющее око Того, от которого зависит все живое на земле, без ведома которого не погибнет и самый ничтожный червяк.

И вот теперь, со своим больным горлом, с мокрыми ногами, в такую погоду я должен идти обратно в дешевую кухню искать чужого сироту... Стыд и срам!..

Что это был за «стыд» и «срам», перед кем мне стало стыдно, я и теперь не знаю. Все-таки, стыда и срама ради, я пошел к дешевой кухне не прямым путем, а окольным.

Первая комната (столовая), была пуста. Ад к вечеру начинает остывать, и пар поднимается над мокрым полом, превращаясь в капли наверху, над нижними водами, образовавшимися от ног бедных посетителей. Местами эти капли падают вниз не хуже дождя. Через открытое окно в кухне я вижу, как заспанная кухарка, облокотившись левой рукой о большой котел, правой лениво подносит большую ложку к губам. Помощница кухарки делает макароны к завтрашнему дню. Управляющий перебирает квитанции за обеды «на счет комитета»... Больше никого. Я заглядываю под стол. Мальчика нет и следа.

Вдруг я вспоминаю, что уже несколько часов блуждаю по улицам. «Что за черт!» – злюсь я на себя, выхожу и поворачиваю к дому.

Хорошо, что все спят; сбрасываю в прихожей ботинки, прокрадываюсь в комнату и ныряю прямо в постель...

Ночь, однако, я провел очень плохо.

Усталый, промокший, долго кашлял и не мог согреться; все тело сотрясала дрожь. Заснул я совсем поздно, и тяжелые сны мучили меня.

Потом проснулся, обливаясь холодным потом, и прямо из постели бросился к окну.

Небо было усеяно звездами... Звезды сверкали, словно бриллианты. Они блуждали в высоте так гордо, так спокойно! Но ветер не стих; дом дрожал, точно в лихорадке. Я опять лег в постель, но толком заснуть уже не мог; задремывая, я видел обрывки каких-то сцен, и во всех фигурировал злополучный мальчик...

Каждый раз я видел его в других обстоятельствах. То он бредет по незнакомой улице, то сидит, сгорбившись, на ступеньках, под крышей какой-то лавки. То бесы начинают играть им, словно мячиком. Он перелетает в воздухе из рук в руки... Потом, я нахожу его совсем замерзшим в мусорном ящике... Еле дождавшись утра, я побежал в дешевую кухню. Он был там! Если бы я не стеснялся, я бы слезами смыл грязь с его лица; если бы не боялся жены, взял бы его к себе, как родное дитя... Он здесь, я – не убийца! – «На!» – И я ему сунул пятак.

Он взял его, пораженный, не зная ничего о том, что он для меня сделал...

Дай Б-г ему здоровья!

На второй день, когда он опять просил у меня на ночлег, я уже ничего не дал, но и нотаций ему не читал. Более того: я ушел недовольный собой.

Давать я, действительно, не могу, но душа у меня все-таки болит: почему я не могу?

Недаром мой покойный дедушка, царство ему небесное, говаривал:

– Кто не боится Б-га, тот живет в горе и умирает без утешения...

*Ἰ ἀδελφὴ πνεύμα Ἀ.Ἄ.
«Ἀδελφὴ πνεύμα ἰσὶ ἀεὶ ἄν ἀεὶ ἰσὶ ἀεὶ», 1903*

ÈÇ Ì ÐÌ ÐÌ ÈÀ ÈÑÀÈÈ

Nàì óèé Ì àðòàé

I

Ì, èàé àù íàé. Èàèèòááíúèè,
 Ì íèèòáÁ-àí ì ìòòí ì íéíá..
 Áíèùí Ì íá.. Nòùáí í çà ðàáñòáí èpáñéíá
 Èàèèèá ÷ àðòé çáì èè!
 Áàé B ààì ì í áàà í ðèéí ùò èðùèà,
 Áàé B ààì ì èí ðp áòááí í áàí ì èéí í á, -
 Èòí áàé í ðè èðùè è ñù áù: ì èè è éíí áàçáí í í á
 Áá: í áy áàèù áàì áùèà!..
 B ðàçááí óé ààì áàçáðàé í òp ñò áù ù -
 Áù æ áí çáèè è yò è ñò áù ù!..
 Áàé B ààì áòò Nàíé - í áí ù áàí òí í áàí í úé..
 Áùé í í áàí èéáí, èàé Òàðù í áà Áíèéáí í í é,
 Áàì è çàéí áàí í í á óáù ù!

II

Ì, áñè á òù áçááí óé ñí í áàèèè ùò áàðòéí,
 Èàé ì èð óàòááòíy, áðááàì è í íyí í áí í úé,
 Èàé ðàòááòíy òyæáéùá èí èí í í ú, -
 Òù á çàáðòáé, ì í áò: èé Áéáñòáééí!
 Ì, áñè á òù ì ì óáé ñí í áàáí
 Ì áàà Òíáí é çáñòùé áù èáí
 È áðíí áù í á áàì áé..
 Áí ðà ðàñò áyèà á á í á á
 Nàíé í í òí é á òyæáéíí ì á
 Ì èàì áí áé!
 Á óá éíyçáíy, ÷ òí áyèè áéáñòù
 Ì ðèòéé á ò í éí í é, ÷ ò í áù óí áñòù
 Ì ðáá Á-áíí áñòó æéáñòó..
 È ñò ðàòó í úé ÷ áñ ò í áà á í áñò áé,
 È óáéùé Ì èð çàò ðáí á óáé
 Á í áyò ò yíò í á áàí ó!
 Ì áòá áàì, - í í ù áàù í áò, -
 Èòí áá: í úé ì èð, èòí áíèù ùé ñáò
 Áíáù: áé ðàçááèèè,
 Ðàçáí áéò ñáà è ñò ðí èò áíí
 Í á í áñò á èðí áñp çàèè ò í í,
 Í áá áàçáí í p ì í áé!
 Èòí í ò í yé áñèp ó èp ááé,
 Èèòéé èò ì é í á: í úò èò: áé
 È ì èááòí èé ì í é óðáí!
 Èòí ðàçáááò è ñáò, è ò áí ù..
 Ì ðèááò áàò ÷ áñ Ì áñò áí áò áàí ù
 Ì áòá áòá áàì !..

«Áàðáéíèéé ì èð», 1910

Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии

Ассаси ед Нейтаниа

*Ассаси ед Нейтаниа: Нейтаниа (1853 - 1900) - ашаруеиу динее даеаициуе оеиуо. 28
i adoa 1881 a ai adai y iosee+iie eaeoe i i idegae Aeaenaiada III ia ariandou m adoiie eaqie
i adraiaeuiaa i adai adofaaa, eai yoi i adoeei au caeliu odenoeainiee i daiaoaiinu. Oeiniu
i i iaa ai au aie i adfaai qh i oaeoene-aeop aydaeuinu i aee-ay i abeifaai i daeaei qie aao a
Dine. Naitania i yu aue i daoanoaiieei dinnia nei aieci a.*

*Sei oiaaiaie aeeci eaqeini ai o dai aieai i adai eai ui, -oi aai daeaeeci o daiaae
io aaeoaeoaiinu i ai aaeaiia i nuanoaeatey enoeiu e m daaeaeaiue. A enoidee dinnia
oeiniu oieia eaaeeci a*

A. Naitania i noaoniy nai ie edoiie oeanie.

*I adaci deoieini i ai -eoaou e neuoaou daeiai i iae: «Aaeiee ari dmi i aaui auou eaei
daoaeai, i iaei auei au m adaeai i i dei edeouiy naaiyi e, aouei adaeai neq e i auanoai qh
i iei i daai i noy, aiee au oieiei i ie i oaeaeeni i o daei oia, i edaruaa e o dai aoeqi e i ai maai i noy
e aidi oeni e -enoie daeae I i emaa caeia, eae ai em i aaqo, i ai dei ad eadaei u».*

Представьте себе, что в какой-нибудь стране, где православная церковь не пользуется расположением правительства и большинства населения, положим, хоть в Австрии, раздались бы в обществе и печати такие речи: «Мы охотно примиримся с православными и не будем ограничивать их права, пусть только они решительно откажутся от своих церковных правил и обычаев, от старого схоластического хлама, называемого “учением отцов церкви”, наконец, от таких памятников суеверия и фанатизма, как Жития Святых; пусть вернуться они к чистому евангельскому учению, как его исповедуют, например, гернгутеры или молокане». Для оправдания такого требования противники нашей церкви могли бы найти в ее преданиях такие же точки опоры, какие противники иудейства находят в Талмуде. Всякий, кто заглядывал, например, в так называемые «Кормчие», по которым в течение многих веков управлялась наша церковь, знает, какими нелепыми и невежественными вымыслами питалась вражда православных к другим исповеданиям. И, если русское правительство в новейшие времена нашло необходимым составить для руководства нашей церкви так называемую Книгу правил, из которой исключены все дикие басни старых «Кормчих», то подобным же образом и в правоверном еврействе устаревшие части Талмуда теряют свой авторитет и обязательность. Впрочем, гораздо легче отделаться от устарелых преданий и законов, нежели от старой дурной привычки мерить все двумя разными мерами и находить для себя одни смягчающие, а для других одни отягчающие обстоятельства. В нижеследующей оценке Талмуда и талмудического еврейства мы старались, прежде всего, держаться высшего правила иудейско-христианской морали: относись к другому так, как желал бы, чтобы он к тебе относился.

Талмуд есть литературное выражение той органической формы, которая в течение многих веков вырабатывалась жизнью еврейского народа после того, как он потерял свою политическую самостоятельность. Когда пало царство и умолкли пророки, единственной основой народной жизни осталось священное учение (Тора), данное Моисею на горе Б-жьей. Из различного отношения к этой общей святыне произошли с внутреннею логическою необходимостью три направления религиозно-национальной жизни, воплотившиеся в известных трех партиях среди еврейства (неправильно называемых иногда сектами), а именно в саддукействе, фарисействе и ессеистве. Особенности этих партий все известны, но их общий глубокий смысл и их отношение к христианству часто представляются в одностороннем свете. Для саддукев Тора была основанием, на котором они не хотели ничего строить. Принимая религию преимущественно с ее ритуальной, жреческой стороны, они видели в ней факт прошедшего, который нужно признавать и неизменно хранить, но который не обязывает ни к какому дальнейшему действию. Для них установленное древле учение было делом поконченным раз и навсегда, святынею неизменной, неподвижной и неприкосновенной. Но когда религия сводится, таким образом, к архаическим обрядам и жертвоприношениям, к одной памяти прошедшего, тогда настоящая жизнь предается в жертву дурным страстям и интересам, не имеющим ничего общего с религией. И действительно, саддукеи, эти охранители основ и ревнители древнего благочестия, на самом деле оказывались партией своекорыстных олигархов, злоупотреблявших религией и обманывавших народ. Смотри по обстоятельствам, они то возбуждали народный фанатизм, то рабски прислуживали и льстили римлянам, лишь бы только сохранить свое господствующее положение у храма и в синедрионе.

Но, кроме этого явного своекорыстия и сомнительного патриотизма саддукеев, самый принцип этой партии подрывался внутренним противоречием. Выставляя своим знаменем охранение Торы без всякого прибавления, саддукейство должно было, вместе с тем, признать значительную часть Торы мертвою буквой, не допускающей никакого применения к действительности. А именно бо́льшая часть социально-юридических и экономических постановлений Моисеева законодательства требовала совсем других порядков в общественной жизни, нежели те, которые утвердились в эпоху второго храма, при господствующем влиянии именно той

касты жрецов, из среды которой образовалось саддукейство. Это последнее, таким образом, разлагалось и разрушалось в самом своем охранительном принципе: религиозный консерватизм требовал блюсти благоговейно древнее откровение Торы, а социальный консерватизм заставлял поддерживать и защищать порядок, решительно противный и духу, и букве Моисеева законодательства. Нужна была или крайняя непоследовательность, или крайняя недобросовестность, чтобы зараз и одинаково стоять за неприкосновенность закона Моисеева и, вместе с тем, за неприкосновенность того порядка вещей, который утвердился при господстве идумейцев. Вот почему более последовательные или более искренние из саддукеев оставляли веру отцов и открыто становились под знамя чужеземной власти и языческих идей. Таковы были иродиане, о которых упоминает Евангелие, и те апикоросы, т.е. эпикурейцы, о которых нередко говорится в Талмуде.

Что касается людей, сердечно преданных национальной религии, то они должны были искать другого выхода и нашли его в фарисействе. Вместе со своими противниками саддукеями фарисеи признавали Тору как непреложное основание религии, но для них эта Тора была не одним только фактом прошедшего, который нужно почитать, но еще и законом настоящей жизни, который должно исполнять.

Фарисеи не хотели допустить противоречия между требованиями религии и действительной жизнью. Для них вся жизнь должна была идти по религиозному закону, во всех делах человеческих должны были осуществляться заповеди Б-жьи. В то время как саддукеи ставили закон Б-жий лишь в механическую связь с чуждою ему действительностью и ценили его лишь как внешнюю охрану еврейства, как некий палладиум Иерусалима, – фарисеи, напротив, относились к религии органически, видели в законе Моисеевом существенную и неотделимую форму национальной жизни. Однако осуществить взгляд было нелегко. Многие постановления Торы в их простом, буквальном значении оказывались неудобоисполнимыми при изменившихся исторических обстоятельствах, а, с другой стороны, многие вновь возникавшие жизненные осложнения не были предусмотрены Моисеевым законодательством.

Между тем, оставлять какой-нибудь из данных Б-гом законов без исполнения или же в каком-нибудь случае основывать решение на каком-нибудь постороннем принципе одинаково значило разрушать закон. Итак, чтобы положительным образом оградить закон от разрушения, чтобы сохранить его не как мертвую и ненужную букву, а как действительное начало настоящей жизни, нужно было развить его посредством сложной системы объяснений, толкований и казуистических различий. Чрез то сохранился и высший авторитет древнего закона, и, вместе с тем, будучи приспособляем к изменениям жизненной среды, закон предохранялся от вымирания, получал силу устойчивой жизни на все времена.

Фарисейство приняло, как свой девиз, известное изречение великого синедриона: «Нужно строить ограды вокруг закона».

Таким образом, если для саддукеев, как мы заметили, закон был основанием, на котором они не хотели ничего созидать, то для фарисеев, напротив, он был исходным пунктом для целого ряда экзегетических, казуистических и легендарных построек – на вид причудливых и бессвязных, как сама жизнь. Эти-то постройки, нарастая в течение шести или семи веков, были, наконец, трудами позднейших собирателей сведены в один огромный лабиринт Талмуда.

Но рядом с двумя иудейскими партиями, которые мы только что рассмотрели, должна была среди религиозных евреев явиться еще третья. Если для саддукеев слово Б-жье было лишь законченным фактом прошедшего, если фарисеи делали из него закон настоящей жизни, то должны были найтись и такие люди, которые видели в нем, прежде всего, идеал будущего. Эти люди, получившие название ессеев, искали в религии не внешней опоры для своекорыстных стремлений, а также не практического руководства в повседневной жизни, а высшего совершенства и блаженства.

Если саддукеи в своей житейской мудрости дорожили только силою факта, если фарисеи в своем стремлении к формальному оправданию возводили всякий факт к его нравственно-правовым основаниям, подчиняли жизнь закону, то ессеи заботились не о силе фактов и не о формальном основании действий, а единственно о той высшей цели, для которой существуют и факты, и действия. Если первая иудейская партия относилась к религии механически, а вторая органически, то третья держалась чисто духовного понимания религии. Этим, однако, нисколько не утверждается безусловное преимущество этой религиозной партии перед другими. Исключительная духовность и односторонний идеализм могут быть еще бесплоднее, нежели житейская мудрость саддукеев или нравственно-юридический формализм фарисеев. Место высших целей есть царство небесное, оно же не дается даром, а берется с усилием. Поэтому находящиеся на земном пути поневоле должны думать о фактических опорах и формальных основаниях, при которых вернее можно дойти до цели. Тут вполне применяется аксиома: кто хочет цели, хочет средств, они же суть: право и сила, закон и власть. И если тот, кто в погоне за этими ближайшими средствами забывает о высшей цели, заслуживает осуждения, то крайне жалок тот, кто только мечтает об идеальном совершенстве, не делая ни одного практического шага, чтобы к нему приблизиться.

Происхождение и судьбы есеевской партии составляют вопрос, доселе не решенный историческими исследованиями. Во всяком случае, несомненно, что в то время как саддукеи делили свою жизнь между храмовыми обрядами и политическими интригами, в то время как фарисеи с горячею ревностью и упорным трудолюбием строили бесчисленные ограды вокруг закона, немалое число израильтян, удалившись в пустынные места и устроивши свою жизнь на общинных началах, предавались занятиям иного рода: молились, постились, пели псалмы и ожидали царствия Б-жия. Эта последняя черта делает ессеев несомненно

предвестниками христианства. В других отношениях христианство имеет свои исторические корни не в ессействе, а в фарисейском раввинизме. Не подлежит никакому сомнению, что преобладающая форма евангельской проповеди (притчи) не имеет в себе ничего специфически христианского, а есть обычная форма талмудических агад*. Далее читатель увидит, что сродство тут иногда ограничивается одной формой изложения.

Вообще, при созидании новозаветного храма не было надобности изобретать новый материал; Христос и его апостолы употребляли в дело те кирпичи, которые были у них под руками. Даже самый план здания был нов не в своих частях, а в их соединении, в целостности религиозного идеала. Ближайшим образом евангельская идея соединяла в себе то, что было положительного и истинного в трех еврейских партиях. Принцип религиозной власти и житейской мудрости, которого держались и которым злоупотребляли саддукеи, не был отвергнут Христом, а получил от него высшее освящение и утверждение («дана мне всякая власть», «будьте мудры, как змеи» и т. п.). Точно так же фарисейский принцип закона и оправдания делами был решительно утвержден в учении Христа, пришедшего не разрушить закон, а исполнить его, и требовавшего от своих учеников деятельных плодов истинной веры. Таким образом, в пути евангельском сходилось то, что было истинного в путях саддукеев и фарисеев, а как цель пути возвещалось то самое, о чем мечтали ессеи, – царство Б-жье и правда Его.

Но именно при таком синтезе этих различных религиозных идей и начал уничтожились их отрицательные стороны, все, что в них было фальшивого. С этой стороны мы находим в Евангелии беспощадное обличение всех трех еврейских партий. Обличается здесь материализм саддукеев, которые, опираясь на земные силы, теряли всякую восприимчивость к силам высшего порядка («прельщается не ведуще писаний, ни силы Б-жия» и проч.); обличается формализм фарисеев, заставлявший их в стремлении к законной правильности действий забывать дух и цель самого закона; что же касается ессеев, односторонность их созерцательного и аскетического идеализма обличается не словами, а всем деятельным характером земной жизни Христовой, его борьбой и подвигом.

То обстоятельство, что Евангелие особенно занимается именно фарисеями и что целые главы наполнены сильною полемикой против них, вовсе не доказывает, что христианство явилось какой-то антитезой фарисейству, как это обыкновенно представляют. Дело в том, что фарисеи были, по преимуществу, вождами и учителями народа, и поэтому с ними, прежде всего, сталкивалось новое религиозное учение, как только оно обращалось к народу. Ни саддукеи, ни ессеи, вообще говоря, не выступали проповедниками и учителями в синагогах и на улицах. Чтобы спорить с ессеями, нужно было идти в пустыню, а чтобы обличать жреческую аристократию (кроме каких-либо исключительных случаев), нужно было проникнуть в ее дворцы. Если в настоящее время кто-нибудь захочет провести в христианское общество какую-нибудь религиозную или социальную идею, то ему придется, главным образом, спорить не с высокопоставленными особами духовного и светского чина, а равным образом и не с афонскими монахами, а с журналистами, литераторами, профессорами, – одним словом, с представителями так называемой «интеллигенции», чем и были фарисейские учителя во время Христа. Лишь когда дело дойдет до крови, тогда на первый план выступают эксперты кровавых жертв – саддукеи и, соединяя священную тайну великого жреца с явную мудрость мирской политики, многозначительно произносят: «Уне есть нам да един человек умрет...»

Что касается фарисеев, то вполне очевидно, что обличения Христа направлены против того исключительного и одностороннего развития, которое давалось в фарисействе принципу формальной законности, что в практическом применении неизбежно вело к фальши и лицемерию. Но что затем Евангелие не подвергает безусловному осуждению самый принцип фарисейства вообще, а, напротив, вполне признает его положительное содержание, в этом легко убедиться, если только вспомним, какими словами начинается самая сильная проповедь Христова против фарисеев: «На Мовсеове седалищи седоша книжницы и фарисее. Вся убо елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите, по делом же их не творите: глаголют бо и не творят».

Таким образом, Евангелие, упрекая фарисеев, прежде всего, в том, что они не осуществляют своего учения на деле, тем самым оправдывает принцип фарисейства, состоявший именно в требовании дел закона. Христос не говорит: не нужно дел; напротив, он говорит: дела нужны, но вы их не делаете. Во сколько раз должны быть усилены эти упреки, если обратиться к современному христианскому обществу? Христос требовал от своих учеников, чтобы их праведность была больше праведности книжников и фарисеев. Но для нас и эта последняя составляет, по-видимому, недостижимый идеал. Фарисеи, по крайней мере в принципе, не допускали отделения религии от жизни, закона от действительности. Напротив, их постоянные усилия были направлены к тому, чтобы все дела человеческие были исполнением закона Б-жия. Это они научали блюсти, и об этом сказал Христос: «...соблюдайте и творите». Мы же с тех пор успели возвести в принцип противоречие между требованиями религии и условиями общественной жизни, между заповедями Б-жьими и всюю нашею действительностью. Вот почему фарисейство, закрепившееся в талмудизм, не было и не могло быть доселе упразднено историческим христианством.

После того как ессеи были поглощены новой религией, а саддукеи, жившие храмом и жертвами, исчезли с разрушением храма и с прекращением жертв, представителями всего еврейства остаются одни фарисеи, и сборник их учения, Талмуд, становится религиозно-национальным кодексом всех евреев. Замечательно то обстоятельство, что как после вавилонского пленения первым делом евреев была редакция Библии, так после окончательного римского разгрома они, едва опомнившись, сейчас же ревностно предаются собиранию и редакции Талмуда. Постигавшие их народные бедствия побуждали евреев крепче держаться

своего религиозного закона и глубже изучать его, ибо в недостаточном знании и исполнении этого закона они видели истинную причину всех своих бедствий. И если во времена Ездры религиозный закон состоял только в Торе Моисеевой, то во времена римского погрома, вследствие усложнившихся понятий и отношений, для религиозно-нравственного устроения частной и общественной жизни евреев потребовалась вся совокупность толкований и дополнений древних ученых и мудрецов (амораим и таннаим), т. е. потребовался Талмуд. И вот вскоре после восстания Бар-Кохбы и конечного разрушения Иерусалима рабби Иегуда а-Кадош собирает и передает письму основную часть Талмуда – Мишну*, а затем – в то время как на сцене всемирной истории ожесточенная борьба язычества с христианством сменилась еще более напряженной, ожесточенной борьбой в самом христианстве (великие ереси IV и V вв.) и внешнее торжество церкви усилило ее внутренние смуты, – в это время еврейство, внешним образом рассеянное, но внутренне сосредоточенное, скрывшись в темных углах Палестины и Месопотамии, выковало себе своеобразное орудие для самозащиты: два огромных сборника дальнейших казуистических толкований и легендарных дополнений; иерусалимская и вавилонская Гемара** были присоединены к Мишне и, таким образом, была завершена крепкая ограда еврейства, называемая Талмудом.

Религиозно-национальное обособление еврейства было обеспечено Талмудом на многие века. Было ли нужно это обособление, были ли правы евреи, отделяя себя от всего мира стеною талмудического закона? Прежде чем отвечать принципиально на этот вопрос, мы хотим дать читателям, вовсе неизвестным с Талмудом, некоторое реальное представление о нравственном духе этого памятника. Вот для начала несколько талмудических изречений и притчей.

Язычник, занимающийся законом Б-жым (Тора), равен первосвященнику.

Незаконнорожденный, если он учен, почтеннее невежественного первосвященника.

Один язычник пришел к Шамаю и сказал: «Научи меня, но только под условием, чтобы ты сообщил мне всю Тору в то время, как я буду стоять на одной ноге». Шамай ударил его аршином, который был у него в руке, и вытолкнул его вон. Язычник обратился тогда к Гиллелю, который исполнил его желание, говоря: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, – в этом итог всего закона, остальное только подробности; теперь иди и учись».

Человек не должен говорить: «Я стану заниматься изучением закона, чтобы меня называли мудрым; я буду изучать Мишну, чтобы называться раввином и стать во главе школы». Не смотри на ученость ни как на корону, чтобы ею красоваться, ни как на топор, чтобы добывать ею пропитание.

Цель мудрости – добрые дела и исправление жизни; а для тех, которые не делают добра из любви к добру, лучше было бы, если бы они не были созданы.

Другое изречение гласит: пусть человек занимается Торой и добрыми делами хотя бы и не ради них самих, ибо со временем он будет это делать ради них самих.

Все предопределено Предвечным, и, однако, действия человека свободны. Мир управляется благостью, и воля человека познается по обилию его добрых дел.

Никто не может поранить себе даже пальца, если это не определено Б-гом.

На том свете не так, как здесь. Там не едят и не пьют и не предаются никаким чувственным наслаждениям; там нет зависти, нет ненависти, нет раздора, но праведники с венцами на главах радуются в отблеске Б-жества.

Кто исполнит хоть одну обязанность, тот приобретает себе защитника, и кто совершил хоть один грех, тот вызывает на себя обвинителя.

Твори волю Б-жью как свою собственную, чтобы Он твою волю сделал Своею. Его воле принеси в жертву свою, чтобы Он волю других принес в жертву твоей.

У кого есть хлеб в корзине, а он заботится о пропитании на следующий день, тот принадлежит к маловерным.

Человек обязан благодарить Б-га за зло так же, как и за добро. Человек должен говорить пред Б-гом лишь в немногих словах. Кто может в молитве ходатайствовать за своего ближнего и не делает этого, тот называется грешником.

Кто мудр? Тот, кто от всякого поучается. Кто герой? Тот, кто побеждает свои страсти. Кто богат? Тот, кто доволен своим достоянием. Кто почтенен? Тот, кто чтит своих ближних.

Злое влечение похоже сначала на странника, потом на гостя, наконец, на хозяина.

Высокомерному говорит Б-г: «Мы вдвоем не можем жить в мире». Кто уничтожает себя, того Б-г превознесет, а кто сам себя превозносит, того унижит Б-г. Кто стремится к господству, от того оно убегает, а кто уклоняется от него, к тому приходит нечаянно.

Кто только поднимает руку на человека, чтобы ударить его, хотя бы и не ударил, все-таки называется беззаконником.

Кто публично посрамляет кого-либо, тот все равно что пролил кровь. Лучше человеку принадлежать к гонимым, нежели к гонителям. Подобное же изречение гласит: «Обижаемые и не воздающие обидою, слышащие оскорбление и не отвечающие на него, терпящие с любовью и страдающие с радостью, к ним прилагается сказанное: “Возлюбленные Б-жьи будут, как солнце, восходящее в величии своем”. Кто прощает обиду, ему нанесенную, тому Б-г прощает его грех. Будь мягким и уступчивым, как тростник, а не жестоким и гордым, как кедр».

Твое «да» пусть будет настоящим «да», и твое «нет» – настоящим «нет». Не должно обманывать и язычника. Речи клеветника суть грехи, вопиющие к небесам. Лицемеры не узрят Б-га. До́лжно быть приветливым ко всем людям. Добродетель благотворительности по важности своей равна всем прочим добродетелям, вместе взятым.

Дружелюбие еще выше благотворения.

Кто пренебрегает обязанностью благотворить бедным, того до́лжно почитать наравне с идолопоклонником.

Пока стоял храм, жертвенник искупал грехи людей. Ныне же, когда жертвенника больше нет, трапеза, предлагаемая нищим, заменяет жертвенник и искупает грехи.

У кого умирает жена, о том нужно сожалеть так, как если бы в его дни разорен был храм.

Если кто тебе скажет: «Я искал и не нашел», – не верь ему; а если скажет: «Я нашел и не искал», – также не верь; если же скажет: «Я искал и нашел», – этому верь.

Кто способен вычислять ход небесных светил и не делает этого, к тому применяется сказанное: «Творения Б-жъя они не созерцают и дела рук Его не видят».

Рабби Симеон бен-Леви говорил: «Кто хочет быть нечистым (безнравственным), тому отворены двери, т.е. ему не будет недостатка в удобных случаях, а кто, напротив, хочет быть чистым, тот получит в этом помощь». Это положение объяснялось в школе рабби Ишмаэля следующей притчей. Один человек продавал деготь и бальзам. Когда кто-нибудь приходил, чтобы купить дегтю, то продавец говорил: «Товар перед тобою, отвесь и бери». Если же кто хотел купить бальзаму, то продавец говорил: «Постой, я тебе отвешу, чтобы и от меня хорошо пахло».

Рабби Ицхак говорил, что хотя все равны перед лицом смерти, но что каждому праведнику уготовано особое жилище, согласно его достоинству. Это поясняется притчею. Когда царь со своими служителями вступает в какой-нибудь город, то все они проходят через одни и те же ворота; но когда останавливаются там на ночлег, то каждому назначается жилище по чину его.

Рабби Елиезер учил: «Покайся за день до смерти». Тогда ученики его спросили: «Разве знает человек, в какой день умрет?» – «Это значит, – возразил рабби, – что он должен исправиться сегодня же, ибо может умереть завтра; таким образом, он проведет всю жизнь в покаянии, ибо сказано: “Да будут одежды твои всегда белы и елей для главы твоей да не оскудеет”». Рабби Иоханан присоединил к этому следующую притчу. Некий царь пригласил своих служителей на пиршество, но не возвестил заранее его времени. Умные между ними надели свои лучшие платья и ждали вблизи дворца, полагая, что там всегда все готово. Глупые же пошли по своим делам, думая, что для царского пиршества нужны долгие приготовления. Внезапно царь позвал приглашенных. Умные предстали перед ним в чистых и дорогих одеяниях, глупые же прибежали в грязном платье. Тогда царь сказал: «Те, которые явились в чистых одеждах, да сядут и едят; те же, которые оказались в грязном платье, пусть стоят и смотрят».

Когда Моисей восходил на гору Бжью, архангелы спросили Б-га: «Чего ищет между нами этот женорожденный?» – «Он пришел, – отвечивал Б-г, – чтобы получить закон». – «Неужели, – продолжали они, – то сокровище, что хранилось от сотворения Мира в течение 974 поколений, Ты дашь человеческому существу? Что такое человек, чтобы Тебе думать о нем, и сын человеческий, чтобы Тебе смотреть на него? Всесильно имя Твое, Г-споди, на всей земле и величие Твое сияет на небесах!» – «Возражай ты», – сказал Б-г Моисею. – «Я страшусь, – говорит тот, – чтобы они не сожгли меня дыханием уст своих». – «Возьмись за престол Моей славы и держи им ответ». – «Владыка вселенной, – начал тогда Моисей, – что находится в законе, который Ты хочешь мне дать? Не начинается ли он так: “Я Г-сподь Б-г твой, выведший тебя из Египта”. Но разве вы, ангелы, обитали в Египте или работали на Фараона? Так зачем же вам такой закон? Далее сказано: “Да не будут тебе богами боги чужие”; но разве вы жили между идолопоклонниками? Потом сказано: “Помни день субботний”; но разве вы работаете, чтобы нуждаться в успокоении? И опять сказано: “Не клянись ложно”; но разве между вами есть тяжбы? И еще сказано: “Чти отца твоего и мать твою”; но разве у вас есть родители? И, наконец, сказано: “Не убей, не прелюбодействуй, не укради”; но разве среди вас бывают такие дела?» – И Б-г одобрил Моисея, а архангелы полюбили его.

Эта последняя притча дает нам руководящую мысль для оценки всего Талмуда. Закон дан для человека, а не для ангелов. Другими словами, закон не может предполагать безусловного совершенства в своих исполнителях, ибо тогда самый закон был бы не нужен. Талмуд не отказывается от совершенства как цели, как нравственного идеала. Но именно для того, чтобы этот идеал не оставался праздною мечтой, необходимо позаботиться о путях к его достижению, а пути эти проходят по несовершенной и порочной природе человека. Прежде осуществления безусловного идеала человек должен приучиться ограничивать свою волю, по природе направленной не столько к абсолютному нравственному совершенству, сколько к удовлетворению своего эгоизма. Ограничение воли есть закон, и вот Талмуд и раввины ставят себе задачей везде и во всем ограничить своеволие человека предписаниями закона Бжия, не оставляя на личный произвол никаких отношений частной и общественной жизни. Они насчитали в Торе 248 положительных предписаний и 365 запрещений и затем эти 613 законов бесконечно размножили чрез применение их к всевозможным частным случаям. Что все это множество законов и для талмудистов не есть цель сама по себе, это ясно уже из указания Талмуда, что данное на Синае число законов было сведено потом Давидом к 11, Исаией к 6 и даже к 2, Михеем к 3 и, наконец, Аввакумом к одному положению: праведник верностью своею будет жив (цадик бээмунато ихейэ Аввак. II, 4). Сопоставляя это указание с вышеприведенным ответом Гиллеля язычнику, можно видеть, что между

законничеством Талмуда и новозаветною нравственностью, основанною на вере и альтруизме, нет противоречия в принципе. Принципиальный спор между христианством и еврейством заключается не в нравственной, а в религиозно-метафизической области, в вопросе о богочеловеческом значении и искупительной жертве Христа. Правда, помимо этого должно признать еще и то, что на практике талмудисты и руководимый ими народ забывали или пренебрегали возвышенными идеально-нравственными взглядами своих агад и погружались всецело в изучение и применение формальных узаконений Талмуда (галахот), вследствие чего в иудействе начало закона или формальной правды получило решительный перевес над началом милости (хесед) и внутренней правды (эмет). Вполне признавая эту односторонность еврейского развития, мы никак не решимся безусловно осудить ее в виду противоположной и еще более пагубной крайности, которую представляет нам христианский мир. Если талмудическое иудейство переходит меру в своих стараниях свести все подробности общественной и частной жизни к религиозному закону, то наш псевдохристианский мир не только на практике произвел, но и в принцип возвел совершенное разделение между религиозною истиною и действительною жизнью, между религией и политикой, между идеальными нормами, которые превращаются у нас в пустое слово, и реальными отношениями, которые мы стараемся всячески закрепить в их явной ненормальности. Против этого безбожного принципа, против этого безнравственного разделения талмудическое иудейство восстает всем своим существом, и в этом его оправдание.

Для талмудистов, которые в этом отношении стоят всецело на почве Моисеевой Торы, религия есть закон жизни человеческой: «Ушмартэм эт хукотай ота гаадам вахай багэм ани Адой-ной» («Соблюдай уставы Мои и уложения Мои, их же сотворит человек и жив будет ими:

я Г-сподь» (Лев. VIII, 5). Это изречение явно оправдалось в национальной жизни еврейства. Только соблюдением этих уставов и уложений, впервые данных в Торе и затем огражденных в Талмуд, – только их соблюдением еврейство доселе живо как нация, единственная нация в мире по долговечности. Лучшим доказательством национальной живучести еврейства может служить антисемитическое движение. Ожесточенность этого движения во всяком случае свидетельствует о крепости еврейства. «Не толкай пьяного, он и сам упадет», – говорит талмудическая пословица. Своими усиленными толчками антисемиты показывают уверенность в том, что еврейство твердо стоит на своих ногах.

И логика, и исторический опыт, и слово Б-жье учат нас, что главное условие прочной силы есть правда, т.е. верность самому себе, отсутствие внутреннего противоречия и раздвоения. Всякое царство, разделившееся на ся, не устоит. Борьба есть необходимый момент жизни, но именно только как частный момент, входящий в состав живого единства. Еврейство сильнее современного христианского мира потому, что в нем внутренняя борьба хотя несомненно существует, но лишь как подчиненное явление, не упраздняющее существенного единства в целом. А в христианском мире это единство потеряло всякую реальность, превратилось в отвлеченную идею, бессильную против распри отдельных частей. Правда, разница здесь обусловливается отчасти и тем, что еврейство представляет одну нацию, тогда как христианский мир обнимает собою множество национальных элементов. Но где же сила христианского универсализма, который обыкновенно противопоставляют узкому народному эгоизму евреев? Если новозаветная религия бессильна против обособляющего действия народностей, то правы евреи, остающиеся при религии ветхозаветной, которая прямо и открыто заявляет свой национальный характер. Благодаря этому они избавлены от того внутреннего противоречия, которое тяготеет над большинством христиан, исповедующих религию сверхнародную и, однако же, поглощенных чисто национальными интересами, страстями и предрассудками. Замечательно, впрочем, что евреев обыкновенно обвиняют зараз и в узком национализме, и в космополитизме. Дело в том, что самая национальная идея у евреев имеет известное универсальное значение, которое возведено еще библейскому Аврааму («И благословятся о тебе вся племена земная»); и если евреи не хотят признать в христианстве осуществления этой всемирной миссии Израиля, то ведь и мы, по совести, не можем утверждать, чтобы она уже была осуществлена у нас. И с нашей точки зрения осуществление вселенской идеи еще в будущем; и в этом будущем исполнении христианства евреям, по слову ап. Павла, будет принадлежать особая, выдающаяся роль. И странно было бы ставить в этом отношении еврейство, из которого, сверх самой Моисеевой религии, вышли христианство и ислам, – странно было бы ставить его наряду с тою и другою отдельною народностью. Сопоставлять еврейство можно только со всем остальным человечеством, к которому оно относится, как ствол к ветвям (разумеется, не с этнографической, а только с духовно-культурной точки зрения).

Проходя через всю историю человечества, от самого ее начала и до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации), еврейство представляет собою как бы ось всемирной истории.

Вследствие такого центрального значения еврейства в историческом человечестве все положительные, а также и все отрицательные силы человеческой природы проявляются в этом народе с особенною яркостью. Поэтому обвинения евреев во всевозможных пороках находят свое основание в действительных фактах из жизни еврейства. Но когда на основании этих частностей хотят засудить целиком все еврейство, тогда можно только удивляться смелости обвинителей. Когда национальные партии в разных странах обвиняют евреев в недостатке патриотизма, то решительно невозможно понять, каким образом евреи, оставаясь евреями, т.е. одним народом, могут совмещать в себе противоборствующие патриотизмы всех тех наций, среди которых они живут. Настоящий патриотизм евреев может состоять только в любви к еврейству, а в этом, кажется, у них нет недостатка. И не забавны ли упреки в космополитизме, обращенные к той единственной нации, которая от незапамятной древности сквозь жесточайшие испытания сохранила всю свою национальную самобытность, – сохранила до такой степени, что те самые, что упрекают эту нацию в

космополитизме, вынуждены бывают соединять этот упрек с прямо противоположным и, как было уже замечено, обвинять космополитов в узком национальном обособлении? И этот последний упрек столь же странен, как и первый. Ибо где был народ более восприимчивый и открытый чужим влияниям, чем евреи, которые, изучивши внутреннюю духовную сущность своей народности, никогда не дорожили ее внешними природными признаками и даже язык свой неоднократно меняли: возвратившись из Вавилона, они говорили по-халдейски, в Александрии стали говорить по-гречески, в Багдаде и Кордове – по-арабски, а ныне повсюду говорят на полунемецком жаргоне и, притом, всегда и везде принимали личные имена и фамильные прозвища от чужих и иноверных народов.

Консерваторы разных стран и исповеданий единодушно упрекают евреев в особенной склонности к либерализму и признают их даже прямыми родоначальниками и главными двигателями современного либерального движения в Европе. Если так, то нам, со своей стороны, остается только пожалеть, что евреи до сих пор так плохо исполнили свое дело в той стране, где истинно либеральные принципы и порядки были бы особенно нужны и для самих «сынов Израилевых», и для «народа земли». Замечательно, впрочем, что свои идеи свободы и социальной правды евреи выводят, и не без основания, из самой Моисеевой Торы. При такой почтенной древности прогрессивные идеи евреев можно с одинаковым правом считать консервативными и даже ретроградными, так что любая из партий, на которые распадается цивилизованное человечество, может найти себе сочувственные элементы в еврействе, которое, однако, свободно от непримиримого противоречия между всеми этими элементами, но подчиняет их всех своему религиозно-национальному единству.

При явной несостоятельности общих принципиальных обвинений еврейства, противоречащих друг другу и взаимно себя упраздняющих, антисемиты должны были избрать для своих нападений другую, более частную и конкретную почву. Возобновились старинные жалобы на то, что религиозный закон евреев, содержащийся в Талмуде, предписывает избранному народу ненавидеть всех иноверцев, в особенности христиан, и наносить им по возможности всякий вред. Не было бы поистине ничего удивительного, если бы действительно в религиозных книгах евреев были такие предписания. Нужно ли припоминать все, что евреи претерпели от христианских народов в средние века, когда гонения на них доходили до такого неистовства, что даже столь строгий ревнитель воинствующего католицизма и столь решительный противник иудейства, как папа Иннокентий III, должен был издать в защиту евреев особое узаконение (*constitutio pro ludaeis*), где он, между прочим, запрещает христианам под страхом отлучения от церкви разрушать еврейские кладбища и вырывать погребенные тела с целью вымогательства денег? Нам кажется, что все обвинения евреев в сребролюбии и эксплуатации христиан

блещут перед таким свидетельством. Но оставим эти давно прошедшие деяния. Припомним нечто более близкое по времени и по месту. Многим из наших читателей, вероятно, будет интересно, хотя едва ли утешительно, узнать, что менее чем полтора столетия тому назад, в 1738 году, в Петербурге были сожжены на костре еврей Лейба Борухов и флота капитан-лейтенант Возницын за то, что первый из них обратил второго, посредством разговоров, в еврейство*.

Помимо безотчетных антипатии и предрассудков против еврейства существуют еще до сих пор в некоторых по крайней мере христианских странах законы, налагающие заклятие на еврейскую религию, отделяющие евреев от остального населения непроницаемой стеной, как каких-то зачумленных.

Ввиду этого, если бы в еврейских религиозно-юридических кодексах содержались постановления соответствующего духа по отношению к христианам, то это было бы только справедливо. Но находятся ли действительно у евреев подобные постановления? Благодаря новейшему антисемитическому движению этот вопрос достаточно выяснился. Дело в том, что пока сами евреи или их защитники из христиан утверждали, что в Талмуде нет никаких узаконений, предписывающих ненавидеть христиан и вредить им, можно было отвергать такие уверения как пристрастные. Но вот из среды самих антисемитов люди, владеющие более или менее научными средствами для такой задачи, употребляют все старания, чтобы *per fas et nefas* отыскать в Талмуде и других религиозно-правовых еврейских книгах то, что им нужно, т.е. законы, обязывающие евреев к ненависти и вражде против христиан. И если, в конце концов, результат всех этих исканий и стараний сводится почти к нулю, то всякий беспристрастный человек убедится, что на этой почве, по крайней мере, дело антисемитов проиграно.

Лет пятнадцать тому назад в Австрии и Германии началась и доселе еще не совсем прекратилась ожесточенная литературная, а отчасти и судебная борьба из-за Талмуда. Главный повод к этой борьбе дали два антисемитических сочинения. «*Der Talmudjude*» профессора Ролинга и «*Der Judenspiegel*» доктора Юстуса (псевдоним). Вокруг этих двух книжек выросла целая полемическая литература за и против иудейства и, в частности, за и против Талмуда**. Для нас особенно интересно сочинение Юстуса «*Der Judenspiegel*». Автор его, очевидно, практичный знакомый с талмудической литературой, постарался извлечь оттуда целый ряд положительных узаконений, обязательных, как он уверяет, и для современных евреев и предписывающих ненависть и вражду к христианам. Таких «законов» он набрал целую сотню. Правда, их подлинность решительно отрицалась не только евреями, но и христианскими учеными, между прочим, известным гебраистом и богословом Деличем. Но так как и у Юстуса явились более или менее ученые защитники, то читатели-неспециалисты могли быть поставлены в весьма затруднительное положение, не зная, кому верить. По несчастию для антисемитов, из их среды самым серьезным и обстоятельным защитником Юстуса выступал доктор Эккер, который, несмотря на всю обнаруженную им вражду к евреям и на все свое пристрастие в пользу автора «*Judenspiegel*»***, оказался, однако, неспособен скрыть фактическую истину в этом деле. Он проверил

все ссылки Юстуса и в своей книжке «Der Judenspiegel im Lichte der Wahrheit», перепечатав все сто «законов» Юстуса, после каждого из них воспроизвел соответствующие тексты в подлиннике с точным немецким переводом. Таким образом, все то, что затем говорит критик со своей личной точки зрения, нисколько не мешает беспристрастному читателю составить правильное суждение по всем пунктам. И, во-первых, оказывается, что Юстус свои законы вовсе не брал готовыми из еврейского религиозно-юридического кодекса («Шулхан орух»****, а составлял каждый закон из нескольких отрывков, взятых иногда из разных сочинений неодинакового достоинства и авторитета. Большею частью эти отрывки поставлены у Юстуса в совершенно произвольную связь между собою, тексты перемешаны с комментариями, общеобязательные узаконения – с частными мнениями раввинов, – и все это передано лишь приблизительно, своими словами: дурной пример, когда дело идет о законах, – и все это передано лишь приблизительно, своими словами: ненависти к христианам просто вставлены Юстусом от себя, и при этом без всякого обозначения и без всяких оговорок. Из многих примеров приведем один. Под № 23 читается в «Judenspiegel» такой закон: «Свидетелями могут быть признаны только носящие человеческое имя; но акум (христианин) или иудей, принявший христианство, он же еще хуже природного христианина, совсем не могут быть почитаемы за людей, в силу чего и свидетельское их показание не имеет никакого значения». Вот «закон», который был бы очень дорог для антисемитов, если бы только он не был подложным. В самом деле те два текста еврейского кодекса, на которые ссылается Юстус, гласят лишь следующее: 1) «Язычник (гой) и человек несвободный (эбед) неспособны к свидетельству». 2) «Ложные доносчики (га-мосрим) и безбожники (букв. «эпикурейцы» – а-апикоросим) и отступники хуже язычников и неспособны к свидетельству». Если даже, вопреки прямым свидетельствам многих авторитетных раввинов, принять, что под язычниками разумеются христиане, то, во всяком случае, о том, что они не люди, в приведенных текстах нет ни слова. Мы готовы допустить, что многовековое бесчеловечное отношение христианских народов к евреям успело в глазах сих последних затмить человеческое достоинство их гонителей и вытеснить из сердца Израиля братские чувства к новому Эдому. Но дело здесь не в чувствах, а в положительном законе. Мы знаем, например, что сто лет тому назад православные казаки, воюя с последними остатками «Речи Посполитой», везде, где только могли, вешали на одну виселицу еврея, польского ксендза и собаку с такою надписью: «Жид, лях да собака – вера еднака»*. Но кто же решится вставить это изречение без всяких оговорок в цитаты из свода законов Российской империи или из канонических постановлений православной церкви? Но именно подобным образом поступают изобретатели псевдоталмудических законов.

Обращаясь далее к содержанию этих ста законов доктора Юстуса, мы находим между ними целый ряд постановлений, запрещающих евреям принимать какое-либо участие, прямое или косвенное, в богослужении иноверцев, разумеется, преимущественно христиан, как-то: доставлять воду для крещения, продавать свечи для церкви, торговать иконами или священными книгами христиан, поздравлять их или делать им подарки в их праздники и т. д. (№ 58 и след.). Таким образом, евреям ставится в вину даже то, что, оставаясь евреями, они не вступают в религиозное общение с христианами! Но допустят ли еще эти последние такое общение? Во всяком случае, прежде чем ставить подобное требование евреям, следовало бы дожидаться восстановления религиозной солидарности между самими христианскими исповеданиями. Недавно пишущий эти строки получил от одного протестантского миссионера несколько номеров американского миссионерского журнала, где, между прочим, говорилось, что главное препятствие к обращению современных русских и болгар в христианство состоит в том, что эти народы считают себя христианами*. С другой стороны, один православный духовный оратор с церковной кафедры противопоставлял между собою как два враждебных начала русский крест и латинский крест. При таких условиях на всякий наш упрек в религиозно-национальном обособлении, на всякое наше требование широкой веротерпимости у евреев есть готовый ответ: врачу, исцелился сам, или еще: лицемер! вынь прежде бревно из глаза своего и тогда увидишь, как лучше вынуть спицу из глаза брата твоего.

Трудно поверить, что «Judenspiegel» воспроизводит, между прочим, как обвинительный документ против евреев и такие законы, которые предписывают им величайшую осторожность в обращении с христианами, дабы не подвергнуться от них смерти или какому-нибудь важному вреду. Что эти законы, сформулированные в XVI веке, имели слишком много оснований и поводов, это странно было бы и доказывать; а в таком случае, для кого же предосудительны и постыдны эти законы?

Это довольно печальная тема. Но есть и забавные места в «Judenspiegel». К их числу, несомненно, принадлежит закон № 76, запрещающий евреям отдавать своих детей в какие бы то ни было христианские училища. Как жаль, что о таком (по уверению д-ра Юстуса, обязательном и в настоящее время) законе ничего не знало наше министерство народного просвещения: это избавило бы его от труда определять нормальный процент евреев в русских училищах.

В окончательном результате, если устранить из рассматриваемого нами обвинительного акта все подложное, неверное и несообразное, то останутся семь или восемь законов, которыми антисемиты могли бы с некоторою видимостью правды воспользоваться для своих целей. Таковы постановления, позволяющие еврею не возвращать найденной им вещи, если она потеряна иноверцем, или разрешающая еврею пользоваться ошибками иноверца при денежных расчетах, или, наконец, допускается отдавать иноверцам деньги в рост (что запрещается относительно евреев).

Было бы весьма удивительно, если бы еврейский кодекс XVI века признавал обязательное равенство между евреями и христианами, когда в самых просвещенных христианских странах это равенство

признано лишь несколько десятков лет тому назад, а в той стране, где находится главная масса евреев, они досель не пользуются гражданской полноправностью.

Талмудический закон, разрешающий рост только относительно иноверцев, взят прямо из Торы Моисеевой. Но из какого религиозного источника заимствованы постановления наших псевдохристианских государств, узаконяющие ростовщичество для всех без различия? Во всяком случае, не странно ли требовать от евреев, чтобы они относились к нам лучше, нежели мы относимся и к ним и даже друг к другу?

Впрочем, должно заметить, что упомянутые постановления имеют характер отрицательный, выражают собою лишь юридический предел безнравственного действия, а никак не положительное нравственное требование. Талмуд только дозволяет, но никак не предписывает и не одобряет захвата вещи, потерянной иноверцем. И если изобретатель ста законов иногда превращает дозволение в предписание, то это есть лишь один из его подлогов, осуждаемый даже пристрастным к нему критиком (например, № 36). На самом деле этого рода законы выражают лишь крайний юридически обязательный minimum нравственных поступков. Но, заключая в себе лишь юридическое требование наименьшего, эти постановления не исключают нравственного требования большего. Напротив, такое нравственное требование находит в самом Талмуде положительное основание в трех известных принципах, которыми может гордиться еврейская этика: в принципе «священия имени» (Б-зия) – «киддуш га-шэм», в принципе «хуления имени» – «хиллুল га-шэм» и в принципе «путей мира» – «даркэ-шалом». Делать добрые дела, чтобы ими прославлялась истинная вера, делать больше, чем предписывает формальный закон, делать добро не из страха и не для своей чести, а для славы Б-га Израилева, – вот что значит святить имя. Ученики рабби Симона бен-Шетаха, рассказывается в иерусалимском Талмуде, купили ему осла у одного сарацина. На сбруе животного оказалась драгоценная жемчужина. «Знает ли об этом продавший?» – спросил рабби. – «Нет», – отвечали ученики. – «Так идите скорее и возвратите ему сокровище». Когда это исполнили, сарацин воскликнул: «Слава Б-гу иудеев!» Это восклицание язычника, – замечается при этом в Талмуде, – было для рабби Симона дороже всех сокровищ в мире.

«Однажды наши старики, – рассказывал рабби Ханина, – купили у проходивших римских солдат мешок пшеницы и нашли в нем кошелек с золотом. Они поспешно догнали солдат и возвратили им находку. Тогда те воскликнули: “Слава Б-гу иудеев!” Рабби Самуэль бен-Сузарти отправился в Рим и нашел там драгоценное украшение, потерянное императрицей. Было объявлено всенародно, что тот, кто возвратит находку в течение тридцати дней, получит большое вознаграждение, а у кого она окажется после тридцати дней, тот будет казнен. Рабби Самуэль принес украшение на тридцать первый день. Императрица спросила с изумлением: разве он не знал о том, что было объявлено? “Я слышал об этом, – отвечал рабби Самуэль, – но я принес находку не из желания награды и не из страха казни, а единственно только из страха Б-зия”. Тогда императрица воскликнула: “Слава Б-гу иудеев!”»

Но если положительный принцип «киддуш а-шэм» есть идеальное требование, осуществляемое лишь праведниками, то соответствующий ему отрицательный принцип «хиллул а-шэм» налагает безусловные обязанности на всякого еврея. В силу этого принципа, если известный поступок, хотя сам по себе дозволенный законом, при данных обстоятельствах является зазорным и может вызывать хулу на Израиль и на Б-га его, то такой поступок, несмотря на свою отвлеченную законность, становится величайшим грехом и преступлением. Более или менее широкое применение этого важного принципа зависит, очевидно, не от евреев, а от тех народов, среди которых они живут. Так, например, если бы в христианском обществе ростовщичество и другие подобные профессии считались делом безусловно предосудительным и бесчестным, то евреи, в силу принципа «хиллул га-шэм», обязаны были бы воздерживаться от таких профессий.

Наконец, третий принцип – «путей мира» – требует, чтобы известные действия, по закону необязательные, например, давать милостыню иноверцам, воздавать похоронные почести их покойникам и т. п., исполнялись евреями для сохранения и установления мирных и дружественных отношений со всеми – «мипинэ даркэ-шалом». Ибо, по Талмуду, мир есть третий (после истины и справедливости) столп, на котором держится вселенная; а дружелюбие есть величайшая из добродетелей.

Итак, в Талмуде нет тех дурных законов, которые хотят отыскать в нем антисемиты. Немногие отдельные узаконения, которые с точки зрения современной этики, освободившейся до известной степени от национализма, могут казаться несправедливыми, теряют всю свою практическую силу благодаря принципам «киддуш га-шэм», «хиллул га-шэм» и «мипинэ даркэ-шалом». Антисемитам приходится поневоле вернуться к общему принципиальному обвинению Талмуда. Как совокупность религиозно-национального предания, имеющего в главной своей части строго юридический характер, Талмуд есть то, что закрепляет еврейство в его обособлении; он есть твердыня, ограждающая и отделяющая евреев от остального человечества, т. е., прежде всего, от христианского мира, с которым история связала их теснейшим образом. Против этой твердыни еврейства христианский мир уже пятнадцать веков обращает и вещественное, и духовное свое оружие. Это оружие заметно притупилось, а враждебная твердыня стоит по-прежнему. Мы глубоко убеждены, что ее крепость заключается не в одном упорстве евреев. Талмудическое иудейство содержит в себе практический религиозно-национальный закон жизни. Нельзя противопоставлять такому закону отвлеченные идеи общечеловеческой цивилизации. Это предметы совершенно разнородные, которые не могут ни исключать, ни заменять друг друга. Иудейское предание несколько не отрицает идей современного просвещения. Талмуд несколько не мешал евреям пользоваться всеми благами современной цивилизации и даже деятельно участвовать в производстве этих благ. Исключительная обособляющая сила талмудического иудейства обращена не наружу, а внутрь. А, следовательно, и преодолеть эту обособляющую силу можно только изнутри.

Талмуд содержит в себе религиозно-национальный закон жизни для еврейства. Если вам не нравится, что этот закон имеет религиозный характер, тогда нападайте прямо на религию вообще; само собою разумеется, что если все еврейство утратит свои религиозные убеждения, то о Талмуде не будет и речи. Если же вы сами стоите на религиозной почве и в талмудическом иудействе вам претит лишь его национальная исключительность и косность, в таком случае, вы должны этому религиозно-национальному закону жизни противопоставить (и не на словах только, а на деле) другой, религиозно-вселенский закон жизни. Между тем, представители правоверного христианства могут выступить против правоверного иудейства лишь с проповедью отвлеченной богословской истины (в лучших и редких случаях сопровождаемой благими пожеланиями и надеждами). Но на такую проповедь религиозные и добросовестные иудеи могут ответить приблизительно следующее.

«В ваших богословских рассуждениях об истине христианства вы забываете две вещи: природу религии и особенность еврейского характера. Вы забываете, что христианство, как религия, должна быть системой жизни, а не системой одних богословских мыслей, и что, следовательно, о ней нужно судить не на одних теоретических, а, главным образом, на практических основаниях. Вместе с тем, вы забываете, что евреи тем и отличаются от греков, индийцев, германцев, что для них умозрительная истина сама по себе не имеет значения, а ценится лишь в своем приложении к жизни, ценится по своему полезному действию или по своей действительной пользе*. Мы, евреи, судим о дереве не по величине ствола, не по живописности ветвей, не по форме листьев и красоте цветов, а по вкусу и питательности плодов. И так мыслит не только Иерусалим, но и Галилея; и ваш Учитель держался того же взгляда, и в вашем Евангелии записано изречение, что всякое дерево познается по плодам своим. Итак, будемте говорить не о листе христианского богословия, а о плодах христианской жизни. Я не хочу настаивать на том, что эти плоды всегда были горьки для нас, евреев. Быть может, эта горечь происходит не от самого христианства и даже не от злобы христиан. Быть может, сам Израиль еще не довольно тверд в заповедях Б-га своего, и Он доныне продолжает испытывать Свой народ, как и прежде испытывал посредством Мицраима и Ассура, Явана и Эдома. Но что взяли из христианства для своей жизни сами христианские народы? Я не говорю о святых и праведниках: они существуют в христианстве и вне его как редкое исключение, но христианство и не гоняется за невозможную цель – исправить всех людей поодиночке, оно не ограничивается проповедью личной морали, оно принимает форму коллективного целого, является как церковь. Церковь существует не для того, чтобы произвести только святого человека или производить святых людей поодиночке, а для того, чтоб устроить по-Б-жьи остальную жизнь, чтобы общественная правда и личная праведность могли взаимно поддерживать и питать друг друга. Вы, христиане, утверждаете, что ваша религия есть высшая и окончательная ступень б-жественного откровения, что она внесла в мир новые жизненные начала, которых не знало иудейство. Если так, то эти новые начала должны были обновить и пересоздать всю жизнь христианского человечества, они должны были вносить высшую правду во все общественные, гражданские и международные отношения христианского мира. Мы хотим очевидного доказательства социальных успехов христианства. Указывают обыкновенно на то, что проповедь Евангелия уничтожила главную язву древнего мира – рабство. Замечательно, однако, что за полторы тысячи лет до появления христианства Моисеево законодательство принимало против рабства гораздо более общие и действительные меры (именно учреждением субботних и юбилейных годов), нежели те смягчающие паллиативы, которые мы встречаем в церковных канонах. Несомненно, что нравственная идея христианства подрывает рабство, но дело здесь не в идее, а в деле, а на деле рабство продолжало существовать в той или другой форме во все время преобладания христианской идеи и было окончательно упразднено только в XVIII и XIX веках, то есть как раз в эпоху религиозного упадка и господствующего неверия. Точно то же должно сказать о смягчении уголовной юстиции, уничтожении пыток и т. п. Те успехи в социальных правах, которые достигнуты христианскими народами в два последние века, не находятся в прямой связи с христианством. Да и во всяком случае эти улучшения социальных нравов слишком поверхностны и слишком мало изменяют общую картину вашей социальной жизни, которая решительно чужда христианскому идеалу. Наш еврейский народ видел, как жили язычники, видит теперь, как живут христиане, и не находит существенной разницы между теми и другими. Жизненные основы и там, и здесь одни и те же. И там, и здесь социальная жизнь основана не на всеобщей нравственной солидарности, а на взаимном противодействии и механическом уравновешении частных сил и интересов; и там, и здесь угнетение слабых сильными и борьба сильных между собою. Разве христианство подчинило экономический строй общества какому-нибудь нравственному закону, разве оно ввело разумную целесообразность и справедливость в распределение труда? Разве теперешняя экономическая эксплуатация не есть то же насилие, и теперешняя свободная конкуренция не та же ли борьба за добычу? Вы молитесь Б-гу правды и любви, а служите богу силы и удачи, тому самому золотому тельцу, которым нас попрекаете (несправедливость этого попрека обличается вашею же христианскою литературой: в ней типичный служитель золотого тельца не жид Шейлок, а скупой рыцарь). Если бы то христианское общество, среди которого мы живем, не ставило денег выше всего, то и нам не было бы причины заниматься денежным делом. Денежное жидовство есть продукт вашей цивилизации: когда мы были самостоятельны, мы славились религией, а не деньгами, храмом, а не биржей. То, что есть хорошего в нашей натуре, идет от праотца нашего Авраама; то, что есть хорошего в нашем быту, идет от нашего законодателя Моисея, а все, что есть дурного и в нашей натуре, и в нашем быту, есть плод нашего приспособления к тому обществу, среди которого мы жили и живем: сначала к обществу язычников, а потом и в особенности к обществу христианскому. Несмотря, однако, на это вольное и невольное “применение к среде”, исказившее наш первоначальный тип, мы все-таки сохраняем свои главные особенности, возвышающие нас как над язычниками, так и над христианами, а именно:

непоколебимую привязанность к своему религиозному закону, тесную солидарность между собою и добрые семейные нравы. Слиться с современным христианским обществом значило бы для еврейства потерять свои нравственные основы, не получив ничего взамен.

Не говорите нам, что дурное устройство и худая жизнь христианского общества не упраздняют внутренних преимуществ христианской религии, что религиозная истина имеет свою собственную особую область. Это мы знаем, и наш великий синедрион еще в древние времена указал три основы для нашей религиозной жизни: учение, богослужение и деятельную любовь. Но, различая эти три основы, мы считаем непозволительным и нечестивым отделять их друг от друга, отделять теорию от практики, богослужение от человеколюбия. В этом отделении есть ложь. Поэтому хотя бы мы и признали, что ваше христианское учение истинно и ваше богослужение правильно, но, видя, что ваша жизнь и дела ваши не управляются законом любви и правды б-жеской и человеческой, мы считаем вашу религию бессильною и не желаем к ней присоединиться.

Если бы мы, евреи, могли понять сущность христианства, то мы ни за что не хотим принять вашего отношения к религии как к какой-то отвлеченной истине. По-нашему, истина не может быть отвлеченной, не может отделяться от практики жизни. Мы народ закона, и самая истина есть для нас не столько идея ума, сколько закон жизни. А по-вашему, напротив, истина – сама по себе, а практическая жизнь – сама по себе. Не только ваша житейская действительность не осуществляет вашего религиозного идеала (чего и требовать нельзя), но вас несколько не смущает, что самый закон вашей жизни, например, в области политики или социальной экономии, прямо противоречит вашему религиозному началу. У вас люди самых разнообразных мнений сходятся в том, что религиозно-нравственные требования не имеют никакого смысла в политике и социальной экономии, что здесь все решается не человеколюбием и высшею правдой, а только себялюбивым интересом той или другой народности, того или другого общественного класса. Так оно есть, так оно и должно быть, по-вашему. Ваш религиозный идеал есть выражение высшей святости, а закон вашей жизни есть и остается законом греха и неправды. Вы убеждены, что идеальное не может быть практичным, а практичное не может быть идеальным. Мы же, евреи, как бы низко ни падали, но на такое принципиальное отречение от истинной жизни и от живой истины, на такое узаконенное раздвоение и противоречие между идеей и делом, на вечное бессилие правды, на вечную неправду силы мы несогласны.

Одно из двух: или ваша религия действительно неосуществима; тогда, значит, она есть лишь пустая и произвольная фантазия; или же она осуществима и, значит, вы лишь по своей дурной воле не осуществляете ее; в таком случае, прежде чем звать других к себе, раскайтесь и исправьтесь сами. Научитесь исполнять свой Новый Завет так, как мы исполняем свой Ветхий Завет, и тогда мы придем к вам и соединимся с вами. А теперь, если бы мы и хотели прийти к вам, то не можем, ибо не знаем, к кому из вас идти. Ваше царство разделилось на ся и нет единодушия между вами. Покажите нам то единое и вселенское христианство, которое бы сняло с нас оковы народной исключительности».

Такую или подобную речь мог бы держать к нам всякий религиозный иудей. И никакие наши возражения против его доводов не имели бы для него убедительной силы, пока практическое заключение его речи остается непровержимым. Действительно, мы не можем думать о соединении еврейства с христианским миром, пока сам этот мир разделен в себе; мы не можем ждать, чтобы евреи пожертвовали нам своею народною исключительностью, когда среди нас самих национальная вражда возобладала над вселенским единством; мы не имеем права требовать, чтобы религиозные евреи оставили свои мечтания о будущем царстве Мессии, когда мы не можем дать им настоящего царства Мессии; мы не можем, наконец, убедить евреев, чтобы они поверили в христианство, когда мы сами так плохо верим в него. Те из нас, которые думают, что христианство никогда не достигнет единства в себе и никогда не получит власти над нашею жизнью, тем самым признают бессилие своей религии, и перед евреями они безответны.

Сохраненное, благодаря Талмуду, в своем религиозно-национальном обособлении еврейство еще не утратило смысла своего существования. Оно стоит доселе живым укором христианскому миру. Оно не спорит с нами об отвлеченных истинах, а обращается к нам с требованием правды и верности: или отказаться от христианства, или приняться решительно за его осуществление в жизни. Беда для нас не в излишнем действии Талмуда, а в недостаточном действии Евангелия. От нас самих, а не от евреев, зависит желанное решение еврейского вопроса. Заставить евреев отказаться от законов Талмуда мы не можем, но применить к самому еврейству евангельские заповеди всегда в нашей власти. Одно из двух: или евреи не враги нам, тогда и еврейского вопроса вовсе не существует, или же они наши враги, и в таком случае относиться к ним в духе любви и мира – вот единственное христианское разрешение еврейского вопроса.

*Nai dte e «I i i u u»,
1901*

** A a a i e i a q u a a o i y a n a o i a d a e i a a a + o i i a i o i i n e o i y i d y i i e c a e i i a a e i a a o d a d a e e a i c i i - i a q e a a o a e i i u e e i i y o e - a i e e e .*

** «I e o i a» - «i i a o i d a i e a» (o . a i i a o i d a i e a c a e i i a), m n o i e o e c 63 o d a e o a o i a d a m i t e i t a e a i u o i i o a n o e i o a a e a i , i a i e i a p u e i m a i p a n a d a e e a i c i u a e a i a d a q u a i t e n a y e n i i e i e a n a e e o a e i e e a i o i i o a i e y a d a e i o a a*

*** «A a i a d a» - «m a a d o a i e a» e e e «a i i i t e i a i e a» .*

* *Innocentii III: «Opera ed Migne», t I, col. 865*

* *Ni.: I tēi iā māā çāēī., Ō. 76è2*

** *I āçīāi ēēōū òā m:ēīāīēy, ēīōīōūā īāi īðēēīnī īōī:āñōū Dr. V. Hoffmann: «Der Schulchan-Aruch», 1885.- Dr. Joseph Kopp: «Zur Judenfrage», 2 Aufl. 1886.- Dr. Jakob Ecker: «Der Judenspiegel im Lichte der Wahrheit», 2 Aufl. 1884.- Fran/; Delitsch: «Rohling's Talmudjude», 7 Aufl. 1881. Āā çāç «Zweite Streitschrift in Sachen aes Antisemitismus». Āā çāç «Neueste Traungesichte etc.». 1883. Āā çāç «Schachmatt den Blutlignern etc.», 2 Abdr. 1883.-Dr. M. Joel: «Meine Gutachten uber den Talmud», 1877.-Karl Fischer: «Gutmeinung fiber den Talmud der Hebraer», 1883*

Èç yōēō āīnū ē (īī:ēōāy īāi īā ðīēēīā ē Pñōōā) āāōīōīā - òðē āī òēīāi ēōā, āāā āāçy ē òðē òðēñōēāīēīā

*** *I ðēñōðāñōēā īāñōīēūēī ñēēūīā ÷ōī āūēī āūñēāçāīī āāçā òāēīā īīāīçðāīēā ÷ōī Dr. Ecker āāē ēēōū īāīā ēīy, ā ÷ōī āīīēīāēy īāīēñāīā īāīēī Pñōōāī. Āīōī:āī, yōī īīāīçðāīēā īðāñōāāēyāōñy īāi ī āēī īðāāīīīāīāīūī.*

**** *Ōēūñāī-āðō, ò.ā īāēðūòūē ñōīē, mñōāāēāī ðāāāē Èīçāōīī Èāðī āXVI ā āī āēāñōēīā ē īīōīī āūē īāðāðāīōāī āēy āāñīāēñēēō āāñāā ðāāāē Ī īēñāī Èññāēāñī. Yōā ēīēāā īōīīñēōñy ē ðāēī ōōīðēāēēçēōāēūī òāē çāç ēāē īāçā «Èīēāī īðāāē» īōīīñēōñy ē āāāīēī «Èīōī ÷ēī».*

* *Yōīō òāēō mīāūāāōñy, ī āēāōīōī:ēī, ā «Èñōīðēē īāāāīēy Ī īēūōē» Ñ. Ñīēīāūāā*

* *Āīēē āū āāēī çēī ī īēīōīī ēñīēīāīēē òðēñōēāīñēēō çāīīāāāē ā çēçīē īāðīāā, òī òāēīē ōīðāē āūē āū mīðāāāēēā ōīōy ē ðāñōīñōðāīyēīy āū āīēāā ēēē īāīāā īā āñā āāñēñīāāāīēy. Īī īī:ōāīīūē ī ēññēīīāð āēāēō īāçā yçū:āñōāī īā ā yōīī, ā īðññōī ēēōū ā òīī, ÷ōī ī ū īðēīāāēāçēī ē īðāññēāāīīī ōēñīāāāīēç.*

* *Īā īñāāīīñōyō āāñāēñēāī īēðīāīçðāīēy m. ā īāçēō ī:āðēāō: «Āāñāēñōāī ē òðēñōēāīñēēē āīīōīñ». Ī īñēāā, 1884*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Читателю следует знать некоторые лагерные речения. Канадой называлась группа заключенных, встречавшая новоприбывших. Appelplatz – место развода и переклички (лагерная площадь). Штуба (от немецкого die Stube – комната) – часть барака (вагонка). «Адрес» заключенного звучал так: в первом блоке, штуба третья, на верхних рюмах (нарах). Effektenkamera – склад, где вещи и ценности дожидались сожженных владельцев. Работали на складе efekty (по-польски – с одним f). Они же (и Canada) считались аристократами.

2. Время, которое отделяет нас от событий, что-то сделало общепринятым (блок, блоковый), а что-то, напротив, зашифровало. И сокращение FKL – видимо, женский концентрационный лагерь (K и L совпадают, а женщина – Frau).

3. Иностранная лексика вводится, как правило, декоративно – выявить и подчеркнуть разноплеменный состав. Языком межнационального общения был немецкий, который употребляли нередко будто родной. Скажем, глагол verliegen спрягался на польский манер и получалось: Verleguem nach vierzehn, Doktor (переведем в 14-й, доктор). Приблизительно, как по-русски: ну, пойду арбайтать (работать)... Порой какое-нибудь немецкое междометие вставлялось вроде для ясности: да... ja... понятно.

4. Если сравнить с Вавилонской башней, где народы обрели свои голоса, в лагере происходило обратное. Общая жизнь и работа рождали общий язык – лагерный эсперанто.

5. Организовать – значит, достать, раздобыть, надыбать, устроить. Слово несколько книжное, зато на всех языках одинаково. И еще – рампа. Как синоним платформы.

6. Косвей – английский художник-миниатюрист (1742 – 1821). Фидлер (1894 – 1985) – польский писатель и путешественник, автор книги «Канада, пахнущая смолой» (русское издание: М., 1961).

7. В чешском лагере, естественно, сидели евреи из Чехии. А греки – те же евреи, депортированные из Салоник.

8. Боровский присутствует в Краткой литературной энциклопедии (1962) и в Большой советской (1970), но если бы не соседка-полонистка, я никогда бы, наверное, о нем не услышал. Советская власть признавала Боровского только в теории – ни одной его книги по-русски издано не было. Боровский рассказывает самое страшное: не только как умирали, а как жили – и выжили. Писать (и читать) про это очень трудно.

Смерть Шиллингера

Śmierć Szillingera

В 1943 году старший сержант Шиллингер исполнял обязанности лагерфюрера, то есть командовал в Биркенау рабочим филиалом «D» – маленькой ячейкой огромной лагерной сети, что покрывала всю Верхнюю Силезию, располагаясь из Освенцима.

Роста был ниже среднего, коренастый, круглое лицо. И волосы точно лен. Глаза голубые, всегда малость сощурены. Губы сжаты. А скулы приподняты, словно в нетерпеливой гримасе.

О себе не заботился. Ни разу, говорят, ни на что не польстился. Однако хозяйство свое любил. И совал нос во все дырки. Ездил без устали на велосипеде, вдруг возникая там, где его и не ждали. Действовал рукой, будто палкой – мог запросто своротить челюсть или прибить до смерти.

Не знал ни покоя, ни отдыха. С регулярностью посещал соседей, вызывая панический страх у женщин, цыган и аристократов из «эффектен-камер» – нашего «золотого дна», где хранились ценности загазованных. Инспектировал даже те команды, что работали за цепью внешней охраны, – буквально перетряхивал подчиненных: и сапоги бригадиров, и подсумки конвоя. Наведывался в крематорий, наблюдая за наполнением камеры. Словом, мало чем отличался от Палтишей, Вюншей, Кранкенманов и прочих героев тыла, что собственноручно (кулаком, дубинкою, рукояткою пистолета) отправляли нас к праотцам.

В августе 1943 года разнесся по лагерю слух, что Шиллингер канул. Ходило множество разных и вроде бы достоверных историй, которые противоречили одна другой. Что до меня, я склонен верить знакомому «придурку» из obsługi. Однажды, сидя на нарах в ожидании сгущенного молока, похищенного на складе цыганского лагеря, этот «придурок» рассказал следующее:

– В воскресенье, после дневного развода, Шиллингер прикатил в крематорий повидать нашего шефа. А у того – ни минуты свободной: в аккурат подоспели грузовики с Бендзинским транспортом... Сам понимаешь, браток, разгрузить транспорт, загнать в камеру – это тяжелая работа и требует, что ни говори, деликатности. Ну, известно: не смей пялиться, копать в манатках и, упаси Б-г, потискать голую бабу. Уж одно то, что женщинам велели раздеться вместе с мужчинами, – это для них целое потрясение, конец света... Ну, и гонишь, пока не очухались, к этой самой «бане». Да оно и вправду надобно поспешить: только первую партию загазуешь, глядь, и вторая.

«Придурок» потянулся, пересел на подушку, спустил ноги и закурил.

– Итак, внимание, браток: транспорт Бендзин – Сосновец... Хлопцы занервничали: бывали же случаи – приезжали родственники, знакомые... Мне и самому не так, чтобы весело.

– А вы откуда? По говору и не скажешь...

– Кончил педагогический в Варшаве, преподавал в гимназии в Бендзине. Был у меня вызов из-за границы – отказался: семья, браток, то, се. Ну и вот...

– Ну и вот?

– Тяжелый был транспорт... Это не то, что солидная публика – из Франции, из Голландии. Те ведь собирались основать у нас дело – в лагере для интернированных Аушвиц... А наши-то знают все наперед. Охранников набегала целая куча. Шиллингер тоже вытащил револьвер... Все бы прошло как по маслу, да он приглядел бабу. Сложена, правду сказать, божественно. Небось, для того и пожаловал... И вот подходит к женщине и берет ее за руку. А эта богиня вдруг наклонилась, зачерпнула рукой песку да как сыпанет ему прямо в глаза. Он – орать, выпустил револьвер. Она подхватила и – бац-бац! – в живот... Ну, паника! Транспорт кидается на нас, шеф и эсэсовцы наутек, а мы, как всегда, расхлебывай... Но справились, слава Б-гу! Загнали их палками в камеру и вызвали охрану, чтоб сыпала свой «циклон»... Как-никак, у нас опыт, квалификация.

– Ну да... ја... понятно.

– Шиллингер валялся на брюхе и царапал пальцами землю. Мы перекинули его в грузовик, а он стиснул зубы и стонал всю дорогу: «Oh, G-tt, mein G-tt! Was habe ich getan, das ich so leiden muss?» По-нашему это будет: «О Б-же мой, Б-же! Что же я сделал, что должен так страдать?».. Так и не понял... Вот ведь ирония судьбы! Что за дикая ирония! – повторил «придурак», задумавшись.

И точно, ирония судьбы. Когда перед самой эвакуацией обслуга взбунтовалась, подожгла крематорий, порезала проволоку и бросилась врассыпную, – немцы перестреляли автоматным огнем всех до единого.

хәйтаә нәйдрәә

Наш писарь попал в Освенцим опытным, из Майданека. Отыскал знакомого, который кое-чем поживился за счет крематория и все мог устроить. Немедля сказался больным. Без проволочек очутился на КВ-zwei – так в сокращении (от Krankenbau-2) назывался госпиталь в Биркенау – и тотчас заполучил непыльную свою должность.

Вместо того, чтобы день-деньской ворочать лопатой или таскать цемент на голодное брюхо, трудился себе в канцелярии среди тайных интриг и всеобщей зависти, сопровождал больных, выкликал на проверку, оформлял истории болезней и косвенно, стало быть, участвовал в селекции-выбраковке, которая осенью сорок третьего года устраивалась регулярно (раз в две недели) по всему лагерю.

В обязанности писаря входило с помощью санитара переправлять больных в дежурную часть, откуда вечером вывозили их на машине в какой-нибудь из четырех крематориев, работавших в то время посменно.

Где-то в ноябре у писаря подскочила температура. Он, помнится мне, простудился да на свою беду оказался единственным хворым евреем. И ничего не оставалось, как подвергнуть беднягу особому обращению – zur besonderen Behandlung, то есть отправить «в газ».

Сразу после осмотра старший фельдшер, которого из почтения величали «блоковым», пошел в 14-й барак, где лежали сплошь списанные, и сторговался насчет нашего.

– Ферлегуем nach vierzehn, doktor. Verstehen? – сказал фельдшер на лагерном эсперанто. – Переведем в 14-й, доктор. Понимаете?

Доктор сидел за столом со стетоскопом в ушах, очень старательно обстукивал чью-то спину и каллиграфическим почерком заводил историю болезни... Отмахнулся, не прерывая работы.

Писарь, скорчившись на верхних нарах, бережно завязывал картонную коробку, в которой держал чешские ботинки, шнуровавшиеся до колена, ложку, нож, карандаш, а также сало, хлеб, фрукты, что добывал у больных за всякие пашарские поблажки...

Напротив сидел старый польский майор, по особому распоряжению задержанный в лазарете, играл сам с собой в шахматы, зажав уши большими пальцами. Под ним ночной дежурный лениво отливал в «утку», а после зарылся в одеяло с головой.

Где-то плевались и кашляли. В печке скворчало сало. Было душно и жарко, как всегда к вечеру.

Писарь слез с нар, взял в руки коробку. Блоковый подал ему грубое шерстяное одеяло и велел надеть деревянные башмаки. Вышли из блока, встали перед 14-м.

Из окна видно, как наш блоковый снимает одеяло со спины писаря, забирает деревяшки и хлопает его по плечу. А писарь, босой, в ночной рубахе, которую треплет и раздувает ветер, вступает в пределы 14-го, встречаемый тамошним санитаром.

Перед ужином, когда розданы были па йки, чай и посылки, санитары взялись за доходяг, – разбивали на пятерки возле барака, стаскивали казенные одеяла и обувь. Появился дежурный эсэсовец и приказал выстроить всех цепочкой, чтобы никто не сбежал... Тем временем в блоках ужинали, копались в посылках.

Наш писарь вышел из 14-го с коробкой в руках, занял место в пятерке и подгоняемый санитаром поплелся вместе с другими.

– Schauen Sie mal, Doktor! – позвал я врача. – Гляньте-ка, доктор!

Тот вытащил из ушей трубочки, кряхтя подошел к окну и положил руку мне на плечо.

– При его связях, – кивнул я на писаря, – мог бы устроиться поумней. А, пан доктор?

Стемнело. За окном медленно проплывали белые ночные рубашки. Лица стали нечеткими. Над проволоккой зажглись фонари.

– Столько уж лет по лагерям... Что ж он, не знает, что через час или два отправится на тот свет – голый, без рубашки и без коробки... Вот ведь инстинкт собственности – вцепился, не оторвешь. Мне кажется, я, например...

– И вправду так думаешь? – равнодушно перебил доктор.

Снял руку с моего плеча и втянул воздух, словно высасывал крошки из дырявого зуба.

– Прошу прощения, доктор. Но разве вы сами...

Доктор был родом из Берлина. А жена с дочкой уехали в Аргентину... И он изредка говорил о себе: wir, Preussen (мы, пруссаки) – с усмешкой, где мучительная иудейская горечь смешивалась с гонором бывшего прусского офицера, полкового врача.

– Не знаю... Не знаю, что я бы сделал, если бы шел, как они... Тоже, наверное, тащил бы коробку. – Посмотрел на меня, улыбнулся шутливо, и я увидел, что он очень устал и не выспался. – Даже если бы везли меня в крематорий – все равно бы надеялся: а вдруг что-то случится?.. Держался бы за коробку, как за спасательный круг. Понимаешь?

Больные набились в дежурку. Галдели, кричали. Грозили поджечь... Но даже не замахнулись на охранника-санитара, который сидел в углу и то ли притворялся, что дремлет, то ли и впрямь заснул.

Ночью приехали в лагерь могучие крематорские грузовики, подошли эсэсовцы, приказали раздеться...

И санитары принялись швырять голых в машину.

Завалили ее людьми, которые, ругаясь и плача, покидали лагерь, отчаянно держась друг за друга, чтобы не выпасть из кузова.

Не знаю, зачем, но рассказывали потом, что по дороге в крематорий пели евреи на древнем своем языке какую-то дикую, потрясающую песню, понять которую никто не мог.

ἸἸαἰεῖσὸ ἀ ἄ ἄ ἄ

Весь лагерь гулял нагишом.

Сказать по правде, мы прошли уже санобработку, и наше тряпье вернулось к нам из бассейна, наполненного «циклоном», что так замечательно травит вшей в одежде.

И нас – в газовых камерах.

Только блоки, огороженные «колючкой», не встали пока на «вещевое довольствие». Но равно – и мы, и они – ходили безо всего: жара была страшная.

Лагерь закрыли наглухо. Ни один зэк, ни одна вошь не выползет за ворота. Команды не работали. День за днем тысячи голышей слонялись по апель-плацу, отлеживались под стенами и на крышах. Спали на досках, пока сеники и одеяла были в прожарке.

Из крайних бараков виден был FKL – та же картина: 28 тысяч женщин раздели и выгнали. Кишмя кишат площади и дороги.

С утра ждем обеда, шляемся по гостям. Время тянется медленно, как всегда в жару. И никаких развлечений: широкая дорога до крематория – пустая и тихая. Ни единого транспорта.

Канаду частично ликвидировали и разогнали. Попали, куда тяжелей. Потому что отъелись и отдохнули... Теперь пусть потрудятся!

Канада... Наша Канада не пахнет, конечно, смолой, как фидлеровская, а всего-навсего – французскими духами... Да уж наверняка не растет в той столько могучих сосен, сколько припрятано в этой золотых монет и бриллиантов.

Словом, сидим, болтаем ногами. Выкладываем белый домашний хлеб, рассыпчатый, рассыпающийся. На вкус, может быть, пресноватый. Зато уж не плесневеет. Хлеб из Варшавы. Неделю назад пекла его мама... Б-же мой, мама! Б-же...

Достаем сало, лук, грудинку, сгущенку.

Анри, громадный, мокрый от пота, мечтает о бутылочке красного. Скорее бы транспорт из Страсбурга, из Парижа, из Марселя...

– Слушай, топ ami (французский), когда снова пойдём на рампу, организую шампанское. Наверное, ни разу не пробовал, приятель? А?

– Брось. Все равно отберут на вахте. Организуй лучше ботинки – знаешь, с дырочками, на двойной подошве. И хорошо бы рубашку. Давно обещал.

– Терпение, терпение. Вот придет транспорт – все будет. Снова пойдём на рампу...

– А если не придет? – Я разозлился. – В конце концов, на эти печи не напасешься...

– Не пори... – вступает марселец с очень живым, как на миниатюрах Косвея, лицом (мой кореш, да только не знаю имени). – Не пори чушь! – Его толстогубый марсельский рот набит бутербродом с сардинками. – Не болтай глупостей! – И заглатывает с усилием («Пошла, холера!»). – На наш век хватит. Если б не транспорты, все бы тут околели!

– Ну, все не все... – отвечаю. – У некоторых – посылки.

– Это ты – некоторые. И твой друг. И десяток его друзей. Вы, поляки, с посылками... А евреи? А русские?.. Как же! Если бы не organization с транспортов, жрали бы вы так спокойно свои посылки... Да мы бы вам не дали!

– Дали бы. Или пухли бы с голоду, как греки. У кого жратва, тот хозяин.

– Ладно. У вас есть и у нас есть... О чем спорить?

Ясно, что не о чем. Ты имеешь, я имею... Едим вместе, спим на одних нарах... Анри режет хлеб, крошит помидоры в салат. Особенно хорошо с горчицей, если украсть из столовой.

Внизу – муравейник. Голые, потные. На нарах, в проходах. Вдоль огромной, на совесть сработанной печки – одно из местных усовершенствований, которые конюшню (на дверях еще висит табличка, что versuchte Pferde, – немецкий, – заразных лошадей ставить туда-то и туда-то)... В общем, печка превращает конюшню в уютное гнездышко на полтысячи народу.

На нижних нарах – по восемь, по десять. Костистые, вонючие. С запавшими лицами. Прямо подо мной – равнин. Накрыл голову одеялом и бубнит по молитвеннику (этой литературы – навалом). Воет, как заведенный.

– Слушай, как бы его успокоить? Орет, будто Б-га за ноги поймал!

– Слезать неохота. Пускай надрывается. Быстрее в печку пойдет.

– Религия – опиум для народа. – Это марседец – разом еврей, социалист и рантье. – Если б не верили в Б-га да в загробную чушь, давно развалили бы крематорий.

– А почему бы вам не попробовать?

Вопрос риторический. Однако марседец отвечает:

– Идиот! – Заталкивает в себя помидор и двигает губами, будто хочет что-то сказать. Жует и молчит.

Кончаем трапезу, и вдруг у дверей закипает свалка. Доходяги вскочили и спрятались под нарами. В будку блокового влетел гонец. Через минуту с величавой торжественностью вошел сам блоковый.

– Канада! Arbeiten (немецкий)! Становись! Быстро! Транспорт подходит!

– Великий Б-же! – крикнул Анри, соскочив с нар.

Марседец подавился помидором, схватил пиджак, крикнул «gaus» (немецкий)! – кыш, вон с дороги! – и был таков. Зашевелились и на других нарах. Канада уходила на рампу.

– Анри, богинки! – крикнул я на прощанье.

– Keine Angst (немецкий)! – откликнулись со двора. – Не боись!

Увязал жратву. Замотал веревками чемодан, где лук да помидоры с отцовского огорода в Варшаве приткнулись к португальским сардинам, а люблинская грудинка (это от брата) обложена сушеными фруктами из Салоник... Увязал, натянул брюки, скатился с нар.

– Platz (немецкий)! – крикнул, протискиваясь среди греков. – На место! По местам! – Расступились.

– Allez, allez, vite, vite (французский)! Давай, давай, живее!

– Was ist los (немецкий)? Что такое?

– Хочешь пойти на рампу?

– Могу.

– Тогда бегом. Как раз людей не хватает. Я с бригадиром уладил. – И выпихнул меня из барака.

Построились. Кто-то переписал номера. Кто-то крикнул от головы: «Марш»!.. И припустились к воротам под вопли разноязыкой толпы, которую кнутом загоняли в бараки. Высокая честь – трудиться на рампе.

– Левой, раз-два-три! Links, zwei, drei, vier! Muetzen ab (немецкий)! Шапки долой!

Распрямылись. Руки по швам. Идем мимо вахты. Бодро, пружинисто. Почти грациозно. Заспанный эсэсовец с рапортницей в руках вяло двигает пальцами, провожая каждую пятерку.

– Hundert (немецкий)! Сотня! – рявкнул, едва миновала последняя.

– Stimmt (немецкий)! – гаркнули от головы. – Точно!

Марш-марш! Шире шаг! Наддали!.. Полно часовых. Молодые, с автоматами. Лагерь 2-В... Нежилой С... Чешский... Карантинный... Мимо немецкого госпиталя. Среди позабытой, точно с луны, зелени, – такой буйной и яркой в многодневном палящем зное... Какие-то бараки. Опять часовые. Шоссе... И вот она – рампа.

То был идиллический провинциальный перрон на тихой затерянной станции. Прямо с картинки. Посыпан гравием. И деревья шумят. На отшибе – крошка-барак, меньше, чем будка стрелочника. А дальше огромными кучами – рельсы, шпалы, балки, щитовые домики, кирпичи, щебень, колесные кольца. Здесь отгружают товар в Биркенау. Строительный материал – для обустройства лагеря. И человеческий – в газ. Повседневные трудовые будни: въезжают грузовики, забирают доски, цемент, людей...

Расставили часовых. На рельсах, на балках. В зеленой тени силезских каштанов. Тесным кольцом окружили рампу. Отирают пот, пьют из манерок. Пекло. Солнце будто застряло в зените.

– Разойдись!

Садимся в тени под рельсами. Голодные греки... Дьявол их ведает, как прошмыгнули, – и вот, промышляют. Нашли банку консервов, заплесневелые булки, сардины...

– Schweinendreck (немецкий)! – сплевывает конвоир, молодой, высокий парень с русым чубом и мечтательными голубыми глазами. – Сейчас нажретесь от пуза. Надолго охоту отобьет. – Подтянул автомат, утерся платочком. – Дерьмо свинячье!

– Точно, скоты! – соглашаемся дружно.

– Ты, толстый... – Сапог конвоира легонько пинает Анри по загривку. – Pass mal auf (немецкий), хочешь пить? Ну, ты там!

Но француз опытный.

– Хочу, – отвечает, – да марок нет.

– Schade (немецкий), жалко.

– Но, Herr Posten (немецкий), разве мое слово уже ничего не стоит? Или господин часовой не имел со мной дела? Wieviel (немецкий)? Сколько?

– Сто. Gemacht (немецкий)? Заметано?

– Gemacht. По рукам.

Пьем воду, противную и без вкуса, в счет тех денег и тех людей, которых покуда не привезли.

– Ты осторожней, – говорит француз, отбрасывая пустую бутылку, и она разбивается где-то на рельсах. – Денег не бери – проверяют. Да и на кой нам бумажки? И без того все будет... Одежду верхнюю тоже не бери – подумают, что в побег. Рубашку возьми, но шелковую, с воротничком. Под нее – спортивную. А как найдешь что-нибудь выпить, меня не зови – перебьюсь. И гляди в оба, чтобы не заработать по шее.

– Бьют?

– Как всегда. Надо иметь глаза на заднице – Arschaugen (немецкий).

Кругом сидят греки и молотят без устали. Будто не люди, а громадные насекомые. Вгрызаются в грудку тухлого хлеба. Поглощены. Не знают, какая будет работа. Пугают их балки да рельсы. Не любят таскать.

– Was wir arbeiten? – спрашивают. – Что мы работать?

– Ничего. Транспорт kommen (немецкий), alles (немецкий) крематорий, compris (французский)?

– Alles verstehen, – отвечают на крематорском эсперанто. – Все понимать.

Успокаиваются. Не будут грузить рельсы, не будут таскать балки.

Тем временем народу прибавилось. Стало шумно. Раздавали наряды. Кому – к вагонам (вот-вот подойдут). Кому – на деревянные сходни, попутно объясняя их назначение. То были переносные (широкие и удобные) лестницы. Будто вход на трибуну или авиатрап.

С треском въезжали мотоциклы, доставившие на службу унтер-офицеров SS, осыпанных серебром отличий, рослых, откормленных, при сияющих сапогах и лоснящихся мордах. Некоторые с портфелями. У иных – тросточки. Этакие служаки. Самоотверженные труженики тыла. Элегантные, энергичные, спортивного вида.

Входили в столовую (тот крошка-барак). Летом – запотевшая в леднике минеральная, Sudetenquelle (судетская). Зимой отогревались горячим вином. Приветствовали друг друга римским вытягиванием руки. Сердечно трясли ту самую руку. И от души улыбались. Беседовали о письмах, о доме, о детях. Показывали фотографии.

Неторопливо прохаживались по перрону. Гравий хрустел. Сапоги скрипели. Серебряные петлицы блестели на вороте, а бамбуковые тросточки нетерпеливо посвистывали.

Толпа в полосатых бушлатах лежала под балками в узких полосах тени. Дышали тяжело и неровно. Разговаривали о своем. Лениво и равнодушно смотрели на великанов в зеленых мундирах. На зелень деревьев, близкую и недосягаемую. На колокольню далекого костела, где как раз били колокола, созывая молиться Ангелу Г-сподню.

– Транспорт идет...

И все приподнялись в ожидании.

Из-за поворота высунулись теплушки. Состав подавали задом. Железнодорожник на тормозной площадке свесился, махнул рукой, свистнул. Паровоз сипло откликнулся, запыхтел. Поезд медленно катился вдоль станции.

Лица в маленьких зарешеченных окошках. Бледные, мятые. Точно не выспались. Растрепанные, пораженные ужасом женщины. Мужчины (прямо экзотика!) с шевелюрой. Медленно проплывали, молча приглядывались... И вдруг взорвались. Ударили в деревянные стены. С грохотом, с воем.

– Пить! Откройте! Воды!

Тянулись из окон, ненасытно хватали воздух. Не успевши глотнуть, исчезали. Продирались другие. Исчезали. Кричали-хрипели все громче.

Человек в зеленом мундире, щедрее прочих осыпанный серебром, брезгливо поморщился. Закурил. Откинулся. Переложил портфель из правой руки в левую. Махнул часовому.

Тот медленно стащил автомат, прицелился и дал очередь по вагонам.

Затихли...

Подъехали грузовики, заняли

обычные места. Верзила с портфелем поднял руку.

– Можно брать только съестное. Кто возьмет золото или вообще что-нибудь несъедобное, будет расстрелян как вор, посягнувший на государственное имущество. Verstanden (немецкий), усвоили?

– Jawohl (немецкий)! – гаркнули разом, хотя вразнойбой. – Так точно!

– Also los (немецкий)! Do prasy (польский)! Начали!

Упали засовы, вагоны открылись.

Волна свежего воздуха плеснула внутрь, обдавая людей, будто чадом. Спрессованные чудовищным багажом, – чемоданы, чемоданища, чемоданчики, – люди теряли сознание, давились и давили других. Извивались возле дверей – рыбы, брошенные на песок.

– Внимание! Выходить с вещами. Забирать все. Вещи складывать у вагона. Пальто снять. Сейчас лето, не замерзнете. И марш-марш налево! Усвоили?

– Пане, что с нами будет? – Соскакивают на гравий, озираются беспокойно.

– Откуда вы?

– Сосновец, Бендзин... Пане, что с нами будет? – долбят и долбят, жадно вглядываясь в чужие измученные глаза.

– Не знаю... не понимаю по-польски.

Святая ложь: тех, кто идет на смерть, обманывать до последнего. Единственная доступная нам форма милосердия.

Невыносимо. Солнце расплавилось. Небо накалено. Воздух дрожит и расходится волнами. Порой налетает ветер, нагретый и распаренный, точно из бани. От сухости потрескались губы. Соленый вкус крови во рту. Тело слабое, непослушное. Пить! Ох, пить!

Накатывает из вагона разноцветная навьюченная толпа, будто слепая река роет новое русло... Но куда придут в себя, радуясь воздуху и деревьям, узлы вырвут из рук, стянут пальто, отберут сумки, зонтики...

– Пане, панове! Это – от солнца... я не могу.

– Verboten (немецкий)! – обляял сквозь зубы. – Запрещено!

А за спиной – ээсовец. Спокойный, сдержанный, опытный.

– Meine Herrschaften (немецкий)! Друзья мои! Не бросайте вещи куда попало. Немножко терпения, и все будет в порядке. – А тонкая тросточка так и гнется в руках.

– Да-да, конечно, – отвечают нестройно, – конечно... так точно... – И дружнее идут вдоль вагонов.

Какая-то женщина нагибается, поднимая сумку. Свистнула тросточка. Женщина вскрикнула, споткнулась и упала под ноги толпы. Ребенок, что бежал следом, заныл: «Мамеле!» (еврейский) – такая маленькая растрепанная девочка.

– Мамочка...

Растет куча вещей: чемоданы, узлы, пледы, пальто, дамские сумочки. Некоторые падают, раскрываются сами собой. Сыплются яркие радужные банкноты, золото, часы. У вагонов возвышается гора хлеба, громоздятся пестрые банки мармелада, повидла, груды баночной ветчины, валяется колбаса, развезя по гравию сахар.

Забитые людьми отъезжают машины. С адским грохотом. Под вопли и причитания женщин, оплакивающих детей. При тупом молчании внезапно осиротевших мужчин. Те, что направо, – молодые и здоровые, – им в лагерь. Газа не миновать, но сперва поработают.

Туда и обратно снуют машины. Без передышки, как на конвейере. Постоянно курсирует «скорая помощь». Разлапистый красный крест на капоте расплавился, точно воск, – краска течет на солнце... Неутомимая «скорая»! В ней-то и перевозят «циклон», которым травят этих людей.

У Канады ни минуты покоя. Те, что дежурят на сходнях, заняты сортировкой. Вталкивают людей на ступеньки, утрамбовывают в машине. На каждую – примерно по шестьдесят. Так, плюс-минус.

Рядом стоит молодой, гладко выбритый господин – ээсовец-счетчик. Что ни машина – черточка: 16 машин – 1000 человек. Так, плюс-минус. Господин уравновешенный, аккуратный. Машина не тронется без его ведома. И без его черточки. Ordnung muss sein (немецкий)! Да будет порядок!

Черточки превращаются в тысячи, тысячи – в транспорты. Про них говорят: чешский, венгерский, греческий... Из Салоник, из Страсбурга, из Роттердама... Об этом уже сегодня скажут: Бендзин. Но имя, что получит он в вечности, – Бендзин-Сосновец. А тем, кто пойдет в лагерь, достанутся номера: 131-132. Понятно, что тысячи. Но в сокращении, в просторечии будет так: 131-132.

Транспорты умножаются на недели, месяцы, годы. Когда кончится война, будут считать сожженных. Насчитают четыре с половиной миллиона. Самая кровавая битва войны, самая большая победа единых сплоченных немцев. Ein Reich, ein Volk, ein Fuehrer (немецкий). Одна страна, один народ, один вождь – и четыре крематория.

Но крематориев будет шестнадцать. Пропускная способность – пятьдесят тысяч в сутки. Лагерь расширится. Проволока под током упрется в Вислу. Население – триста тысяч полосатых бушлатов. И называться будет Verbrecherstadt (немецкий) – город преступников.

Людей хватит. Сгорят евреи, сгорят поляки, сгорят русские. Придут люди с запада и юга, с материка, с островов. Явятся полосатые бушлаты, отстроят разбитые немецкие города, вспашут заброшенные земли, а когда свалятся в беспощадной работе, в бесконечном bewegung (немецкий) движении, – откроются двери газовых камер.

Вагоны опустели. Худой щербатый ээсовец спокойно заглянул в середину и мотнул с отвращением головой.

– Rein (немецкий)! Очистить!

Заходим. По углам, среди кала и раздавленных часов, лежат задохшиеся, затоптанные младенцы – нагие уродцы с огромными головами и вздутыми животами. Выносим их, как цыплят, за ноги. По паре в каждой руке.

– Не тащи на машину. Отдай женщинам, – говорит эсэсовец, закуривая... А зажигалку заело. Ею и занят.

– Берите же, ради Б-га! – кричу я, потому что женщины убегают, втянув головы в плечи.

Странно и нелепо звучит Имя Г-сподне. Ведь женщины с детьми, даже с мертвыми, идут к машинам. Все без исключения. А мы-то уж знаем, куда те машины... И глядим друг на друга с ненавистью и страхом.

– Что, не хотят брать? – сказал шербатый, справившись с зажигалкой. – Ну что ж... – И взялся за кобуру.

– Не надо стрелять. – Седая высокая дама берет у меня младенцев и смотрит прямо в глаза. – Дети... дети...

Привалился к вагону... Кто-то дергает за руку.

– Идем, дам тебе выпить. En avant (французский)! Вперед!

В голове помутилось. Чье-то лицо прыгает перед глазами, расплывается. Огромное, прозрачное. Сквозь него – неподвижные деревья. Черные... Перетекающая толпа... Быстро и резко моргаю: Анри.

– Слушай, француз, мы хорошие люди?

– Нашел время...

– Нет, понимаешь, во мне злость против этих... Ведь почему мы здесь? Из-за них. Я ни капельки им не сочувствую. Хоть бы сквозь землю провалились. Так бы и бросился с кулаками. Патология, да?

– Ох, дорогой, норма. Расчислено и учтено. Рампа мучается, ты бунтуешь. А злость легче всего сорвать на слабом. Ну и срывай! Для того ты здесь и поставлен, если рассуждать здраво, compris (французский)? Усвоил? – Анри удобно расположился под балками. – Учись у греков – не теряются: жрут что ни попадя. Один при мне умял целую банку мармелада.

– Скоты. Утром кровью будут дристать.

– А ты не был голодным?

– Скоты! – повторяю упрямо. – Bydło (польский)!

Закрываю глаза. Слышу крики. Чувствую, как дрожит земля. И горячий воздух на веках. Пересохло в горле...

Люди плывут и плывут. Автомобили воют, как бешеные собаки. Трупы из вагонов, затоптанные младенцы, калеки и околевшие, уложенные в один ряд. И толпа, толпа, толпа...

Подкатывают вагоны. Вырастают кучи одежды, мешков, чемоданов. Люди выходят, щурятся на солнце, давятся воздухом, кланчат, ради Б-га, попить. По машинам. И уезжают... Снова вагоны, снова люди... Ох, все смешалось! Где сон, где явь?.. Какие-то деревья качаются разом с улицей, с пестрой толпой... Ах да, это Аллеи в Варшаве – та самая улица, где гестапо... Шумит в голове...

Анри дернул меня за плечо:

– Не спи! Идем грузить барахло!

Людей нет. Последние машины тянутся по проселку, вздымая громадные тучи пыли. Поезд ушел.

Гуляют почтенные эсэсовцы, отсвечивая серебром. Среди них – женщина. Сейчас только дошло до меня, что была здесь все время женщина! Сухая, безгрудая, костистая. Редкие волосы собраны в «нордический» узел, гладко зачесаны. Руки сунуты в широкую юбку-брюки. Ходит по рампе с крысиной усмешкой на тонких губах. Ненавидит женскую красоту со всей силой жабы и каракатицы.

Комендантша FKL. Пришла обозреть товар. Тех, кто пойдет в лагерь. Кого расторопные ребята, банные парикмахеры, избавят от лишних волос, и вольная, не утраченная стыдливость доставит мальчикам много радости.

Стало быть, грузим барахло. Таскаем тяжеленные чемоданы. Вместительные, богатые. С трудом закидываем на машину. Штабелюем. Распихиваем-рассовываем. Режем, где удастся, ножом. Для удовольствия. И в поисках водки или духов, которые выливаем напрямик на себя.

Какой-то открылся. Вытряхиваем костюмы, рубашки, книжки. Хватаюсь за сверток. О-о, тяжелый! Разворачиваю – золото. Две полные горсти. Часы, браслеты, перстни, бриллианты...

– Gib hier (немецкий). Давай сюда, – спокойно говорит эсэсовец и подставляет портфель, полный золота и чужой разноцветной валюты. Запирает, передает офицеру. Берет другой, пустой. И дожидается следующей машины. Это золото отправится в Reich, в Народный Банк.

Жара. Страшная жара. Воздух, как раскаленный столб. В глотке – сушь. Слово сказать больно... Скорей, скорей! Лишь бы в тени. Грохнуть, растянуться под балками.

Отъезжают последние машины. Подметаем пути. Выгребаем нездешнюю транспортную грязь, «чтобы следа этой мерзости не осталось!» – и вот, когда хвостовой грузовик скрывается за деревьями и мы идем, наконец-то, отдохнуть и напиться (авось, француз снова столкнется с часовым), вдруг из-за поворота доносится свист железнодорожника.

Медленно, непомерно медленно катят вагоны. Пронзительно завопил паровоз. Из окон смотрят люди. Плоские, словно вырезанные из бумаги. Огромные, горящие лихорадкой глаза...

Вот и машины. И господин Счетчик с блокнотом. Вот вышли из столовой эсэсовцы, помахивая портфелями для золота и валюты.

Отпираем вагоны. Не владем собой. Рвем чемоданы. Дергаем, тащим, толкаем. Да идите, идите же, проходите!.. Идут, проходят. Мужчины, женщины, дети. Некоторые уже знают.

Вот быстро идет женщина. Торопится. Очень возбуждена. Маленький мальчик с румяным и пухлым лицом херувима бежит за ней не в силах догнать. Плачет, вытягивает ручонки:

– Мама, мама!

– Мамаша, возьмите ребенка на руки!

– Пане, пане, это не мой... то не мой, пане! – И убегает, закрывая лицо руками.

Хочет исчезнуть среди людей. Тех, которые не поедут в машине. Которые пойдут пешком в лагерь. Которые будут жить. Молодая, здоровая, красивая... Но мальчик бежит за ней и зовет, надрываясь:

– Мама, мама, не убегай!

– Это не мой, не мой... нет!

Пока не поймал ее Андрей – бывший моряк из Севастополя. Глаза заплыли от водки и жары. Налетел, сбил с ног, схватил за волосы, не позволяя упасть, и дернул вверх. Лицо перекошило от бешенства.

– Ах ты, jebit twoju mat', blad' ewrejskaja (русский)! От своего мальчика убегаешь?! Я тебе дам, курва!

– Согнул пополам, сдавил горло и бросил как куль на машину. – На, прими и довесок, сука! – Швырнул ей мальчика под ноги.

– Gut gemacht (немецкий)! Правильно сделал, русский! – кивнул эсэсовец возле грузовика. – Так и надо наказывать дурных матерей! Gut gemacht, русский.

– Заткнись, – огрызнулся Андрей и отошел к вагонам.

Из-под вороха тряпья украдкой вытащил фляжку. Открутил. Запрокинулся. После передал мне. Спирт обжег глотку. В башке загудело. Подкосились ноги. Тошно.

Внезапно из людского потока, который слепо напирал на машины, вынырнула девушка. Легко соскочила на гравий. Осмотрелась испытующе, будто чем-то удивлена. Тряхнула головой в нетерпении. Привычно провела рукой по блузке, обдернула юбочку. Постояла с минуту. Наконец оторвалась от толпы и скользнула по лицам.

Неосознанно ловлю взгляд. Наши глаза встретились.

– Слушай, слушай! Скажи, куда нас повезут?

Смотрю на нее. Вот стоит передо мной девушка с чудесными светлыми волосами, с высокой грудью под батистовой летней кофточкой, с умными живыми глазами. Стоит. Не отводит взгляд. Ждет...

Вот газовая камера – свальная смерть, отвратительная и мерзкая. Вот лагерь: бритая голова, стеганные советские брюки, вротный запах грязного тела, звериный голод, нечеловеческий труд... И та же смерть, мерзкая и отвратная.

Кто вошел сюда – сгорит дотла. Даже пепел не вынесут за ворота.

«Зачем она их надела? Все равно отберут!» – подумал невольно о золотых часиках на браслетке. Такие были у Туськи, только на черной узенькой ленточке.

– Слушай, ответь.

Молчу... Сжала губы.

– Сама знаю, – сказала пренебрежительно.

Откинула голову, смело пошла к машине. Кто-то хотел задержать, решительно оттолкнула. И быстро – по трапу – в переполненный грузовик. Только взметнулись пушистые волосы.

Входил в вагоны, выносил младенцев, выбрасывал багаж. Таскал трупы и не мог одолеть дикого, охватившего меня страха. Бежал от смерти... Но она здесь повсюду: на гравии, на перроне, в теплушках. Младенцы, голые и распухшие, бабы, скрюченные мужики.

Бегу, убегаю... Какой-то эсэсовец клянет меня на чем свет стоит... Выскользнул, смешался с полосатой Канадой.

Наконец, снова под балками. Солнце низко, у самого горизонта. Кровавый закат обливает рампу. Тени деревьев ужасающе вытянулись. И человеческий крик в предвечерней тишине громче, настойчивей. Будто мы в силах разбудить засыпающую природу.

Отсюда, из-под балок, открывается вся платформа – адов кипящий котел.

Вот двое катаются по земле, сплетенные в последнем объятии. Он впился в нее ногтями, вцепился зубами. Она вопит, поминая Б-га и дьявола. И даже придавленная эсэсовским каблуком – не замолкает. Их разрывают, как расклинивают дерево, и, точно зверей, загоняют в машину.

Вот четверо из Канады волокут труп – огромную, как бегемот, опухшую бабищу. Ругаются и потеют. Пинками расшвыривают приبلудных детей, которые кличут родителей по всем закоулкам, пронзительно, по-щенячьи воют.

Детишек подхватывают как попало: за шиворот, за волосы, за руки – и в общую кучу, на грузовик.

А с бабою-бегемотом никак не управятся. Те четверо выбились из сил. Зовут на помощь. И навалившись, взгромоздили-таки через борт.

Отовсюду несут трупы. Отечные, раздутые. Меж ними втискивают калек, парализованных, потерявших сознание. Гора мертвяков качается и скулит. Шофер запускает двигатель, отъезжает.

– Halt (немецкий), halt! – издали закричал эсэсовец. – Стой, стой! Чтоб тебя...

Несут старика во фраке и с лентой через плечо. Затылок старца стучается о камни, елозит по гравии. Старикан охает и без устали, на одной ноте: «Ich will mit dem Herr'n Kommandanten sprechen» (немецкий) – хочу говорить с господином комендантом. Долбит всю дорогу со стариковским упрямством. Брошенный на машину, под сапогами, придавленный, задушенный, хрипит: «Ich will mit dem...»

– Уже успокойтесь, папаша! – смеется эсэсовец. – Через каких-нибудь полчаса будете на небесах. И поприветствуйте тамошнего коменданта от нашего имени – «хайль Гитлер!»

Другие несут девочку. Держат за руки и за единственную ногу. Слезы текут по лицу, жалобно шепчет:

– Rapowie (польский), это болит... Господа, больно...

Сажают на грузовик среди трупов. Сгорит заживо вместе с ними.

Настает вечер, холодный и звездный. Лежим на балках, в пугающей тишине. На высоких столбах горят бледные лампы. За кругом света – сплошная тьма. Шаг – и человек исчез безвозвратно. Но часовые на вышках, и автоматы на взводе.

– Ботинки сменил? – спрашивает Анри.

– Нет.

– Что так?

– С меня, друг, довольно. Сыт по горло.

– Одним-то транспортом?.. А подумай, как я... С прошлого Рождества. Через мои руки, наверно, миллион прошел... Хуже всего транспорты из Парижа: непременно встречаешь знакомых.

– И что ж ты им говоришь?

– Что вот примут душ, а после увидимся. До встречи... А ты бы что говорил?

Молчу. Пьем кофе со спиртом. Кто-то открыл банку какао. Мешаем с сахаром. Черпаем горстями...

Какао заклеило рот... Снова кофе. Снова спирт.

– Анри, чего ждем?

– Будет еще транспорт... Но пока неизвестно.

– Если придет, я не пойду. Не могу.

– Приперло, да?.. Что, хорошо в Канаде? – Анри добродушно усмехается и пропадает в темноте.

Через минуту вернулся. – Ладно. Только гляди в оба. Будешь здесь все время сидеть. А ботинки тебе скомбинируем.

– Отстань ты с ботинками!

Клонит в сон. Поздняя ночь.

Снова antreten (немецкий), снова транспорт. Становись!

Из темноты показались вагоны. Мелькнули под фонарями, исчезли в ночи. Рампа маленькая. Круг света и того меньше. Будем работать посменно. Где-то урчат машины, пристраиваются под сходни, совершенно уже черные. Фары выхватывают деревья.

– Wasser, Luft (немецкий)! Воды, воздуха!

Все то же... десятая серия...

Автоматная очередь. Тишина.

Какая-то девочка свесилась из окошка и, потеряв равновесие, упала на гравий. С минуту лежит оглушенная. Наконец поднялась. Ходит по кругу все быстрее и быстрее. Машет руками, как на гимнастике. Тяжело дышит. И что-то такое вроде пищит на одной ноте. Свихнулась, должно быть, от духоты. Как бы и самому не тронуться...

Прибежал эсэсовец, пнул кованым сапогом. Упала. Наступил, вынул револьвер, выстрелил раз и другой... Лежит. Дрыгается. Замирает. Начали отпирать теплушки.

Иду. Пахнет теплым и сладким. Полвагона полуживых людей.

– Ausladen (немецкий)! Разгружать! – Подошел эсэсовец с переноской на шее. Посветил внутрь. – Ну, что уставились? Выгружай! – И тросточка засвистела по спинам.

Мертвый схватил меня за руку. Ладонь его, как живая, прильнула к моей. Я вскрикнул и дернулся. Убежал. Сердце стучало. Сдавило горло. Сразу же подступила муть... Меня рвало у вагона. Шатаюсь, пробрался к балкам.

Лежал на добром старом железе и мечтал о лагере. О нарах без сенника. О самой малости сна. И чтобы рядом были товарищи, которые утром не пойдут в газ... И барак представился вдруг тихой пристанью. Ведь умирают другие, а ты как-никак живешь. Что-то ешь. Берутся откуда-то силы. Есть родина, дом, любимая...

Жутко мигают огни. Людская волна катится без конца – мутная, шумная, одурелая. Им кажется: сейчас начнется новая жизнь. Психологически готовят себя к борьбе за существование. Не знают, что сегодня умрут. Что золото, деньги, бриллианты, загодя спрятанные в складках и швах, в каблуках туфелек и закутках тела, никогда уже не пригодятся.

Лагерные умельцы будут копать во внутренностях, вытянут золото из-под языка, бриллианты из матки и толстой кишки. Вырвут золотые зубы. В наглухо заколоченных ящиках отправят в Берлин.

Черные эсэсовцы довольны и деловиты. Господин Блокнот наносит последние штрихи, завершая картину: 15000.

Много, много машин поехало в крематорий.

Трупы, разложенные на рампе, забирает последний грузовик.

Канада, навьюченная хлебом, мармеладом, сахаром, пахнущая духами и чистым бельем, встала на построение. Бригадир доверху наполняет титан: золото, шелк, кофе. Это для вахты. Чтоб пропустили без обыска.

Несколько дней лагерь будет жить за счет транспорта. Есть его окорок и колбасы, варенье и фрукты. Пить его водку и ликер. Ходить в его майках и подштанниках. Торговать его золотом и шмотьем. Много чего вынесут «вольняшки». В Силезию, в Краков и дальше... Привезут папиросы, яйца, водку и письма из дома.

Несколько дней будут говорить о транспорте Сосновец-Бендзин: хороший был транспорт, богатый...

Когда возвращаемся в лагерь, звезды бледнеют. Небо становится все прозрачней, поднимается, проясняется... Будет безоблачный знойный день.

Могучие столбы дыма сливаются в черную безбрежную реку, которая течет над Биркенау, медленно поворачивая в сторону леса... Горит Сосновецкий транспорт.

Идет мимо отряд SS. С автоматами. Плечом к плечу. Держат равнение. Один народ, единая воля...

– Und morgen die ganze Welt! – орут во все горло. – А завтра весь белый свет!..

– Rechts ran (немецкий)! Направо! – несется от головы.

Берем в сторону.

Никому, кроме Боровского, не удавалось так глубоко проникнуть в сущность процесса, в этот позор человечества. Никто не сумел так точно описать методы и последствия растления человеческих душ. Мне кажется, рассказам Боровского нет ничего подобного в мировой литературе.

Война — это война —

И война — это война — война — война —

Çai îîé ðàé á ääñýòè æäääö

Äöñî-Ëäéá

– Тетя Песя! – сказал тогда Бенья всклоченной старушке, валявшейся на полу. – Ошибаются все, тетя Песя, даже Б-г. Вышла громадная ошибка...

ГЛАВА I

Итак, я в Швейцарии, – восклицал Карамзин, – стране живописной природы, земле свободы и благоденствия! Дыхание мое стало легче, стан распрямился, голова подымается ввысь. Я с гордостью помышляю о человечестве.

ГЛАВА II

Какие места! Отъехав от Базеля, выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и готов был в восторге целовать землю. Счастливые швейцары!

ГЛАВА III

Может быть, ни в какой земле не бывает так мало преступлений, как в Швейцарии, особливо воровства, которое почитается за великое злодеяние. О разбоях, убийствах совсем не слышать: мир и тишина царствуют в счастливой республике.

ГЛАВА IV

Удивительно ли, что швейцары так привязаны к своему Отечеству? Смотрите, сколько красот рассеяно по округе!.. Ах, друзья, для чего не было вас со мною?!

ГЛАВА V

Говорят, будто в Швейцарии больше едят, нежели в других землях, и приписывают сие местному воздуху.

ГЛАВА VI

Верно, ни в каком ином европейском городе не найдете вы таких неиспорченных нравов и такого благочестия, как в Цюрихе. Здесь еще строго соблюдаются законы супружества, и жена, которая явно осмелилась бы их нарушить, подверглась бы общему презрению... Порой сходятся 2-3-4 приятельницы, вместе работают или читают писателей, которые не приводят целомудрие в краску.

ГЛАВА VII

В Швейцарии гораздо дороже, нежели в Германии, хлеб, мясо, дрова, платье, обувь... Причина – в богатстве швейцаров. Где богаты люди, там дешевы деньги. Где дешевы деньги, там дороги вещи.

ГЛАВА VIII

В Цюрихском кантоне – 180 тысяч жителей, а в городе – 10 тысяч. И только две или три тысячи имеют право гражданства.

ГЛАВА IX

Нет ничего прелестнее здешних лугов, обсаженных плодовитыми деревьями и пересекаемых ручейками. В деревне находите вы порядок и чистоту. Все крестьянские дома покрыты соломой и разделяются обыкновенно на две половины: одна состоит из горницы с кухней, а другая – из сенного магазина, житниц и хлебов. Не увидите вы ничего гниющего, не починенного, во всем соблюдается удобность, и все необходимое – в изобилии. Это, можно сказать, цветущее состояние швейцарских земледельцев происходит наиболее оттого, что они не платят почти никаких податей и живут в совершенной свободе и независимости, уделяя правлению только десятую часть.

ГЛАВА X, ПОСЛЕДНЯЯ

– Тетя Песя! – сказал тогда Бенья всклоченной старушке, валявшейся на полу. – Ошибаются все, тетя Песя, даже Б-г. Вышла громадная ошибка... Но разве со стороны Б-га не было ошибкой поселить нас в России, чтобы мы мучились, как в аду. И чем нам было бы плохо, например, в Швейцарии, где кругом – первоклассные озера и сплошные французы...

Ëñîî-Ëäéá:

Ï äéîéäé Ëäðàî çèí. «Ï äññü á ðññéîá ïóðäçáñðäññü ï äéä».

Ëñäé Ääääëü «Ëäé çòí ääéäéîññü á Ï äññü».

Í à ééáññè: áñéè ìíéýö

Í éí öáñ Éíö

*Áééáññéí éíéíöéé ìí òííéö éíöíöééí è ñáéí è öéáí è. É éúñíí áñéúééí éáíí áí éöáéññí
á ñóáí éá Öííáé ìíáíí è,
éöé: áé..*

Местный писатель Николай Иванович Греч происходил из Германии, а не от казацкого атамана Ядрицы.

Но сперва я напишу о Булгарине.

Автор вычитал где-то, что великий человек в зрелые годы осуществляет мечты юности. Послушайте замысел многолетней давности под заглавием:

Î ÁÂÐÁËÖ, ÊÎÏÎÐÛÁ ÍÁ ÊÐÁËÏÒÁÂÐÁÁÁ

Автор заметил, что среди людей его крови попадают индивидуумы солдатской породы. Им нравится вставать по звонку, маршировать, выражать душевные переживания в походных песнях, наматывать портянки, чистить сапоги, парить мозоли – и нету большего удовольствия, чем командовать и подчиняться.

Эти люди живут по веревке, и неважно, кто кого дергает. Умение ходить по струнке, как называла это некогда моя учительница, есть главное их умение. И потребность. И надобность.

Автор полагает, что основным качеством народа, к которому он имеет честь принадлежать, является динамичность. Без исторических примеров и параллелей скажем для краткости: мы любим работать от себя. Если вам хочется, замените предлог: не «от», а «на». На себя. Но это не поправка, а дополнение.

Здесь уместно будет припомнить, как моя жена покупала штаны на станции Левобережная. В деревянной косой палатке. У Соломона Абрамовича. Он полез под прилавок. На антресоли. Взметнулись под потолок какие-то платья. Одну минуточку! Тут как раз оставалась пара. Нарочно для вас! Раздвинул толстые рулоны материи, что назывались когда-то «штуками»... Но в это время пришла Марья Ивановна – старший продавец. Штаны? Какие штаны, девушка? Вашего размера не завозили!

Рабочий день кончился. Соломон Абрамович заснул на своей табуретке.

Года через два штаны отыскались. Их уценили и выставили напоказ.

Это та самая пара, которую приобрел у нас знаменитый француз и демонстрировал в Париже на площади Согласия: вот, мол, что носят русские женщины на голое тело.

Евреи, – сообщает история, – составляли 55% купцов первой и второй гильдий. На их долю приходилось 40% всех торговых оборотов.

В том устойчивом организме, где каждый прибит к своему месту гвоздями, засели в пазах и дырках, расплзлись по щелям и впадинам разные мелкие люди – торгующие, меняющие, зазывающие. И никому не подвластные.

И вот евреи, которые не любят евреев, люди-солдаты, не любят именно этих своих сородичей. Они отыскивали молоток и гвозди и приколотили себя к сидению своего стула. А тут обнаруживается неизвестно кто: какие-то оборотистые одесситы или смекалистые уроженцы Бердичева, или хитроумные жители Свенцян.

Никто не преследует кочевых цыган так злобно и мстительно, как цыгане, сделавшиеся чиновниками. Их не устраивает народ, из которого они вышли. Ими владеет желание изменить целую нацию по собственному образцу. Чтобы народ стал другим, раз уж они – как им кажется – перешли в новое качество.

Фаддей Венедиктович Булгарин был поляком. Вся его биография подтверждает плодотворность позднейших лозунгов и призывов – изучать жизнь, работать в газете. Вот уж кто знал жизнь! И поработал в газете!

Не то что какой-нибудь Пушкин! Ну что, скажите, он видел? До одиннадцати лет держался за нянькину юбку. Потом шесть лет сидел взаперти, как в тюрьме, в Лицее. Два года носился по театрам и балам. Шлялся с тросточкой в клетчатых брючках по Кишиневу и очень, передают, удивился, когда некая дама призналась, что обожает супруга...

Послали на саранчу. И что пробудило в его душе народное бедствие – бескормица и бесхлебица? Две шуточные строчки, как будто народное горе – повод для остроумия.

Поэт, не дорожи любовью народной...

А вы почитайте Булгарина. Хотя бы в отрывках, по хрестоматии. Тут тебе и тюрьма, и колодники, и взяточники, и неправосудие...

Его-то по жизни мотало. Хлебнул. На войне был. В плену. Скитался. От наших к Наполеону и назад... Да такую биографию, скажу я вам, поискать. Бывалый человек, как кто-то когда-то выразился.

Ну он в литературу и кинолся. И газету завел. Единственная на всю страну частная газета была. А то все – «Епархиальные ведомости», «Русский инвалид»...

Вот ему полячество поперек глотки и встало. Ведь он как мыслил – Булгарин-то? Мол, конечно, я великий писатель, да приходится приноравливаться – на чужом языке творить... Ничего, мыслит, одолею! Этой самой возьму...

Появление Гоголя окончательно добило его. Как никто другой, Булгарин с ясностью видел, что Гоголь не знает ни России, ни русского языка. Я думаю, он вдрызг исчеркал «Петербургские повести» и «Мертвые души», указывая на каждой странице по тысяче украинизмов и полонизмов.

Мне снятся эти воображаемые страницы в красных, синих и зеленых кляксах. С язвительными заметками на полях, со знаками вопроса и восклицания, со стрелами, летящими через строку. С уличающими скобками. С пойманными, как в сети, словами.

Автор видит эти страницы, исцарапанные и желтые, покоробленные слезами ярости. Булгарин колотил по столу короткими своими руками. И лысым большим лбом упирался в стенку. Топал ногами, кричал... И разноцветные чернила растекались по книжке, как будто слезы были цветные.

Писатель есть человек, наделенный способностью говорить правду. И если путается в склонениях и глотает окончания слов, и употребляет выражения, слышанные от матери или от Б-га, хотя и не слышанные в Рязанской губернии, то отсюда следует только, что грамматика потеснится и пополнится словарный состав.

Кончив рыдать и плакать, Булгарин выругался по-польски...

Но оставим Булгарина для психологического романа.

Автору важно, что Фаддей выругался по-польски. Ибо при всех невзгодах и мытарствах никогда не вилял в смысле происхождения. Была в нем гордость Костюшкой, и польской неукротимостью, и отвагой, и отчаянностью. И мечта стать великим местным писателем уживалась с презрением...

Перед декабрьскими событиями 1825 года собрались у Булгарина некоторые из будущих участников.

На стол поставили бутылку, – вспоминает Николай Иванович Греч, – наполнили стаканы. Батеньков, развалившись с трубкою в зубах на диване, духом выпил, крикнул и сказал:

– Ах, до чего гадко в России! Житья скоро не будет!.. Неправда ли, Николай Иванович?

Я ответил:

– Кому же знать это, коли не вам – мизинцу правой руки государевой...

– Нет, – продолжал он, – невтерпеж приходит.

Булгарин испугался:

– Ну полно! Что ты людей морочишь, аракчеевский шпион?

– Молчи! – возразил Батеньков. – Я не с тобой говорю. Ты поляк. И чем для нас хуже, тем для вас лучше.

Стоп! Минуточку! Вы узнаете, чем та беседа закончилась, но несколько позже. А откуда скажу, что Гаврила Степанович Батеньков – близкий сотрудник Аракчеева, чуть ли не адъютант, член Совета военных поселений... Правда, будущий декабрист и сидяга.

А Булгарину – погодите-ка! – да, тридцать шесть. И это в его доме гости ему говорят. Друзья-приятели. С которыми за одним столом сидишь, через день выпиваешь... Ты, говорят, поляк. И чем для нас хуже, тем для тебя, пся крев, лучше! Заткнись, говорят.

Нет, тут гордость нужна – в таком унижении существовать. Гонор. Гордыня. Мы, дескать, ляхи... Вдобавок имя переменяли, мужиком сделали: КУПЕЦ ФАДДЕЙ – ПРОДАВЕЦ ГВОЗДЕЙ... А возьмите для сравнения: Тадеуш Костюшка – всегда генерал, а Фаддей, поди, и на ефрейтора не потянет. КОСТЮШКА НА ПОБЕГУШКАХ, СМОРЧОК СОПЛИВЫЙ!

Автор ставит здесь многоточие на всю страницу и считает доказанным, что Булгарин любил и лелеял свое полячество вопреки здравому смыслу и даже отчасти карьерным соображениям.

Чего нельзя сказать о евреях, которые не любят евреев. И в этом все дело. Ибо евреи, которые не любят евреев, глупее Рафы Индюкова.

Индюков Рафа обретался в городе N на должности постановщика. Не режиссером был постановщиком, а тяжести на горбу таскал. Ну там доменную печь или стол для ученого. Опять-таки переходы-конструкции, по которым актеры бегают...

А между тем в юридический институт поступил. На вечерний. Уж как там совмещал, когда на лекцию, когда в театр... А только получает Рафа диплом и карьере театральную прекращает.

А сам от актеров, представьте себе, поднабрался, что в дальнейшем на каждом шагу подтверждается.

Укатил Рафа с дипломом в Москву. Там роль влюбленного подвернулась.

Является он в милицию с гражданкой А. Нам, понимаете, расписаться необходимо по причине пылкой и внезапной страсти. А я от любви не то что голову – паспорт посеял. Будьте добренькие, войдите в положение – выдайте новый.

Пожалуйста, говорят. И Рафа Индюков становится московским жителем.

И тихо-мирно гражданку А. покидает. И безо всяких претензий. Из чего предположительно следует, что она гражданка тоже актерскими способностями не обижена и вдовство свое обеспечила.

В Москве, как прописанный официально и постоянно, Рафа втерся на службу и совершенно мгновенно обрел крышу над головой. А раз отыскалась голова (плюс, намекаю, крыша), нашелся и старый паспорт... И законная супруга с потомством прибывает на новое местожительство. Сам Рафа трудится юрисконсультантом, а в свободное время развлекает скучающих пассажиров карточной игрой, объезжая на иномарке одиннадцать московских вокзалов.

Если что-нибудь вдруг случится (с Рафой, а не с машиной), то в старой песне поют:

*А ъ Неаэдѣ
Га айпѣ!
Неаэдѣ ааѣи Ѡгаѣа
Дѣѣѣѣ ѣи ѣѣ!*

И Рафа Индюков будет работать в лагерной столовой и вернется с прибытком.

А жена будет верно и трепетно ждать его, как он был верен ей в процессе брачно-квартирных походов. И мальчик их Додя выучится на зубного врача, и руки его – сильные толстые пальцы – обрастут желтым, прозрачным драгоценным пушком.

А я, Пинхас Коц, местный московский Пиня, буду стоять в очереди на улучшение. Ждать, ждать, ждать... А тут она и приходит. В подвал без лестницы. Под крышу без лифта. В дверь без ключа. Клюкою за шею цап, потянула... Ау, Пинхас Коц! Good-bye, Пиня!

И выходит, что Автор и есть Тот самый еврей, который не любит евреев. Он, знаете, уважает дисциплину. Вроде как Николай Иванович Греч. Только не такой умный. Автор, говорю, попроще будет. На язык не такой острый.

–...Молчи! – возразил Батеньков. – Ты поляк. И чем для нас хуже, тем для вас лучше. Я говорю с Николаем Ивановичем. Он сын Отечества и согласится со мною, что все надо переделать и переменить.

– Да нашли вы на то средство?

– Нашел. Надобно составить тайное общество, набрать в него, сколько найдется, честных людей, прибрать к рукам власть и рассадить этих людей по всем местам. Тогда Россия переродится.

Булгарин трусил и показывал мне знаками не соглашаться. Батеньков продолжал:

– Конечно, вы, Николай Иванович, не откажетесь вступить в такое общество?

– Разумеется, не откажусь.

Булгарин побледнел. Батеньков поднялся, выпустил трубку изо рта.

– В самом деле?

– В самом деле, – отвечал я. – Только у меня есть одно маленькое условие.

– Какое?

– Чтобы председателем этого Общества был обер-полицмейстер Иван Васильевич Гладкий.

Булгарин восхитился, расхохотался и закричал:

– Ай да Греч! Bravo, bravo! Председатель Гладкий!

Батеньков возразил с досадою:

– Да вы шутите, Николай Иванович.

– И вы, конечно, шутите, Гаврила Степанович, – отвечал я.

Разговор принял другое направление.

ТУДА И ОБРАТНО

Ади-Евээ

Но почему вам кажется, что, заказывая килограмм говядины, покупатель жаждет получить только девятьсот граммов?..

Одного моего приятеля занесло в Тель-Авив. Я с ним не переписываюсь, но провожал. Он спросил меня на прощанье:

– А ты что не едешь?

– Да вот хочу посмотреть, что здесь будет...

– Идиот! Здесь тысячу лет ничего не будет!

Большой интеллигентности человек. Пятый гобой в Москве. Был... А сейчас там. Кажется – передают – на восьмом месте.

А другой – кинооператор. 240 монет за съемочный день выгоняет. По слухам, конечно...

А 240 – это, знаете, сколько? Месячная пенсия!

Ну, а нам-то куда деваться – сменным инженерам? Нас и тут за людей не считают: дескать, не соответствуете и диплом пора отобрать... А там и подавно! Поставят гайки крутить – и радуйся...

А то один друг из Черновцов уехал. Рубщиком мяса был.

А Черновцы – это ж бывшая Румыния. Как ни крути, пол-Палестины – земляки да родственники...

Вот он и рубит. Virtuoz!

Раньше им энную сумму платили. После $n + 1$. А у него – семья. Девочка – в музыкальной школе.

Сын – при компьютере. Жена, квартира. И в кассе взаимопомощи не состоит.

А в Израилевке ему говорят:

– Дорогой наш земляк! Мы отдаем должное вашему мастерству – владеете топором, как артист. Но почему вам кажется, что, заказывая килограмм говядины, покупатель жаждет получить только девятьсот граммов?.. Следуйте, пожалуйста, желаниям покупателя тютелька в тютельку.

Не может.

Не понимаю, говорит. Не понимаю я такого порядка. Когда мне энную сумму кладут – понимаю. $N + 1$ – понимаю. Раз меня в ледник пустили, я свое мясом возьму, недостающее.

А тут что? Как жить, братцы-товарищи?..

И шустрая моя теща, всполохнувшись в шестом часу, бежит на Таганку, в мясокомбинатовский магазин. За потрохами!

Ну, говорит, Лева, – меня Левой зовут, – ну, говорит, Лева, там рубщик новый. Прямо цирк, говорит, а не рубщик! А тоже вроде тебя – Лев.

– Откуда ты, – спрашиваем, – в наших Палестинах?

– А я, – отвечает, – из южных краев... На родине не ужился...

Правильный человек! – восхищается теща.

Наш человек! – говорят на Таганке.

Тезка мой Лева – музыкант. Из Польши к нам прибыл. От немцев спасался. С оркестром. Между прочим, «Синий платочек» привез.

Вступил в подданство, звание дали... А после войны назад просится.

Пожалуйста, говорят. Оркестру говорят – пожалуйста... А вы сами, Лев Маркович, кем будете? Чей гражданин?

Вот он под лавку-то и залез. Куда чемоданы ставят. Под нижнюю полку. «Сыграл в ящик» – некоторые пошучивают... И заведует клубом в Колымском национальном округе.

Помню, как в ласковый вечер

Падал платочек твой с плеч,

Как провожала и обещала...

И некуда нам деваться...

Музыканту-тезке все пути уже открыты, а он дом каменный в Подмосковье поставил. Красного кирпича. На Вокзальной улице. По грибы ходит. И местный фольклор на саксофоне наяривает:

Люблю Тайнинку я –

Она страна моя.

А без Тайнинки я...

Ну и так далее. Отзывы и пожелания направляйте по адресу: Московская область, Мытищинский район, станция Тайнинская...

Ни-ночка! Моя Тайни-ночка!

Уцл и его дочь Бедность

Èñàé Ààò ààèñ Cèí ùò

Жил некогда человек по имени Уцл. Был он очень беден, но еще больше ленив. Если кто предлагал ему работу, у него был один ответ:

– Не сегодня.

– Почему же не сегодня? – спрашивали его. И он всегда отвечал:

– А почему не завтра?

Уцл жил в домишке, который построил еще его прадед. Соломенная крыша давно прохудилась, при дожде в дыры лилась вода, а вот дым от печи из них выходить никак не желал. Стены покосились и поросли поганками, пол прогнил. Когда-то в доме было полно мышей, но и они разбежались – тут им поживиться было нечем. Жена Уцла померла с голоду, но перед смертью успела родить дочку. Имя девочке Уцл подобрал подходящее. Он назвал ее Бедностью.

Уцл был большой любитель поспать и каждый вечер ложился с курами. А поутру жаловался, что притомился от такого долгого сна, и снова укладывался спать. А если не спал, то валялся на продавленной кровати, зевал да ныл.

– Вот другим везет, – говорил он дочке. – Работать не работают, а деньги у них водятся. Один я такой незадачливый.

Уцл был тщедушный, а вот дочь его, Бедность, росла и ввысь, и вширь. Высоченная, плечистая, увесистая. В пятнадцать лет едва в дверь проходила – только голову пригнув. Ноги у нее были как у здорового мужика, да еще жиром заплывшие. Жители городка уверяли, что чем больше ленился Уцл, тем быстрее росла Бедность.

Уцл никого не любил и всем завидовал. Даже кошкам, собакам и зайцам – любой твари, которой не приходилось зарабатывать на жизнь. Да, Уцл ненавидел всех и вся, только дочь свою обожал. И частенько мечтал, как полюбит ее молодой да богатый, женится и будет содержать и жену, и тестя. Но ни один парень в городке на Бедность и не глядел. Отец начнет ее попрекать, что она ни с кем компанию не водит и с парнями не гуляет, а Бедность ему в ответ:

– Куда ж я пойду босая да в лохмотьях?

Прознал как-то Уцл, что есть в городке благотворительное общество и оно ссужает бедняков деньгами, а отдавать их можно долго и понемногу. Какой он ни был лентяй, а все же встал, оделся и отправился в эту контору.

– Я бы хотел занять пять гульденов, – сказал он казначею.

– А что вы собираетесь делать с деньгами? – спросили его. – Мы даем деньги только на полезные дела.

– Хочу дочке башмаки сделать, – объяснил Уцл. – Будут у Бедности башмаки, она начнет встречаться с парнями и какой-нибудь богач уж точно в нее влюбится. А как они поженятся, я долг и отдам.

Чиновник задумался. Представить, что кто-то влюбится в Бедность, – трудно. Но вид у Уцла был такой жалкий, что чиновник решил ссудить его деньгами. Велел Уцлу подписать долговое обязательство и выдал ему пять гульденов.

За несколько месяцев до того Уцл уже пробовал заказать для дочки башмаки. Сапожник Сандлер даже мерку с Бедности снял, но потребовал деньги вперед. Из благотворительного общества Уцл пошел напрямиком к сапожнику и спросил, сохранил ли он мерку.

– А если и сохранил? – сказал Сандлер. – Цена моя – пять гульденов, и деньги – вперед.

Уцл заплатил Сандлеру пять гульденов. Сапожник порывлся в комод и нашел мерку Бедности. Новые башмаки он пообещал стачать через неделю, к следующей пятнице.

Уцл хотел сделать дочке сюрприз и про башмаки ей не рассказывал. А в пятницу, когда он лежал на кровати, зевал да ныл, раздался вдруг стук в дверь и вошел Сандлер с новыми башмаками. Бедность, увидав сапожника с новенькими сверкающими башмаками в руке, аж завизжала от радости. Сапожник протянул ей башмаки и велел их примерить. Но, увы, ее опухшие ноги в них не лезли. После того как сняли мерку, нога у Бедности еще выросла. И девушка горько зарыдала.

Уцл обомлел.

– Разве такое возможно? – сказал он. – Я думал, у нее нога давно перестала расти.

Сандлер и сам был озадачен.

– Уцл, скажи, откуда у тебя эти пять гульденов?

Уцл ему объяснил, что эти деньги ему ссудили в благотворительном обществе под долговое обязательство.

– Так у тебя долг! – воскликнул Сандлер. – Значит, ты теперь даже беднее, чем был. Несколько месяцев назад у тебя не было ничего, а нынче – еще на пять гульденов меньше. А раз ты стал беднее, то и Бедность выросла, и нога у нее выросла. Вот почему башмаки малы стали. Теперь мне все ясно.

– Как же нам быть? – возопил Уцл.

– У вас только один выход, – сказал Сандлер. – Идите работать. Кто занимает деньги, становится беднее, а кто работает – богаче. Если вы с дочерью будете работать, башмаки ей станут впору.

Работать обоим никак не хотелось, да только ходить босиком, имея новые башмаки, – куда ж это годится? Вот Уцл с Бедностью и решили после шабоса найти себе работу.

Уцл стал водоносом. Бедность пошла в горничные. Впервые в жизни они усердно трудились. У них было столько работы, что они про новые башмаки и не вспоминали, пока как-то утром в шабос Бедность не решила примерить их снова. И – вот чудеса! – влезла в них без труда. Башмаки стали ей впору.

И тогда наконец Уцл и Бедность поняли, что все, чем человек владеет, он зарабатывает трудом, а ленью ничего не добьешься. Животные, и те трудятся. Пчелы делают мед, пауки плетут паутину, птицы выют гнезда, кроты роют норы в земле, белки запасают пропитание на зиму.

Вскоре Уцл получил работу получше. Он починил дом и купил кое-что из мебели. Бедность еще похудела. Заказала себе новых платьев и одевалась теперь не хуже других. Она расцвела и похорошела, у нее появился ухажер. Звали его Махер, и он был сыном богатого купца. Мечта Уцла о богатом зяте сбылась, но о себе он теперь позаботиться мог и сам.

Любовь к дочери спасла Уцла. К старости он стал уважаемым человеком и его выбрали главой того самого благотворительного общества, где некогда ссудили пятью гульденами.

На стене в его кабинете висела та самая бечевка, которой Сандлер снимал когда-то мерку с Бедности, а над ней девиз в рамочке: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».

Гадия и бедность А. Голдберг

АПРЕЛЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 АПРЕЛЯ

140 *éàò ì ã äü ðæääéÿ* народницы, пытавшейся воссоздать «Народную волю» и организовать покушение на императора Александра III, Софии Михайловны Гинсбург (1863, Павловка Екатеринославской губ. – 1891, покончила жизнь самоубийством в Шлиссельбургской крепости).

95 *éàò ì ã äü ðæääéÿ* психолога, одного из лидеров «гуманистической психологии», отводившего в иерархии потребностей высшее место потребностям в творчестве и самоактуализации личности, Абрахама Маслоу (Maslow, 1908, Нью-Йорк – 1970, Менло-парк, США).

95 *éàò ì ã äü ðæääéÿ* писателя, автора книг воспоминаний «Непридуманное», «Плен в своем отечестве» о сталинских лагерях и тюрьмах, одного из организаторов общества «Мемориал» Льва Эммануиловича Разгона (1908, Горки Могилевской губ. – 1999, Москва).

120 лет со дня рождения партийного и государственного деятеля, одного из организаторов и руководителей советской внешней разведки, начальника иностранного отдела ГПУ СССР Михаила (Меера) Абрамовича Трилиссера (1883, Астрахань – 1940, расстрелян в Москве).

3 АПРЕЛЯ

110 ёаò ì ã äü ðæäáí ёýрежиссера, актера, снявшегося в фильмах «Взят в плен», «Окаменевший лес», «Унесенные ветром», «Ромео и Джульетта» и др., Лесли Хоурда (Howard, наст. фамилия Стейнер, 1893, Лондон – 1943, погиб в авиакатастрофе над Лиссабоном).

4 АПРЕЛЯ

105 ёаò ì ã äü ðæäáí ёýтерапевта, академика АМН СССР, создавшего ведущую в СССР научную школу гематологов, автора трудов по вопросам кардиологии, тропических болезней, лекарственной терапии, истории медицины Иосифа Абрамовича Кассирского (1898, Новый Маргелан Туркестанского края – 1971, Москва).

6 АПРЕЛЯ

90 ёаò ì ã äü ðæäáí ёýфизика, Героя Социалистического Труда, основоположника советской импульсной рентгенографии, автора первых работ по рентгенографическому исследованию явлений взрыва и детонации, создателя оригинальной рентгентехники, лауреата пяти Государственных премий СССР Вениамина Ароновича Цукермана (1913, Витебск – 1993, Арзамас-16).

7 АПРЕЛЯ

5 ёаò ì ã äü ì äðòгенетика, академика АН УССР, Героя Социалистического Труда, основателя и директора Института молекулярной биологии и генетики АН УССР в Киеве, автора трудов в области популяционной и молекулярной генетики, исследовавшего механизмы наследственной изменчивости в

природных популяциях, обнаружившего мутагенное действие чужеродных нуклеиновых кислот, лауреата Государственной премии УССР Сергея Михайловича Гершензона (1906, Москва – 1998, Киев).

105 ёаò ì ãíŷ ðŕæããŕéŷ физика, автора трудов по физике твердого тела, магнетизму, истории физики, высказавшего идею электронного парамагнитного резонанса, построившего теорию доменной структуры (совм. с Я.И. Френкелем), предсказавшего циклотронный резонанс в полупроводниках, Якова Григорьевича Дорфмана (1898, Петербург – 1974, Москва).

10 АПРЕЛЯ

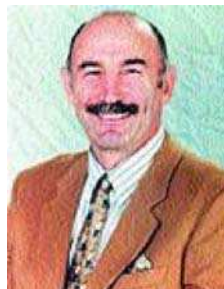
105 ёаò ì ãíŷ ðŕæããŕéŷ работника органов госбезопасности, начальника ГУЛАГа ОГПУ-НКВД СССР, наркома связи СССР, одного из организаторов массовых репрессий в СССР Матвея Давидовича Бермана (1898, Андриановка Забайкальской губ. – 1939, расстрелян в Москве).

11 АПРЕЛЯ

110 ёаò ì ãíŷ ðŕæããŕéŷ участника крестьянской войны на Украине, начальника контрразведки армии Махно Льва Николаевича Задова-Зиньковского (1893, еврейская земледельческая колония Веселая Екатеринославской губ. – 1938, расстрелян в Одессе).

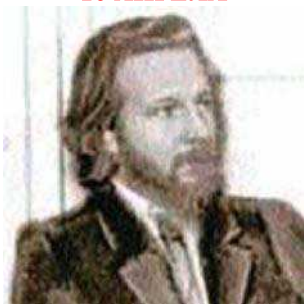
13 АПРЕЛЯ

60 ёаò ì ãíŷ ðŕæããŕéŷ борца, чемпиона мира по самбо 1973 года Давида Львовича Рудмана

(р. 1943, Куйбышев).

16 АПРЕЛЯ

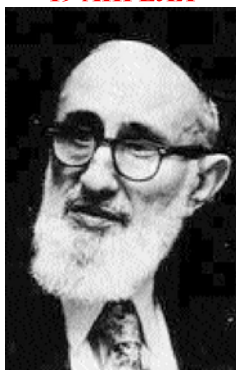

75 éàò ìí áíý ìí áððé деятеля революционного движения, народника, одного из основателей марксистской группы «Освобождение», лидера меньшевизма, одного из руководителей 2-го Интернационала Павла (Пинкуса) Борисовича Аксельрода (1850, Черниговская губ. – 1928, Берлин).

17 АПРЕЛЯ

115 éàò ìí áíý ðíæääíéý государственного деятеля, наркома лесной промышленности СССР Наума Марковича Анцеловича (1888, Петербург – 1952, Москва).

19 АПРЕЛЯ

10 éàò ìí áíý ìí áððé (17 нисана) общественного деятеля, одного из лидеров ортодоксального еврейства США, раввина Бостона, ректора Теологической семинарии при Ешива-юниверсити рабби Йосефа-Дова-Бера Соловейчика (1903, Пружаны Гродненской губ. – 1993, Бостон).

20 АПРЕЛЯ

60 éàò ìí áíý ðíæääíéý джазового пианиста, композитора, аранжировщика, руководителя оркестра, народного артиста России Анатолия Ошеревича Кролла (р. 1943, Челябинск).

965 лет со дня смерти последнего из «гаонов Пумбедиты», духовных вождей еврейской диаспоры Персии, законоучителя, поэта Рава Хая бен Шриры (939 – 1038).

125 лет со дня рождения (18 нисана) общественного деятеля, раввина Днепропетровска, одного из руководителей подпольной просветительской деятельности любавичских хасидов рабби Леви-Ицхока Шнеерсона (1878, Подобрянка Киевской губ. – 1944, Алма-Ата).

23 АПРЕЛЯ

40 יָאָרִים לְאִיּוֹן בֶּן־צְבִי государственного деятеля, второго президента Израиля, одного из основоположников социалистического направления в сионизме
Ицхака Бен-Цви
(Ben-Zvi, наст. фамилия Шимшелевич, 1884, Полтава – 1963, Тель-Авив).

24 АПРЕЛЯ

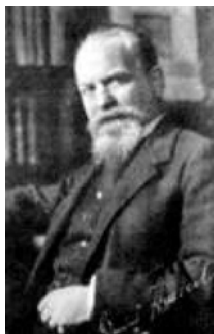

85 יָאָרִים לְאִיּוֹן פִּיֶּשֶׁר провокатора, секретного сотрудника Департамента полиции, одного из основателей и лидеров партии эсеров, ее Боевой организации, организатора ряда террористических актов
Евно Фишелевича Азефа
(1869, Лысков Гродненской губ. – 1918, Берлин).

60 יָאָרִים לְאִיּוֹן זֶמְבָּה (19 нисана) общественного деятеля, члена Варшавского раввинского совета, духовного лидера Варшавского гетто, давшего раввинское согласие на восстание, рабби Менахема Зембы
(1883, Варшава – 1943, расстрелян в Варшавском гетто, перезахоронен в 1958 году в Иерусалиме).

26 АЙ ДАЁБ

65 ёаò ì ãíý ì áðòè философа, основателя феноменологии, стремившегося превратить философию в «строгую науку» посредством феноменологического метода, предложившего идею «жизненного мира» как изначального социально-культурного опыта, оказавшего влияние на экзистенциализм, философскую антропологию, автора трудов «Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии», «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени», «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» и др.

Эдмунда Гуссерля (Husserl, 1859, Просниц, Моравия – 1938, Фрайбург, Германия).

65 ёаò ì ãíý ãááèè (25 нисана) общественного деятеля, раввина Москвы, одного из руководителей подпольной просветительской деятельности любавичских хасидов

Шмарьяу-Иеуды-Лейба

Медалье (1872, Шавли Ковельской губ. — 1938, расстрелян в Москве).

27 АЙ ДАЁБ

115 ёаò ì ãíý ðáæááí ёý химика-неорганика, профессора МХТИ, исследователя в области химии силикатов, создавшего новый класс высокопрочных стеклокристаллических материалов – ситаллов, разработавшего методы производства различных типов стекла, в том числе пеностекла, лауреата трех Государственных премий СССР

Исаака Ильича Китайгородского (1888, Кременчуг – 1965, Москва).

ΕΣΤΙ ΑΘΑΕ ΑΙ ΔΑΕΥΝΕΙ ΕΪ Ϊ Χ ΟΥ

В декабрьском номере журнала «Лехаим» за 2002 год я с неизменным вниманием и интересом прочитал очередную часть воспоминаний Бенедикта Сарнова «Я был евреем». На этот раз под заголовком «Холодный траур» он вспомнил о событиях 1953 года, которые навсегда остались в памяти их переживших. В нашей памяти. Я убежден, что об этом повороте нашей истории надо помнить всегда и всем. И не только евреям. В конечном итоге, само существование России зависит от взаимопонимания многих десятков народов, из которых исторически сложился этот уникальный сплав культур и этносов.

Наше поколение уходит. Жестокий урок истории забывается, и молодежь не знает о нем или знает понаслышке. А знать надо... В том же номере журнала опубликовано большое письмо М. Шейдера, который пишет об упомянутой глубокой, серьезной статье Б. Сарнова буквально следующее: «...статья... бесконечно устарела: он (Сарнов) говорит о дне вчерашнем и при этом еще бесстыдно врет».

Правда не может устареть, но над ней полезно задумываться, чтобы разобраться в причинах и следствиях жизненных процессов. Увы, г-н Шейдер не хочет или не может этого делать. По-моему этим и объясняется, сварливый, я бы даже сказал – визгливый тон его письма при полном непонимании сути вещей.

М. Шейдер, по-видимому, давно проживает в столице, и мне трудно объяснить непонимание им распространенного слова «специфический». Объясню: означает – «особый, самобытный, своеобразный, неповторимый», то есть свойственный данному народу или человеку. Только и всего. И нет никакого основания ломиться в открытую дверь по поводу специфичности еврейского юмора. Тем более ломиться с такой страстью, обидой, подозрением в антисемитизме... А чего стоит яростная атака на утверждение Б. Сарнова: «Я не встречал еврея-кровельщика»? Знаете, и я не встречал, хотя полвека проработал в строительстве. Это вовсе не значит, что таковых нет и быть не может. Возможно, есть и украинцы-оленоводы, и якуты-виноградари, но, согласитесь, это нечастые явления. Весь вопрос в причинах подобных исключений. Почему же так высок процент евреев-интеллигентов? Полагаю, потому, что даже самая темная местечковая еврейская мать всегда мечтала дать образование своему сыну. Ведь это было единственной возможностью вырваться из проклятой черты оседлости! Врач, адвокат, инженер, купец первой гильдии имели такое «право». Еврейский менталитет складывался столетиями.

Не нравится автору письма и то, что у каждой национальности есть общие черты характера и внешности. Но ведь что есть, то есть. Говорят же, что немцы педантичны, англичане чопорны, евреи хитры, а Ленин даже говорил, что русские – плохие работники. Все это, конечно, спорно, но какие-то основания для этих утверждений, видимо, есть в истории каждого народа. Только при этом надо понимать, что абсолютно неприменимо перенесение этих общих расплывчатых характеристик на каждого конкретного человека. Я не пытаюсь никого ни принимать, ни восхвалять. Характер любого народа складывается веками в зависимости от условий жизни. Евреи столетиями жили среди других народов, воспринимая их образ жизни, и вносили достойный вклад во многие культуры.

Бороться с фактами – занятие бессмысленное, а М. Шейдер не только «борется». Его возмущает сам факт культурной ассимиляции русских евреев. Не понимая смысла прочитанного, он полагает, что другой автор «Лехаима» – Леонид Радзиховский «возносит гитлеровские законы». Он, походя, оскорбляет публицистов: у Шейдера кто – «борзописец», кто – «с Луны свалился», кто – «рассуждает, как дремучий», кто – «бесстыдно врет», кто – «заговорился»... Автор письма утверждает, будто бы в новом российском паспорте, исключив соответствующий пункт, «отменили саму национальность, а тот, кто считает, что отменить ее невозможно, – патологический антисемит». (Вот и я в таковые им «зачислен»).

«Критик» пришит далее: «В 1953 году наша... школа была поражена антисемитизмом, как и вся жизнь», «...с развитием кампании антисемитизма евреи стали работать там, где им разрешали». Увы, антисемитизм – вовсе не новая и кратковременная болезнь общества. Как и у всякой иной ксенофобии, он имеет свой подлый смысл, в коем следует разобраться, – кто и зачем его раздувает? Разобраться, а не рисовать благостные картины «эпохи Сталина».

Я тоже жил в это время. И знаю, что, истязая моего отца в советской тюрьме, следователь НКВД – член ВКП(б) орал ему, участнику первой мировой и гражданской войн: «Жидовская морда!» Шел 1937 год...

Теперь о равной для всех работе «на износ» и о «чистых» и «нечистых» специальностях. Мои знакомые врачи-бактериологи выкармливали на себе вшей (в капсулах, конечно). А вы, г-н Шейдер, знаете, с чем имеют дело медики самых разных больниц и поликлиник? А разве нормально, что сельский учитель после уроков вынужден еще «как все» дотемна горбатиться на своем приусадебном участке, вместо того, чтобы читать, работать, повышая свою квалификации, иначе каково будет качество учебы его подопечных? Словом, ссылка «по Марксу» и рассуждение об одинаковых затратах труда в письме М.Шейдера говорят об очень известном и печальном факте: 90 процентов ссылающихся на Маркса его «ни при какой погоде» не читали.

Как бы ни «шарахался» М. Шейдер от Л. Радзиховского и ни уверял, что ничто его с ним не объединяет, но на самом деле он забыл, что у обоих фамилии не оканчиваются на «ов». Не надо спешить с выводами! Подозреваю, что автор письма – из тех несчастных стариков, которые и теперь, после страшного, кровавого провала Утопии ходят с «патретами» Сталина. Мне жаль их, потому что их неумением переосмыслить действительность умело пользуются нечистоплотные политики.

...Я пишу в «Лехаим» вовсе не для того, чтобы «защитить» Бенедикта Сарнова. Он в этом не нуждается. Я просто очень хочу, чтобы читатели нашего журнала, среди которых много молодежи, помнили об очень важных событиях прошлого и не дали себя запутать.

*י. עזריאל-דיצין וואָס
י נעטאָ*

Хочу поддержать М. Шейдера и поспорить с ним («Лехаим», № 12, 2002). Есть история страны, а есть и жизнь, история отдельного человека. В жизни Шейдеру «попадались» одни евреи, а Сарнову – другие.

Я прожил первые 19 лет своей жизни в белорусском городе Гомеле. Вероятно, более половины его жителей были евреи, и они составляли добрую половину рабочего класса города. У меня все ближайшие родичи – рабочие и среди них – слесарь, токарь, жестянщик (а при необходимости, и кровельщик!), литейщица-стерженщица (шишелтница). Я учился в школе, где более половины учеников были евреями, и рабочие – это поколение наших дедов, родителей. Война «разбросала» гомельские заводы и наших рабочих по всему Союзу – от Восточной Сибири до Поволжья. Сам я после войны и вуза работал на юге Урала, в городе Горьком. Да, на заводах в этих районах среди рабочих евреев, действительно, были единицы. Сравнительно много инженеров. В городах – врачей, учителей. Наверное, в этом сказалась какая-то отзывчивость евреев на требования времени. Поэтому и у Шейдера, и у Сарнова – у каждого свои впечатления о том, когда, где и каких евреев они встречали.

А вот на Л. Радзиховского Шейдер напрасно ополчился. Ведь есть же какая-то «специфичность» у каждой нации, народности? У меня есть свое мнение, но, не будучи специалистом, не решаюсь его высказать. Но я твердо убежден: все те черты, особенности, которые приписывают евреям – и отрицательные и положительные, – есть у людей любой другой национальности. Это, как сказал поэт: «И праведник здесь, и злодей».

По присловью: все мы – люди, все мы – человеки. Но, очевидно, какая-то специфичность есть. Ведь не зря говорят о немецкой пунктуальности, об итальянской музыкальности, об украинской воинственности. Может быть, сумма этих «специфик» и составляет ценность дружбы народов?!

Так что, уважаемый М. Шейдер, не надо «шарахаться» ни от Сарнова, ни от Радзиховского. Будьте вы все живы и здоровы, и всего-всего вам доброго на долгие годы.

*Њ оааеаі еаі,
А. Оаеі аі, І. І іааі оіа*

В январском номере «Лехаима» за 2003 год опубликовано открытое письмо доктора медицинских наук Ф. Лясса (Израиль) известному российскому историку Г.В. Костырченко «Ты берешься за молнию вместо ответа – значит, ты неправ».

Ученый-историк – ведущий представитель так называемой «антидепортационной» версии, а доктор медицины – один из тех, кто эту версию оспаривает. Упомянутое письмо целиком посвящено критике одного из тезисов Костырченко: «С двадцатых чисел февраля (1953 года) с полос «Правды» исчезла критика «еврейских буржуазных националистов» и их «заграничных хозяев», неизменно присутствовавшая там до этого». Утверждение Костырченко Лясс пытается опровергнуть путем анализа публикаций «Правды» с «начала 1953 года».

Скажу сразу: все написанное им бьет мимо цели. Ибо публикации «Правды», которые он рассматривает, либо не относятся к указанному оппонентом периоду (от 20 февраля до 5 марта), либо не затрагивают прямо названную тему. Единственным исключением могла бы стать публикация в «Правде» от 3 марта 1953 года статьи В. Смирнова «Джойнт – филиал американской разведки».

Могла бы – если бы имела место. Но такой публикации в «Правде» на самом деле не было. И, видимо, Лясс это знает, ибо предусмотрительно оговаривает: «Не вполне уверен (?! – С.М.), что статью эту напечатала “Правда”, а не другая центральная газета (какая? – С.М.). Но, даже если я ошибся (?! – С.М.), существа дела это не меняет (?! – С.М.)».

Увы, не только меняет – полностью обесмысливает «критику». Ибо лишь сей «артефакт» – будь он действительно фактом – мог бы противостоять тезису Костырченко. Компетентность и добросовестность Лясса-полемиста характеризуют и другие пассажи. Так, перечисляя тех, кто «тиражирует» упомянутое выше утверждение Костырченко, он приводит (скопом, без указания, кому что принадлежит) «выдержки из публикаций В. Балана, С. Мадиевского. З. Шейниса, Коршевера»... Прежде всего – как мог З. Шейнис, умерший в 1992 году, «тиражировать» мнения Костырченко, опубликованные в 2001-2002 годах? Далее. Ни одна из приводимых Ляссом выдержек мне, Мадиевскому, не принадлежит. И принадлежать не может. Ибо данный тезис Костырченко – о свертывании после 20 февраля пропагандистской кампании вокруг «дела врачей» (первоначально он имел такую форму, без уточнения, что речь идет лишь о «Правде») – как раз один из тех, с которым я печатно выражал свое несогласие.

Что же, приходится напомнить, что в моей статье «1953: Предстояла ли советским евреям депортация?» (Лехаим, 2001, №1, с. 53) черным по белому значится: «...погромные статьи о “врачах-убийцах” продолжали появляться и после 20 февраля». В этом может убедиться любой подписчик «Лехаима».

Причисляя меня – в этой и других своих публикациях – к безоговорочным сторонникам «антидепортационной» версии, Лясс фальсифицирует мою позицию. И делает это вполне сознательно. Ибо нельзя «не заметить» или «не понять» вывод упомянутой статьи: «Как видно (из проведенного анализа. – С.М.), у обеих (сторон) есть довольно веские и серьезные доводы, есть, впрочем, и менее убедительные. Вопрос, поставленный в заголовке статьи, пока остается открытым» (там же; последняя фраза выделена жирным шрифтом).

По-видимому, Лясс рассчитывал на то, что редакциям недосуг сличать его утверждения с текстом моей статьи. Но, так или иначе, рано или поздно, фальсификация выходит наружу.

*Ñ. Ì ààcààfèèé,
Ààòáí, Áàòí àí èy*

При вашем щепетильном отборе материалов для журнала, меня удивляет постоянное авторство Бенедикта Сарнова, заметки которого под громким названием «Я был евреем» грешат неточностью и бессодержательностью, а порой и просто вредными признаниями. Сошлюсь на факты.

Сарнов, который в советское время был, конечно, не «Бенедиктом», сам признался, что русские люди упрекали его за то, что он не публикует авторов с еврейскими фамилиями. Да и сама его жизнь в советское время, как следует из его писаний, была не очень трудной: Переделкино, Коктебель... Кстати Б. Сарнов перевирает, заявляя, будто бы в июне 1953 года на пляже в Крыму узнал по радио о расстреле Берии. Свидетельствую, что об аресте Берии как врага народа было сообщено 23 апреля 1953 года. Месяц, как это было принято, проходили митинги, клеймили позором бандита, «шпиона и предателя». Затем последовало очень продолжительное молчание (шло следствие), и только в ноябре под председательством маршала Конева начался процесс над Берией, и затем был вынесен смертный приговор. Не верите – поднимите газеты. Значит, в июне Сарнов не мог слышать о расстреле – его подводит память.

Третье. Глубоко возмущает издевательство 16-летнего Сарнова с дружкой летом 1943 года, в разгар войны, когда появилась надежда на победу, над новым гимном СССР. Ведь это в то время, когда под словами гимна:

*Ì ú àdì èp íàóó ðàñòèèé
á ñààcáí úyá,
Çàòáàò-èèfá í íàèúó
ñ áí òí àé ñ àòáí,
Ì ú á àè-ò áàò ðàc áàí ñúúáó
í íèíèáí èé,
Ì ú é ñèááá í-ò-èçí ó ñáí p
í íáíáí !-*

готов был подписаться каждый патриот, включая, разумеется, и евреев. Это было время, когда 16-летние ребята готовились к фронту, я сам в 14 лет уже был сыном полка, а этот... смеялся! Над страной, которая проливала кровь! Кстати, почему ни он, ни его папа так и не были на фронте? Ведь брали тогда в армию с 17 лет. Недаром теперь упрекают евреев, что отсиживались в тылу. Сарнов – яркий пример!

И очень хорошо, что он сам признается, что исчерпал свою рубрику: «Мой личный опыт имеет предел, ведро мое с трудом наполняется водой...» Но я зря подумал, что он перестанет возмущать читателей: он собирается взяться за Эренбурга! Не позволяйте ему это делать! Статьи Ильи Эренбурга читали в окопах, они били немцев сильнее снарядов. Руки прочь от Эренбурга!

А теперь уже не о Сарнове, но на совсем другую, очень щепетильную тему. О «деле врачей». Я врач-пензионер, и меня потрясли факты, которые признали сами арестованные профессора. В.Н. Виноградов на допросе 18 ноября 1952 года заявил: зная, что у Жданова инфаркт миокарда, он (вопреки электрокардиограмме) настаивал, что у Жданова – не инфаркт миокарда, а «миомалятические очаги». И где? – в сердечной мышце, в миокарде, при болезни которого лечат так же, как при инфаркте. Почему же не лечил академик, как это и положено?! Академическая гордость, мудрствование, не позволявшие согласиться с простым врачом Тимашук... Конечно, это не факт измены, предательства, но головопашество и врачебная ошибка – точно. А врач Карпай, выписавшая – как она сама признала, по ошибке, а не с вредительской целью, – Калинину стрихнин в дозе, превышающей в 10 раз норму? Стрихнин – яд! Доза, увеличенная в 10 раз, убила бы человека. Хорошо, что рецепт был задержан в аптеке. Так что не все здесь гладко. Головопашество-врачи сами дали повод, а уже потом... Не бойтесь напечатать мое письмо?

P.S. Çà òàèàò í ñòú àðà-áé è ñèé-áñ ñúúyò, í í, èí íá-í í, í á çà èçí áí ó!

*Ì. Èáààèí fèèé,
Áí áí òí í-ò òí áíé*

